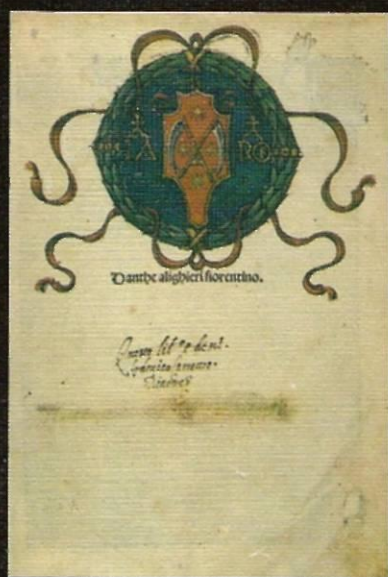

КНИЖНЫЕ СОКРОВИЩА МИРА

Издательство «Книжная палата» в первом выпуске нового издания «Книжные сокровища мира» знакомит читателя с редкими и особо ценными изданиями из фондов Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина.

В книге рассказано о непростой истории установления датировки древнейшей рукописи Библиотеки — XI век — «Архангельского евангелия», о загадках иллюстрирования одного из первоизданий «Божественной комедии» А.Данте, связанного с именем С.Боттичелли, о злоключениях «Большой Азбуки» Л.Н.Толстого, которую он ставил выше «Войны и мира», о хитроумном издателе «Пестрых сказок» — В.Ф.Одоевском, о литературных и других мистификациях Д. Дефо и его малоизвестной книге о Петре I, о трагедии «Димитрий Донской» и трагедии ее автора — драматурга В. А. Озерова, о нелегкой судьбе других памятников книжной культуры, нередко уникальных, существующих в единственном экземпляре, изданных роскошно, а порой и очень скромно, с автографами известных писателей и ученых.

КНИЖНЫЕ
СОКРОВИЩА
МИРА

1

КНИЖНЫЕ СОКРОВИЩА МИРА

*Из фондов
Государственной
библиотеки СССР
имени
В.И. Ленина*

ББК 76.11
К53

Составитель

Е.И. Левит

Художник

А.А.Брантман

Фотограф

В.П.Иглин

К 4502030000-137 53-89
008(01)-89

ISBN 5-7000-0084-9

(С) Коллектив авторов, 1989
© Е. И. Левит (составитель), 1989
© А. А. Брантман (художник), 1989
(С) В. П. Иглин (фотограф), 1989

СОДЕРЖАНИЕ

В.М.Калугин
«КОНЧАХ... В ЛЕТО 6600»

Е.М.Великанова
«ФЛОРЕНЦИЯ, ТЫ ИРИС НЕЖНЫЙ...»

О.Б.Мраморнов
КНИЖНИК XVII ВЕКА
51

М.А.Гордин
СРАЖЕНЬЕ НА ПОЛЯХ
67

О.Г.Ласу некий
ТАЙНЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ МАСКИ
83

Э.Г.Бабаев
БОЛЬШАЯ АЗБУКА, ИЛИ ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ
95

А.В.Бедеров
ИЗДАНО В КАЛУГЕ
111

В.В.Калмыков
СПЯЩИЕ, ПРОСНИТЕСЬ!
121

Е.В.Кончин
СУДЬБА ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
137

Д.М.Урнов
БЕСПРИСТРАСТНАЯ ИСТОРИЯ
153

В.В.Огрызко
ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ
175

П.И.Бондаровский
ЖИВ ЛЕВША!
193

Е.Я.Левашова
СЛЕД В ВООБРАЖЕНИИ
203

БАЗАНЪ НАНБЪСЪХЪ. И ИАНИСОВАЩЕ
РАЗДРЪШИТЕ НАЗЕМЛЮ. КОУДА
РАЗДРЪШЕНЫ НАНБЪСЪХЪ. ПРАВЕ
ВЛНЪ ТЪЮВАМЪ. ТАКОЩЕ. А
НАШЕ СЪСЪВЪЩАЕ. ТА НАЗЕМЛЮ
ОКЪСА. КОУДА ЦИ. И ЮЖЕ. КОУДА
ПРОСИТЕ. КОУДА БЪТЪНЛА. ЮОЦА
И ГИЖЕ. И НАНБЪСЪХЪ. ИА
ВСТАДЪВАНЪ. ТРИТЕ БЪРАМЪ
ВЪНЛА. АЛЮ. ТОУ. СЛА. И СЕ. СЕ. СЕ.

СХВОТЪ ИНИСТЪ

СМЪЕУА. ИРОЖЕ ЧЪТЕТЬ ВЕЛН. СЛА
З ЧРТЕЗІ. ШПАНТИКОСТНЪ ДОВЕЛН
З ІСАДГО ПОСТА. СОУА. ПОПАНТИКО
СТНН. ЕУА. ШМАТЪ. БА. ГЛА. А. О.

БУЕГЪ ПРОСАЩЕ. СЛОВОУ. У. Т. Т.
А. И. В. У. С. Т. А. Ц. А. Г. О. Ш. Т. Е. Б. Е. З.
И. Т. И. Н. Е. В. З. У. К. О. С. И. С. О. В. Ш. А. С. И.
И. К. О. Р. Е. Ч. Е. Н. О. Е. С. Т. И. Ч. Е. Л. Ъ. К. И. Н.
Б. А. И. К. Ъ. М. А. Г. О. С. О. В. Е. Р. А. И. Ч. У. Н.

Виктор Калугин

«КОНЧАХ... В ЛЕТО 6600»

Поначалу Алексей Егорович просто не мог понять, что же случилось, как такое могло произойти?.. Пришел Большаков, принес пергаменную рукопись, запросив за нее 250 рублей, а через три дня затребовал ее обратно, не дождавшись его, Хранителя Отделения рукописей, бывшего в это время в Петербурге. Алексей Егорович попытался хотя бы выяснить, что за рукопись, кто ее видел. Оказалось — все. Бердников — его помощник по Отделению, Барсов — библиотекарь Отделений славянского и русского; видели не только они, работники Румянцевского музея, но и все, кто побывал в эти дни в Отделении — Дювернуа, Кулиш, отец Амфилохий. Три дня еще неведомая науке рукопись пролежала на его, викторовском столе.

Обычно любую рукопись, поступающую в Отделение, конечно же, сначала обследовал он сам — Хранитель, а уже после показывал Бердникову или Барсову, Дювернуа или Амфилохию. Но первое слово принадлежало ему, Алексею Егоровичу Викторову, Хранителю Отделения рукописей и старопечатных книг с первого дня основания Московского Публичного и Румянцевского музея.

Вот уже пятнадцать лет «приращивал» он собрание Отделения рукописей, и еще не было случая, чтобы рукопись исчезла неведомо куда. И рукопись древняя, в этом он мог положиться на мнение тех, кто видел ее и обследовал. Барсову даже удалось прочитать запись писца, закончившего рукопись в лето 6700 года, а это значило, что собрание Румянцевского музея могло пополниться еще одной датированной рукописью XII века, с указанием точной даты — 1192 год.

А виной всему, как удалось выяснить, был не кто иной, как отец Амфилохий, почтенный настоятель московского Данилова монастыря. Это он упросил Большакова взять рукопись обратно под честное слово, что через два дня (как раз к возвращению Викторова) тот возвратит ее в Музей. Алексей Егорович вернулся; прошло уже не два дня, а две недели — ни о рукописи, ни о Большакове, ни об отце Амфилохий ни слуха ни духа, как в воду канули...

Это известие об исчезновении рукописи XII века застало Алексея Егоровича в канун 1876 года, а первые же дни нового, 1877 года принесли еще более ошеломляющую весть.

Четвертого января дверь Отделения отворилась, и тишину Музея потряс голос его преподобия отца Амфилохия. Никогда еще не видел Алексей Егорович его в таком возбужденном и, как скажет он позже, «экзальтированном состоянии», никогда не слышал от него подобных слов. Объявление, которое сделал отец Амфилохий, потрясло Викторова. Но не тем, что рукопись эта может быть датирована не 1192, а 1092 годом, и что по текс-

Архангельское евангелие
1092 г. Страница рукопис-
ной книги

ту она важнее «Остромирова евангелия», и что стоит она не 250, а 700 и даже 1000 рублей, а тем, что Амфилохий говорил все это *после* всего случившегося. После того, как сам же помог выманить рукопись из Отделения и она вновь оказалась у того же купца Большакова, теперь наверняка тоже знающего, что стоит она 1000 рублей. Отец Амфилохий, похоже, сам не ведал, что натворил.

И Алексей Егорович попытался было вразумить Амфилохия, объяснить ему, что так поступать не принято. А в ответ услышал: «Да ведь вы, купив рукопись, конечно, не дали бы ее мне на дом... вот я для этого и упробил Большакова...»

Так в Отделении рукописей разразился скандал и посыпалась брань, которой, наверное, ни до ни после не слышали стены Музея. «Амфилохий наговорил и мне и Музею целую кучу дерзостей», — признавался Виктор. На том они расстались. Амфилохий ушел ни с кем не простившись.

А буквально на следующий же день Виктор получил письмо из Петербурга от И. И. Срезневского, в котором сообщалось, что «Публичная библиотека готовится купить рукопись 6600 года, как прочел и дал им знать архимандрит Амфилохий».

Все это значило — ни много ни мало, — что преподобный отец за спиной Музея дал знать о рукописи в Петербург, а Большаков уже перепродал ее Публичной библиотеке. И в этом же письме Срезневский задавал Виктору ряд конкретных вопросов о самой рукописи: «Не видели ли Вы когда-нибудь этой рукописи и не читали ли Вы записи ранее, чем она была попорчена?.. И потом, где она доселе скрывалась и как обрелась?»

Эти вопросы заставили Викторова провести, по его словам, «подробное формальное следствие». У купца Большакова удалось выяснить лишь одно: рукопись он купил за 75 рублей у какого-то крестьянина, приехавшего из Архангельска. Никакими другими сведениями Большаков не обладал.

Купец второй гильдии Сергей Тихонович Большаков, единственный из московских книгопродавцев-антикваров, считался официальным комиссионером Музея (вторым комиссионером был антикварий из Франкфурта-на-Майне Иосиф Бэр), но то была заслуга его отца, крупного московского купца-старообрядца Тихона Федоровича Большакова, бывшего, по свидетельству П.А.Бессонова, «узлом могущественной связи, соединявшей все концы России». Эта связь, как и у знаменитой династии московских купцов Солдатёновых, осуществлялась через старообрядцев, что и помогало Большакову-отцу выгодно торговать рукописями и составить крупнейшее собрание. После смерти Большакова-отца в 1863 году это собрание — 435 рукописей — было приобретено Музеем. Сергей Тихонович Большаков продолжил дело отца, но больше по коммерческой части. Современники не стеснялись называть его мошенником, пройдохой, что сказалоь и в истории приобретения Музеем таинственной рукописи из Архангельска.

Еще труднее оказалось Викторову ответить на другие вопросы, поскольку сам он рукописи не видел. Поэтому мог судить лишь со слов видевших ее.

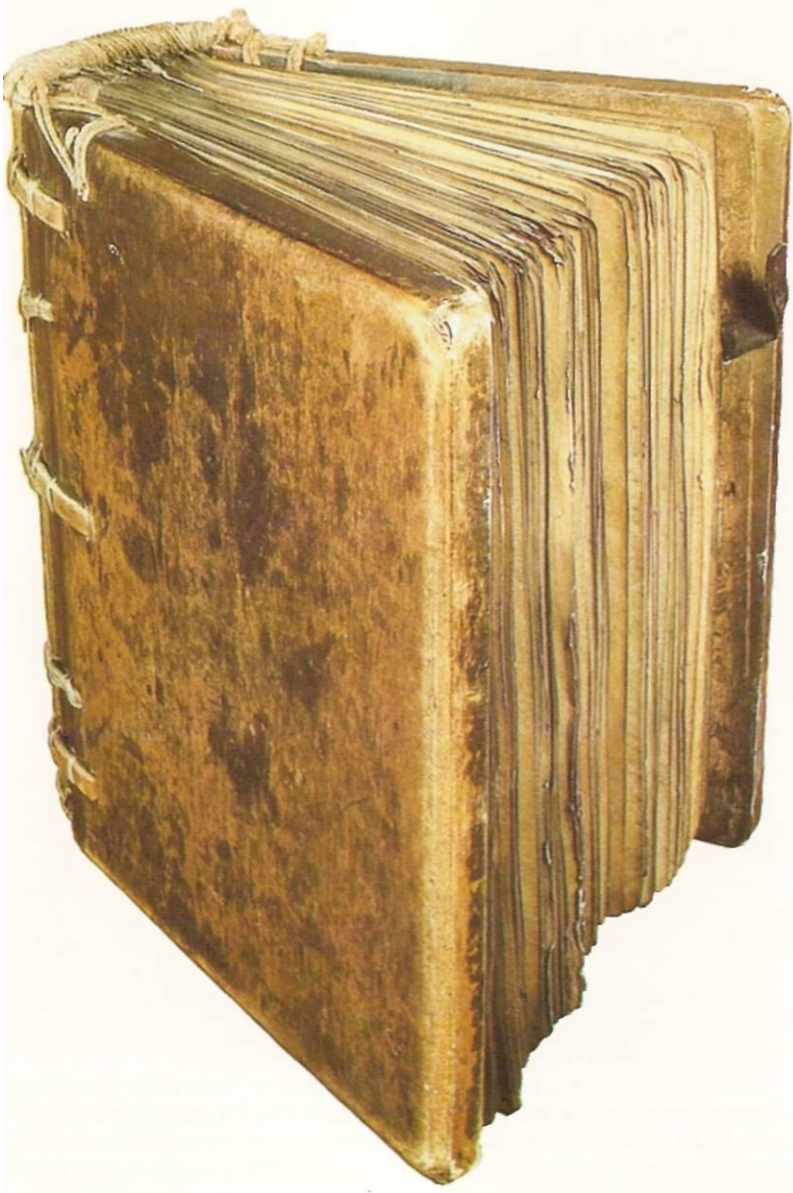

Стихари. XIII в.

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — одно из крупнейших в стране хранилищ книжных сокровищ Древней Руси. В Музейном собрании и в отдельно выделенных фондах хранятся древнегреческие пергаменные рукописи (одна из них датируется VI — VII вв.), старославянские, сербские, среднеболгарские и древнерусские рукописи XI—XVIII вв.

Мнение отца Амфилохия он уже знал, тот упорно продолжал настаивать, что рукопись 6600 года, и даже сообщил об этом в Петербург. Насколько важно было Викторову разобраться в точности такой даты, можно судить по тому, что в то время (да и ныне) у нас были известны только три точно датированные рукописи XI века.

И вот еще одна, четвертая, точно датированная рукопись XI века — 6600 год (1092-й). В вероятность подобного открытия трудно было поверить, к тому же рукопись теперь находи-

Архангельское евангелие
1092 г.

Самая древняя рукопись Музейного собрания — «Архангельское евангелие» 1092 г. (М.1666), четвертая по древности рукопись, сохранившаяся на территории СССР. XI веком датировано еще несколько рукописных книг. Среди них «Маринское, или Афонское евангелие» (Григ. 6), известное и под другим названием — «Григоровичево евангелие» (по имени первооткрывателя — филолога, историка и собирателя В.И.Григоровича, нашедшего эту рукопись в 1845 г. в ските Богородицы на Афоне). Рукопись украшена миниатюрами, заставками, инициалами. Это один из ценнейших образцов старославянской книжной культуры. Второй половиной (концом ?) XI в. датируются и так называемые «Листки Уидольского» (Унд.961), названные по имени известного собирателя и библиографа В.М.Ундольского.

лась в Петербурге, и только там могли прочесть запись писца. Амфилохий утверждал, что это 6600 год, что он изучал рукопись «ровно одиннадцать дней, употребляя на это по восемнадцать часов в день», и не мог ошибиться.

Но в том-то и дело, что его мнение воспринималось с недоверием не только Викторовым, но и другими учеными. «Наш знаменитый во филологах преподобный отец Амфилохий» — так не без иронии будет отзываться о нем Виктор. А другие, тот же Барсов, еще хлеще — «святая лапоть Амфилох».

Архангельское евангелие
1092 г. Первая страница
рукописной книги

Из рукописных книг XII в. наиболее известным является «Симеоново евангелие» 1164 г. (Рум.103), названное так по имени заказчика. Второе название этой рукописи — «Добрилово евангелие», по имени писца дьяка Константина, «а мирьскы Добрило». Рукопись украшена четырьмя миниатюрами в лист с изображениями сидящих и пишущих евангелистов, за-

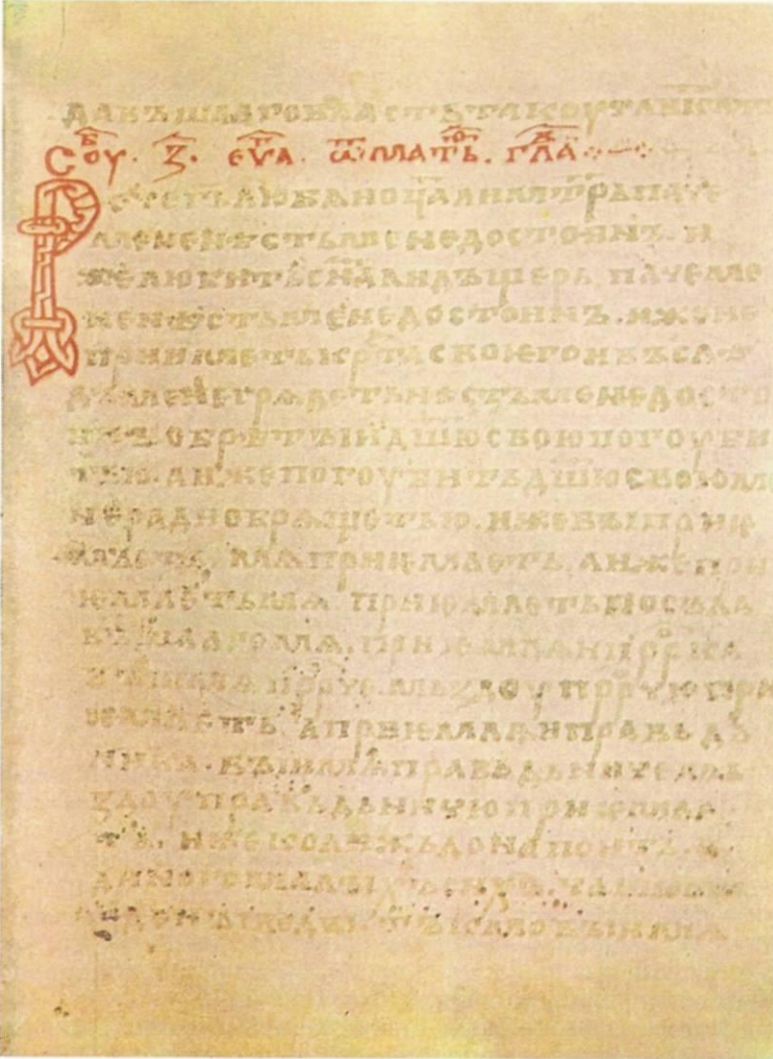
трудно сказать, насколько справедливо было такое мнение, поскольку научные труды Амфилохия (Павла Ивановича Сергиевского) не утратили своего значения и до нашего времени. Он первым опубликовал описание Воскресенского собрания, издал и изучил многие древнерусские памятники, за что и был еще в 1863 году избран членом-корреспондентом Академии наук. Немало значили и его пожертвования Музею, только в 1863 году он безвозмездно передал в дар Музею 56 рукописей и был с первых дней основания Отделения рукописей одним из самых постоянных его посетителей. Но и «своятой лапотью» его тоже называли далеко не случайно: уже не раз попадал он впросак со своими сенсационными открытиями.

Вот и получилось, что с самого начала Алексей Егорович Викторов менее всего поверил именно ему, Амфилохию. Другая дата — 6700 год (1192-й) — казалась ему убедительнее. Так прочитал запись Барсов. И свое «формальное следствие» Викторов начал с него.

«Барсов,— сообщал Викторов Срезневскому,— которому я делал допрос в курильной в присутствии Корша, Бушеры

(Е.Ф.Корш был библиотекарем Музея, а А.П.Бушера — его помощником.— В.К.) и всякой другой нечисти, торжественно отвечал, что рукопись 1192 года, а не 1092 года, что он сам читал запись, что эта запись не в конце (в конце, по его словам, другая запись), а за несколько листов до конца и что если Амфилох напечатает, что рукопись 1092 года и что если в Петербурге отнесут эту рукопись к 1092 году, то он, Барсов, будет протестовать».

С мнением Елпидифора Васильевича Барсова Виктор не

Архангельское евангелие 1092 г. Страница рукописной книги

ставками, концовкой и киноварными инициалами. «Добрилово евангелие» приобретено Н.П.Румянцевым в 1822 г. в Гомеле. К наиболее ценным приобретениям Н.П.Румянцева «от одного из старообрядцев, проезжавших Москву» в 1824 г., относится «Лествица Иоанна Лествичника» (Рум. 198), украшенная заставками, инициалами и датированная серединой XII — началом XIII в.

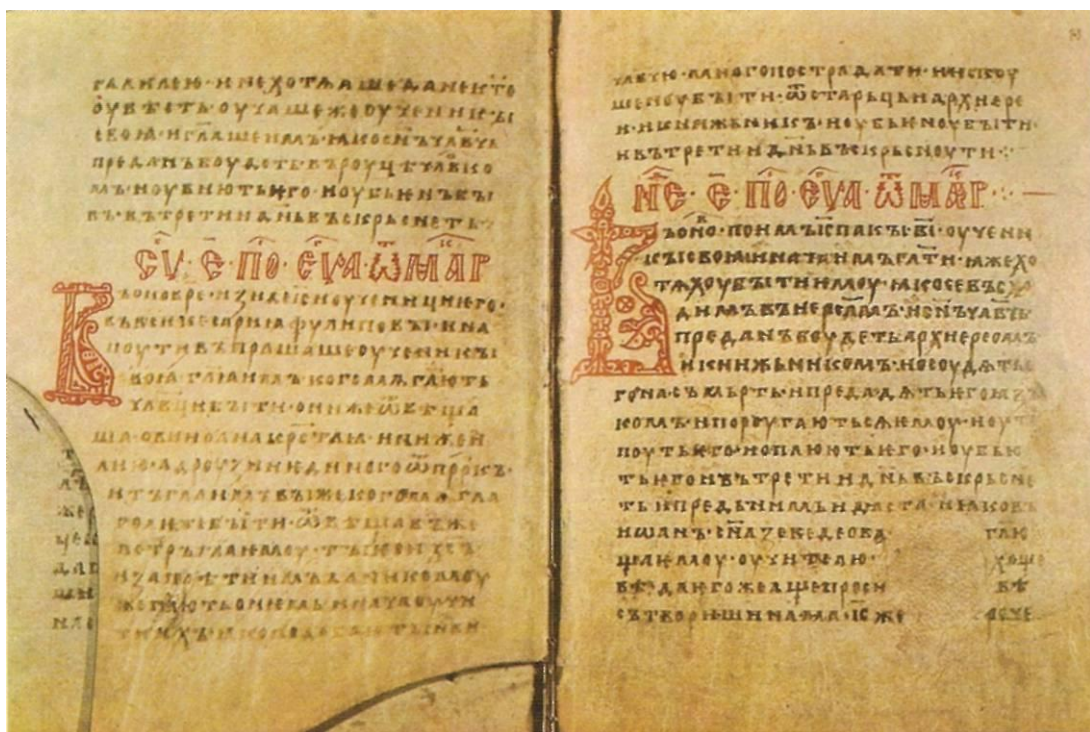
Концом XII в. датируется так называемый «Выголексинский сборник» (Жития Нифонта Константинопольского и Феодора Студита) (М. 1832) — характерный памятник галицко-волянской письменности. Образцом новгородской книжной культуры является «Симоновское евангелие», датированное 1270 г. (Рум.105). Эта рукопись была приобретена в 1825 г. К.Ф.Калайдовичем у зарайского купца К.И.Аверина для собрания Н.П.Румянцева. Все оформление рукописи — работа новгородских мастеров. Она украшена миниатюрами в лист, заставками, заголовками,

мог не считаться, в то время он был уже достаточно известным ученым, собирателем и исследователем древнерусской письменности, истории раскола.

Дня через два Виктор вновь увидел Барсова, сидевшего в Отделении рукописей рядом с отцом Амфилохием, который, забыв все обиды, как ни в чем не бывало продолжал прерван-

ную было работу над изучением текста «Добрилова евангелия» 1164 года из собрания Н.П.Румянцева. Алексей Егорович догадывался, о чем они шепчутся с Барсовым. Во всяком случае, после встречи Барсов был уже менее категоричен, он подошел к Викторову и произнес шепотом: «А может быть, Амфилохий прав: в записи 6600-й год, а не семисотый...»

Что оставалось делать Викторову: кому из них верить?.. Тогда он обратился к Александру Львовичу Дювернуа, тоже просматривавшему рукопись. Но тот заявил, что «занимался ру-

Архангельское евангелие 1092 г. Страницы рукописной книги

киноварными и чернильными инициалами.

Среди древнерусских рукописных книг XII—XIII вв. есть несколько уникальнейших образцов музыкальной культуры. Это «Кондакарь» (ОИДР, 107) и «Стихирарь минейный, йотированный» (Григ.47), обе — конца XII в., «Ирмологий нотированный» (Григ.

кописью около получаса, что в записи он прочел только имя писца, но года не видел. При этом прибавил, что, судя по языку, эта рукопись очень может быть XI века». Дювернуа был не палеографом, а лингвистом, его интересовал прежде всего язык рукописи.

Таковы были результаты «расследования», проведенного Викторовым по просьбе Срезневского.

К отцу Амфилохию он тоже обратился, пытаясь выяснить обстоятельства порчи записи.

«Вчера же, — сообщал он Срезневскому, — исповедовал отца Амфилохия насчет учиненной им реставрации записи. С обычной наивностью он сам рассказал, что он покрывал запись жидкостью из того самого пузырька, который когда-то дали ему Вы».

В предисловии к книге «Описание Евангелия 1092 года», вышедшей в 1877 году (примерно через полгода после описываемых событий) сам Амфилохий тоже упомянет об этой реставрации: «Ниже сего видны некоторые буквы палимпсеста,

реставрированные мною химическим составом, оставленным Измаилом Ивановичем Срезневским 8 лет тому назад».

Измаил Иванович Срезневский был к тому времени не только крупнейшим специалистом по славянской филологии, но и одним из основоположников русской палеографии. Выработанные им научные методы прочтения древних текстов, определения времени создания славяно-русских памятников позволили ему открыть такие выдающиеся памятники славянской письменности X—XI веков, как «Саввина книга», «Киевские

глаголические листки», «Листки Ундольского». Он же применял химические методы реставрации палимпсестов, т. е. первичных текстов, записанных или соскобленных. Лишь современной науке удалось найти способы восстановления таких «угасших» текстов, не повреждая самих рукописей: это метод фотографирования в ультрафиолетовых лучах. Но в XIX веке, как, впрочем, до недавнего времени и в нашем, XX веке, к сожалению, использовали именно химические реактивы.

Один из таких «пузырьков» Срезневского, как видим, восемь лет хранился у Амфилохия. «На л. 174 об. (в начале записи Мички) и особенно на л. 178 об. следы применения химического реактива для проявления текста», — читаем мы в современном описании этой рукописи.

А в то самое время, как Викторов «исповедовал» отца Амфилохия, пришло письмо от Срезневского, который наконец-то получил возможность исследовать рукопись и пришел к выводу, что она XII—XIII веков. И первым он решил сообщить об этом даже не Викторову, а Амфилохию. Ученый должен об-

Архангельское евангелие 1092 г. Страницы рукописной книги

37) начала XIII в. и др. Особую ценность представляет «Кондакарь йотированный» (Тр. 23) начала XIII в., известный как Троицкий, или Лаврский. Древнерусская кондакарная нотация XI—XIV вв.— это особый вид безлинейной нотописы, до сих пор остающийся загадкой, нерасшифрованный. «Троицкий кондакарь» украшен заставкой,

ладать мужеством, чтобы признать свою ошибку. Так, видимо, рассудил Срезневский.

И у отца Амфилохия действительно хватило мужества, чтобы принести это письмо в Музей. Правда, с поражением своим он так и не смирился. «Что мне Академия! — заявил он. — Вот завтра в заседании Уваровского археографического общества я подробно прочту. Я одиннадцать дней сидел над рукописью...»

Больно было на это смотреть Алексею Егоровичу, жалко видеть, как «топорщится», упрямится, не может признать ошибки «благознаменитый филолог, по реклу Амфилохий». Но одновременно и радостно. Радостно, что «страдания теперь кончились». О чем он и напишет Срезневскому в письме от 12 января, заметив: «Как же это ухитрились наши доморожденные палеографы, т. е. отец (я теперь боюсь называть его иначе) Амфилохий и Барсов, прочесть в записи о значении года? Хороши, нечего сказать... Оба лучше! А еще Барсов так нахально бранил Дювернуа, когда я сказал ему, что последний не видел года! „Дювернуа вовсе не умеет читать рукописей“, — отозвался Барсов. А вот, оказывается, Дювернуа был прав».

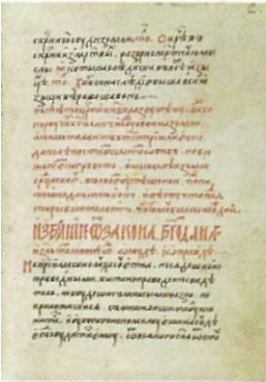
По сравнению со Срезневским и Амфилохий, и Барсов, конечно же, были «доморожденными палеографами». Срезневский в Берлине учился у Боппа, в Праге постигал основы славяноведения у Шафарика. Его авторитет для Викторова был непрерываем. Правда, кое-какие сомнения у Алексея Егоровича все-таки снова возникли, когда на следующий день Амфилохий принес ему восемь копий с рукописи (эти копии художника Варламова вошли в издание Амфилохия), в том числе копию листа с записью писца, и Викторов прочитал: «Кончах... в лето 6600».

«Как же, — спросил он, — не заметили этой записи в Петербурге?» Амфилохий возражал: «Там искали на обратной стороне, между тем как запись на лицевой стороне и совершенно незаметна, выцвела».

«Признаюсь откровенно, — напишет он Срезневскому 14 января, — я немного поколебался». Но Срезневский вновь попытался развеять колебания Хранителя Отделения рукописей. 18 января он направит ему письмо, в котором подтвердит свою датировку, заметив, что не может «винить о.Амфилохия и не уважать в стареющем архимандрите его юношеского пыла ревностного, его горячечной деятельности». Срезневский призвал к снисходительности, он понимал, что «старейшего архимандрита» московские коллеги могли обвинить в гораздо большем, чем в невольной ошибке: в измышлениях, если не подделке рукописи. Так бы, наверное, и случилось, при всем уважении к возрасту и сану отца Амфилохия, но письмо Срезневского заканчивается припиской, написанной позже вышеприведенных слов.

В этой приписке говорится, что только что он, Срезневский, получил записку от Хранителя Отделения рукописей Публичной библиотеки Афанасия Федоровича Бычкова, и в этой записке говорится: «Приписка с годом действительно оказалась на 177-м листе с лица». И год этот — 6600-й.

А через несколько дней Викторов тоже получил письмо от академика Бычкова (оно датировано 23 января), в котором подтверждалась датировка 6600 года. При этом сообщалось,

Мерило Праведное
Конец XIII — начало XIV в.

инициалами и миниатюрой «Явление Богоматери спящему Роману Сладкопевцу» (византийский поэт VI в. Роман, прозванный потомками Сладкопевцем, создал новую музыкальную и поэтическую форму так называемого кондака).

Замечательный памятник древнерусского юридического права — так называемая «Устюжская кормчая» (Рум.230) конца XIII — начала XIV в. Это свод законов и правил, веками применявшихся в церковных судах, среди которых — древнейший памятник славянской юридической мысли «Закон Судным людям». В Библиотеке хранится и другой сборник поучений о праведных и неправедных суждях, свод

что рукопись отправлена из Петербурга «по принадлежности к Большакову». Даже императорская библиотека не смогла заплатить за нее тысячу рублей, которые запросил Большаков. Рукопись вновь вернулась в Москву и вновь оказалась на столе Хранителя Викторова, но в результате всей этой истории вместо 250 рублей Музею пришлось заплатить за нее Большакову 700.

Алексей Егорович впервые прикоснулся к потемневшим, будто окостенелым от времени доскам переплета, когда-то, видимо, обтянутым кожей или холстом, а теперь, как и корешок,

оголенным... Что испытывал он, уже заранее зная, что это рукопись 1092 года? Удивление от ее прозаичности, обыденности? Да, такое удивление он испытал, но не сейчас, а еще четверть века назад, когда вместе с новым поколением «архивных юношей» (В.М.Ундольским, А.Н.Афанасьевым) начал постигать премудрости харатейных рукописей в Архиве Министерства иностранных дел.

Сейчас же ему было важно удостовериться в главном — в дате, из-за которой разгорелись споры. Алексей Егорович открыл лист 174-й и прочитал на его обороте запись писца Мичков — простить за ошибки. На эту запись и обратили внимание Срезневский и Дювернуа, утверждавшие, что в рукописи вообще нет никакой даты. Он перевернул еще два листа. Почерк менялся: геометрические буквы кириллицы резко выделялись на желтом пергамене, а вот и 177-й лист. Запись писца с трудом различима, чернила осыпались, но все-таки можно прочесть — «в лето 6600».

Архангельское евангелие 1092 г. Страницы рукописной книги

законов, включающий «Русскую Правду», — «Мерило Праведное» (Тр.15). Рукопись открывается миниатюрой с изображением праведного судии. Троицкий список — древнейший из четырех сохранившихся списков этого памятника юридического права в Древней Руси.

Из лицевых рукописных книг XIV в. особую

Это было так называемое Евангелие апракос краткий — одна из самых распространенных богослужебных книг, в которой выбранные тексты из четырех книг Нового завета располагались в порядке чтения по церковным праздникам. Такие Евангелия (от греческого слова *евангелион* — благая весть) находились буквально в каждой церкви, наряду с Апостолом апракос, Служебником, Требником, Псалтырем, а только городов в Киевской Руси по летописным данным IX—XI века было 88, и в каждом — по несколько церквей. Тем не менее до нашего времени сохранилось лишь четыре Евангелия апракос кратких XI века: «Саввина книга», «Остромирово евангелие», «Архангельское евангелие», «Туровское евангелие».

Часослов. XV в.

художественную ценность представляет «Хроника Георгия Амартола» (МДА, 100), включающая 127 миниатюр — иллюстраций к всемирной истории. Эта книга создана в IX в. константинопольским монахом, назвавшим себя Амартолом (грешным). Древнейший из сохранившихся списков — русский, названный Тверским по имени заказчика, тверского князя Михаила Ярославича (1272—1318). «Эта рукопись, — отмечал Д.В.Анайлов, — с ее иллюстрациями перекидывает мост между Древней Русью и Византией в понимании мировой истории, нигде более нельзя встретить в таком ярком и многогранном отражении средневековой Руси с ее верованиями, с ее

Так вполне благополучно закончилась эта история. Благополучно как для рукописи, ставшей самым ценным приобретением Московского Публичного и Румянцевского музея, так и для ее первооткрывателя Амфилохия. 21 февраля 1877 года в газете «Голос» появилось первое печатное сообщение об этом «замечательном приобретении» Румянцевского музея (автором сообщения был А.Е.Викторов), затем вышло исследование Амфилохия «Описание Евангелия 1092 года». С тех пор эта рукопись, ставшая известной в науке как «Архангельское евангелие», привлекала внимание почти всех крупных ученых. В прошлом веке об «Архангельском евангелии» писали А.Е.Викторов, Амфилохий, А.Л.Дювернуа, И.И.Срезневский, А.Ф.Бычков, В.В.Стасов, А.И.Соболевский, в нашем — Г.П.Георгиевский, Н.Н.Дурново, Е.Ф.Карский, М.А.Соколова, Л.П.Жуковская, Н.Б.Тихомиров. В истории русской науки и культуры оно прочно заняло место рядом с самыми знаменитыми древнерусскими книгами: «Остромировым евангелием» 1056—1057 годов, «Изборником Святослава» 1073 года и «Изборником» 1076 года.

История открытия «Архангельского евангелия» — лишь эпизод, лишь месяц из столетия истории Отдела рукописей. История, в которой первый Хранитель едва не ошибся. И не только он, но и другие крупнейшие ученые Москвы и Петербурга. Тем не менее история характерная, сохранившая живые черты времени и человеческие личности. Если в 1861 году при переводе Музея из Петербурга в Москву поступило около восьмисот рукописей знаменитого собрания Н.П.Румянцева, то к 1883 году (20 июня 1883 года А.Е.Викторов умер от брюшного тифа в Пятигорске) их стало уже более пяти тысяч. И все эти «приращивания» связаны с именем Алексея Егоровича Викторова. За двадцать два года работы в Музее Викторов создал одно из крупнейших в мире хранилищ памятников славянской и русской письменности (приобретения рукописей А.С.Пушкина, Н.В. Гоголя, художника Александра Иванова — тоже его заслуга). И каждая из пяти тысяч, буквально каждая рукопись была обследована и описана Викторovým. Описания и каталоги рукописных собраний, составленные Викторovým, имели и до сих пор имеют огромное научное и практическое значение, служат основой для научных исследований, выявили основной фонд славянской и русской письменности.

И первые археографические экспедиции Румянцевского музея — это тоже заслуга Викторова. «Он, — вспоминаю»

Е.В.Барсов,— в течение десяти лет пользуется чуть не каждой вакацией для того, чтобы на собственные средства, скопленные из скудного жалования, путешествовать по монастырям Великой, Малой и Белой России, чтобы привести в известность, описать и обследовать все, что уцелело еще до нашего времени для русской науки в монастырских библиотеках».

Сохранившиеся воспоминания об Алексее Егоровиче Викторове — Е.В.Барсова, Ф.И.Буслаева, И.И.Срезневского, А.Ф.Бычкова, писательницы Е.С.Некрасовой — рисуют облик

Алексей Егорович Викторов

легендами, поучениями, назиданиями, чудесами, гаданием, волхованием, идолами, баснословием о чудесных странах и людях, о диковинах мира и чудесах его».

подлинного подвижника науки, но отнюдь не затворника, полностью ушедшего в мир древности, чуждого страстям времени. Нет! Этих страстей он не чурался, не раз выступая в печати в защиту женских курсов, женского университета, или, например, пытаясь — тоже публично, в печати — образумить русских «дельцов», переселявшихся в 70-е годы в Америку, убеждая, что не на американских фермах, а в русских деревнях нужна их энергия, сила.

Во всем его облике нетрудно узнать черты типичного шестидесятника. Шестидесятника «из поповичей», но не в литературе, не в публицистике или общественно-политической жизни, а в науке.

Таким шестидесятником-«поповичем» в науке был и Барсов — сын новгородского попа, прошедший все ступени бursы от духовного училища до Петербургской духовной академии. Таким же был ближайший помощник Викторова по Отделению рукописей Бердников — кандидат Московской духовной академии. И сам Викторов — сын дьячка из села Студеникова Мценского уезда Орловской губернии. Он закончил и Орловскую семинарию (в 1846 году), и Московскую духовную академию (в 1850 году). Позже он вспоминал: «Проведенные мною четыре года в Академии не имеют ни малейшей связи с последующими моими занятиями и нисколько не подготовили меня к ним, по крайней мере не дали решительно никаких подготовительных знаний. Из Академии я вынес только логическую выpravку и умение самостоятельно работать в какой бы то ни было области».

В этом отрицании бursы, кстати, тоже сказываются черты типичного шестидесятника. Хотя справедливости ради стоит

Рукописи XIV—XVI вв. представлены подлинными шедеврами эпохи расцвета русской книжной миниатюры. Среди них «Псалтырь Ивана Грозного» (Тр. ризи. 7) 80-х гг. XIV в. и «Евангелие Федора Кошки» (Тр. ризи. 4) 90-х гг. XIV в. Обе эти рукописи приписываются специалистами выдающемуся художнику Древней Руси Феофану Греку, о котором, по словам его биографа Елифания Премудрого, известно, что он был «книги изограф нарочитый», славился не только своими иконами и фресками, но и книжными миниатюрами. «Евангелие Федора Кошки» (по имени заказчика, известного дипломата и сподвижника Дмитрия Донского Федора Андреевича Кошки) известно к тому же датированным 1392 г. окладом — замечательным образцом древнерусского ювелирного искусства.

заметить, что все-таки не вопреки, а благодаря духовному образованию многие бурсаки стали специалистами по древнерусской культуре. Эти университеты бурсы прошли основатель славянской палеографии Е. А. Болховитинов, крупнейший историк и этнограф Н.И.Надеждин, выдающийся исследователь древнеславянских и древнерусских памятников О.М.Бодянский, палеографы А.Е.Викторов, Е.В.Барсов, Амфилохий, И.Д.Бердников и многие другие «поповичи», обладавшие глубокими познаниями древнерусской культуры.

Апокалипсис

Началом XV в. датируется одна из самых знаменитых рукописей — «Евангелие Хитрово» (Тр. ризн. 3), принадлежавшее царю Федору Алексеевичу и пожалованное им в 1677 г. оружейничему боярину Б.М.Хитрову. Б.М.Хитрово передал Евангелие «ради древнего письма» в ризницу Троице-Сергиевой лавры. Если «Евангелие Федора Кошки» специалисты связывают с именем Феофана Грека, выразившего традиции средневекового византийского стиля, то «Евангелие Хитрово» — это едва ли не самый выдающийся и самый яркий образец русского национального стиля. Имя автора восьми страничных миниатюр и инициалов «Евангелия Хитрово» не указано, но большинство специалистов

Еще одну черту отмечают в Викторове современники — аскетизм. Вот каков был образ его жизни в квартире, глядевшей окнами на Кремль: «Несмотря на свои солидные года, Алексей Егорович спал на жесткой кожаной кушетке, питался как студент — сухоядением: яйца, колбаса, икра. В основе таких рахметовских ограничений лежал принцип: „Каждый

должен быть умерен в своих потребностях". А жизнь бурсы достаточно развила выносливость, чтобы не страдать от добровольных лишений... Жаль, совестно было тратить *на себя* и в особенности *на обед, спалье* — такие низменные потребности! Другое дело на книгу, на музей, на курсы, даже на итальянскую оперу...» (Из воспоминаний Е.С.Некрасовой).

В этом портрете нетрудно узнать черты другого человека, тоже почти четверть века проработавшего в Румянцевской библиотеке, — Н.Ф.Федорова. В 1877 году в «списках чинам» Ру-

Архангельское евангелие 1092 г. Последняя страница рукописной книги

единодушны во мнении — это Андрей Рублев.

Замечательные образцы рукописных книг XV—XVI вв.— «Зарайское евангелие» (Рум. 118), датируемое 1401 г., «Лествица Иоанна Лествичника» (ф. 439, Десн., карт. 21, ed. хр. 1) первой четверти XV в., «Часослов» (Тр. 16), созданный в 1423 г., «Книга Иоанна Дамаскина» (Тр. 177) конца XV в., «Космография Козьмы Индикоплова» (МДА, 75) конца XV в., «Годуновская псалтырь» (МДА, 70), созданная в 1594—1600 гг.

В Библиотеке хранятся рукописи, по исторической ценности, по уникальности списков или же редакций литературных произведений, житий и летописей зачастую сохранившиеся лишь в единственном списке, не имеющие дубликатов в других хранилищах. Это один из древнейших списков «Хождения игумена Даниила» (Рум. 335), списки воинских повестей XIII в.— «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Повести о Николе Зарзском»

чанцевского музея он значился «дежурным при читальном зале». Только Николай Федорович Федоров считал грехом любую собственность, даже на идеи и книги, а потому ничего не публиковал. Его трактат «Философия общего дела» вышел уже после смерти. Космическая теория Федорова привлекла внимание Льва Толстого, Достоевского, Владимира Соловьева,

(Волок, собр. 523), сохранившиеся в рукописи XVI в. из Волоколамского собрания, один из шести известных науке списков «Задоницы» (Унд. 632), наиболее ранний список «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород в 1472 г.» (М. 3271), единственный список литературно-публицистического произведения конца XV в. — «Послания Геннадия Иоасафу» (Тр. 730) и единственный список «Слова о единогласном пении Шестака Мартьянова» (М. 1407) XVIII в. Здесь хранятся сочинения Максима Грека с авторской правкой (Больш. 285; Рум. 264) и сочинения Ивана Пересвета (М. 4469).

В единственном списке сохранились «Летописец Рогожский» (Рогожек, собр. 253) середины XV в., «Ермолинский летописец» (МДА, Фунд. 195.2) конца XV — начала XVI в., «Палея хронографическая» (Тихонр. 704) начала XVI в. и другие литературные произведения, хроники, летописи.

своим учителем считал его Циолковский, а в библиотеке его знали как выдающегося библиографа. «Многих трогало, — вспоминал В.И.Шенрок, — его безграничное благоговение перед наукой, но здесь он доходил до невероятных крайностей, отстаивая, например, совершенно невозможные мысли, будто наука будет, вечно развиваясь, все увеличивать счастье человечества, и договорился наконец до того, что, благодаря науке, настанет пора, когда смерти не будет, и даже все прежде умершие воскреснут. Мне жаль, если слова эти вызовут улыбку, что, конечно, очень возможно, но люди, знавшие Николая Федоровича, настолько уважали и любили его, что в этом парадоксе видели только крайнее, но искреннее увлечение, что и было справедливо». Характерно, что все это Шенрок напишет в статье, посвященной памяти Федорова и Викторова. «Говоря о Николае Федоровиче Федорове, — пишет он, — грешно было бы не вспомнить и о его друге, о такой же замечательной личности, как он, об Алексее Егоровиче Викторове». Шенрок пишет об этом в 1904 году, почти что через четверть века после смерти Викторова.

Викторов и Федоров были друзьями, а дружба — это прежде всего единомыслие. Казалось бы, что общего может быть между космической теорией всеобщего воскрешения и изучением рукописных книг древности?.. Оказывается, много, если вспомнить философию библиографии и книговедения, созданную тем же Николаем Федоровичем Федоровым. «Библиотеки, — утверждал он, — не должны быть хранилищем книг, не должны служить и для забавы, для легкого чтения. Библиотеки суть школы взрослых, следовательно, высшие школы». В особой, разработанной Федоровым системе каталогизации, составления библиографических карточек осуществлялась идея противодействия гибели, омертвлению научных и культурных ценностей человечества, сохранения *памяти* прошлого.

Библиография превращалась из мертвого пособия в могучее оружие восстановления, воскрешения прошлого. Описания, каталогизация, сама расстановка, сопоставление книг — все обретало смысл. Библиотека превращалась в живой организм, в энциклопедию памяти человечества.

Хранителем одного из отделений такой библиотеки был Алексей Егорович Викторов, видевший свою основную задачу в составлении каталогов, систематизации памятников древнерусской письменности.

С именами Алексея Егоровича Викторова, Елпидифора Васильевича Барсова, Николая Федоровича Федорова связаны времена становления и расцвета Румянцевского музея и Румянцевской библиотеки. Они были *хранителями* не по должности, а по призванию. Хранителями памяти, которая, как верил Николай Федоров, соединяет прошлое с настоящим и будущим.

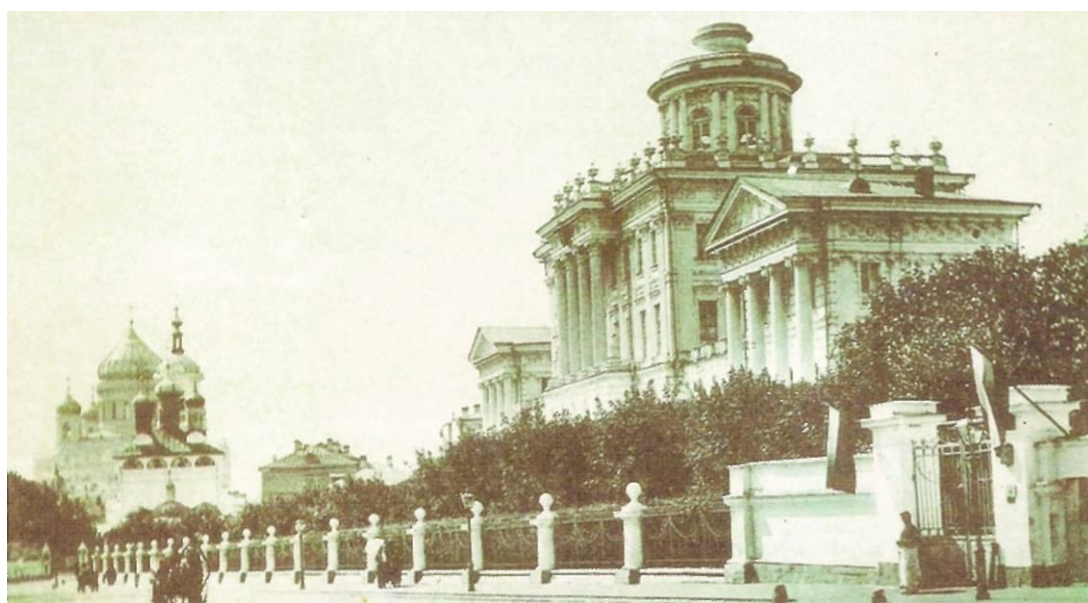
Дом Пашкова в городском интерьере. XIX в.

Напротив Кремля на Ваганьковском холме в 1780-х годах архитектор В.И.Баженов построил для отставного гвардейского офицера П.Е.Пашкова дом, который вот уже более двухсот лет справедливо считается одним из шедевров зодчества эпохи классицизма. Пожар 1812 года не пощадил здания, однако оно было бережно восстановлено.

Московский Публичный и Румянцевский музей.
Внешний вид и внутренние помещения. XIX в.

В 1861 году в Москву из Петербурга были переведены библиотека и художественные коллекции графа Н.П.Румянцева, государственного деятеля, страстного собирателя. Они легли в основу первой в Москве публичной государственной бесплатной библиотеки, открытой в 1862 году при Московском публичном музее и Румянцевском музее, или просто Румянцевской библиотеке.

COMEDIA DI
 DANTHE ALIGHIERI
 poeta diuino: cōl' espo
 sitione di Christopho
 ro lādino: nuouamēte
 impressa: e con somma
 diligētia reuista 7 emē
 data: 7 di nuouissime
 postille adornata.

M D XXIX

Екатерина Великанова

«ФЛОРЕНЦИЯ, ТЫ ИРИС НЕЖНЫЙ...»

30 августа 1481 года флорентийским типографом Николо ди Лоренцо была отпечатана последняя страница «Божественной комедии» Данте — того самого издания, о котором когда-то потом, в середине XIX века, составитель «Библиографии Данте» П. Коломба де Батин скажет: «Edizione veramente magnifica».

Сегодня, глядя на превосходный экземпляр этой книги (мы не говорим «держа в руках» — занятие затруднительное, когда речь идет о первопечатном фолианте), нам остается лишь присоединиться к суждению П. Коломба де Батина: «Издание действительно великолепное».

Прежде всего — переплет. Величавое произведение искусства: темно-красной кожи, по периметру обведен несколькими, одна в другой, тонкими золотыми рамками. Строгое, изящное украшение — ни одной лишней линии, все правильно, все со-размерно... Впрочем, переплет моложе книги лет на 350. Раскроем книгу.

Этой бумаге пятьсот лет. Откуда она такая — вечная — взялась? Куда подевалась? Итальянцы, видимо, знали бумажный секрет. Впрочем, разные народы знали разные секреты. Бумагу Кватроченто — это известно — делали из тряпок. Лучшее все-го, утверждают специалисты, когда в дело шли обрывки парусов, корабельные и рыбацьи снасти. Снасти и паруса в Италии, понятное дело, водились... Смотрите-ка: обыденный вполне разговор, о бумажном производстве. Но — парус, порванный пять столетий тому назад, донес до нас строки «Божественной комедии» Данте.

Должны признаться, в книге нашей есть некоторая странность. В ней, прославленной как первое иллюстрированное издание «Божественной комедии», сами иллюстрации отсутствуют. Точнее, они есть, но их всего три: первая — к первой песне Ада», вторая — ко второй, третья... снова загадка: дублирует зтору.

Между тем очевидно, что по замыслу иллюстрации должны были предварять каждую песню каждой части «Комедии»: перед остальными девяносто семью, перед каждой, оставлено пустое, не заполненное текстом пространство...

Много воды утекло с тех времен в Арно. Как узнать: какие события помешали типографу отпечатать книгу именно в том виде, как предполагалось? И — только ли наш экземпляр имеет такую — особенную — внешность?

Пожалуй, пора отправиться в путешествие: во Флоренцию, на родину книги, а точнее, как пишет Джорджо Вазари, «во времена великолепного Лоренцо Старшего деи Медичи...»

А.Данте. Божественная комедия. Венеция, 1529 г. Титульный лист с гравюрами

В ином руне, в ином
Величье звонком
Вернусь, поэт, и осенью
венком

Там, где крещение
принимал ребенком...

Данте Алигьери

*Sic finit occulte sic multos decipit aetas.
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet.*

Надпись, выбитая под часами во флорентийской церкви Santa Maria Novella, гласит:

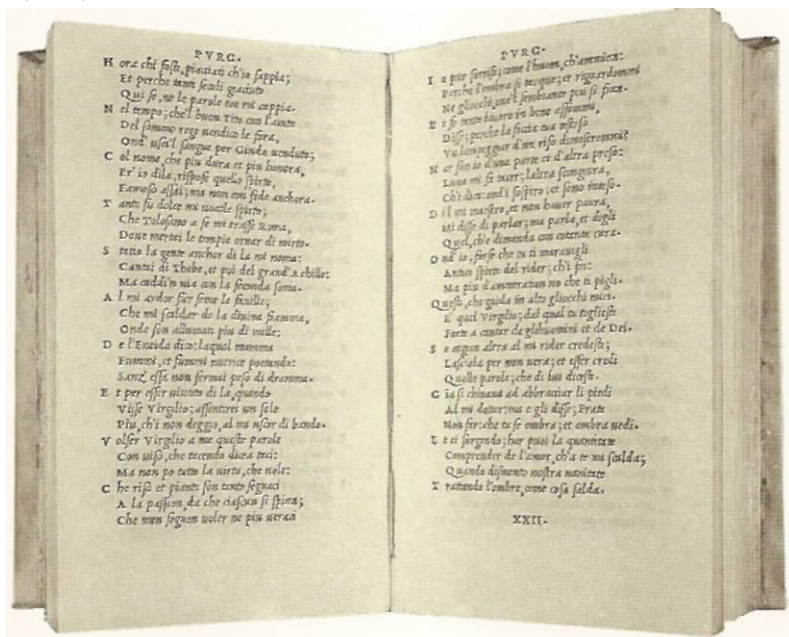
*«Так незаметно многих уничтожают годы.
Так приходит к концу все сущее в мире».*

Поистине так. Многих уничтожают годы. Многих. Но не всех.

А. Данте. Божественная комедия. Венеция, 1497 г.

...Не прошло и трех лет с той печально памятной гражданам города Майнца ночи, когда воины Адольфа Нассауского разгромили их жилища, заодно не оставив камня на камне и от типографской мастерской Фуста и Шеффера (первых продолжателей дела великого Гутенберга и злейших его обидчиков), а книгопечатание уже объявилось в Италии. Здесь — возможно, как нигде — его ждали. Здесь обрело оно едва ли не самую благодатную почву. Здесь свободный и радостный воздух Кватроченто дал новую жизнь гениальной идее немецкого изобретения.

А.Данте. Божественная комедия. Венеция, 1491 г.
Страницы книги

Шел одна тысяча четыреста шестьдесят пятый год от Рождества Христова, от начала же книгопечатания — десятый.

В знаменитый бенедиктинским монастырем городок Субиако (до Рима — четырнадцать часов пешего ходу) по приглашению отца-настоятеля прибыли в один прекрасный момент двое энергичных представителей славной гвардии Гутенберга.

Маловероятно, что привела их сюда единственно страсть к просветительству. Скорее — сочетание деловых качеств с известной склонностью к авантюре, тоже достаточно мощный двигатель прогресса. Нельзя сказать, чтобы судьба печатников была безоблачной; напротив: выпустив в свет несколько книг в Субиако, они перебрались в Рим, поближе к покупателю, и там настолько увлеклись своей деятельностью, что вскорости... оказались близки к разорению. Причина уникальная: первое в мире перепроизводство книги. Где-то около 1470 года ими было написано в магистрат города заявление, удивительным образом до наших дней сохранившееся: «Наш достаточно большой дом,— говорилось среди прочего в этом тексте,— полон отпечатанными листами и пуст в отношении вещей первой необходимости». В 1476 году типография окончательно прекратила свое существование, но имена Конрада Свейнгейма и Арнольда Паннарца — как основателей первого, позвольте

уж нам сказать, итальянского издательства — остались в истории.

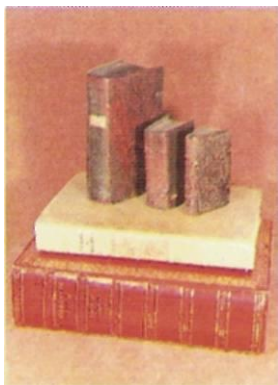
Итак, главное — начало — было положено. В самые ближайшие за тем годы книгопечатание неудержимой волной прокатилось по большим и малым городам Апеннинского полуострова. Типографы были как приезжие — в основном из выучеников Гутенберга, так и собственные, итальянские. Пример последнего — флорентийский золотых дел мастер Бернард Ченнини, попытавшийся наладить отечественное производство станков, пунсонов и шрифтов (от патриотической затеи — ввиду непомерных расходов — пришлось отказаться). Впрочем, итальянцам той — гутенберговой — эпохи было чем гордиться и не выходя за пределы собственно национальных возможностей. Пусть Николай Йенсон (Жансон) был родом из Франции; но ведь не где-нибудь, а именно в Венеции расцвел его необычайный талант не просто шрифтовика — творца буквы.

И ведь *венецианским* был поначалу назван непревзойденный йенсоновский шрифт — «антиква», или «Romain», как именовали его французы, — антипод шрифта готического. Великолепный образец, которому подражали по всей Италии. И неизвестно еще, как сложилась бы судьба странствующего печатника Иоганна Нумейстера, если бы он случайно, по пути в Рим, не заехал в городок Фолиньо и не открыл там свою «походную» типографию. Довелось бы нам узнать имя майнцского клирика И. Нумейстера, если бы не стал он — в 1472 году — первым издателем «Божественной комедии» Данте?..

Наконец, совсем особый сюжет: Италия на рубеже XV—XVI веков. Альд Пий Мануций Римлянин, его Дом, его Академия, его Издательство — новая эра в истории книгопечатания. В Венеции к этому времени, как сообщает нам русский историк книги Ф. Булгаков, выпущено уже «более 3 тысяч сочинений» (тираж обычного издания — 300 экземпляров, популярного же — вдвое больший). Однако революция в книжном деле произошла в 1501 году, когда «in aedibus Aldi» (в Доме Альда) издан был Вергилий «ин-октаво» (в восьмую долю листа). Новый шрифт, курсив — красивый, убористый — позволил Альду наладить серийное производство портативных, удобных в обращении, необыкновенно изяшных книжек. Отныне, собираясь в дорогу, любитель чтения мог захватить с собой целую библиотеку «альдин» — в отличие от прежнего фолианта, с которым не то что в путешествие — на второй этаж по крутой лестнице подняться было затруднительно.

Прославленный венецианский издатель не боялся конкуренции; но родились подделки. Возмущенный Альд Мануций писал: «Печатают в настоящее время, насколько я знаю, в Лионе шрифтами, очень похожими на наши, сочинения: Вергилия, Горация, Ювенала, Персия, Марциала, Лукана, Катулла, Тибулла и Проперция, Теренция — все эти сочинения без имени печатника, без обозначения места и года, когда были закончены. Напротив, на наших экземплярах найдут вот что: „в Венеции. Дом Альда" — и год издания. Кроме того, на тех нет никакого особого знака; на наших стоит дельфин, обвивающий якорь...»

«Дельфин, обвивающий якорь» — знаменитая марка Альда. Альдский якорь — Гапсгога Aldina — будет украшать все изда-

Иероним Стридонский
Письма и трактат. Майнц,
1470 г.

Среди первопечатных книг, хранящихся в Библиотеке, есть «невеликая» — ин-кварто — книжка, лишенная каких-либо особенных украшений (один-единственный инициал на первой странице). Но это издание, представляющее огромную ценность, — заря книгопечатания. «Диалог разума и совести» Матвея Краковского изготовлен в Майнце около 1460 г., в типографии «Печатника Католикона». Ученые предполагают, что это издание связано, вероятно, с именем Гутенберга, вернувшегося к типографской деятельности после разорительного процесса с Фустом и Шеффером (1455).

Петер Шеффер, ученик Гутенберга, занявший в известном процессе «фуст против Гутенбер-

ния Альда, а также его наследников, в течение почти всего XVI столетия с честью продолжавших славное дело, девизом которого было латинское изречение «Semper festina tarde» (поспешай медленно).

Первым изданием, которое удостоилось нести знаменитую марку-эмблему, считается «Божественная комедия» Данте, увидевшая свет в августе 1502 года. Существуют и другие точки зрения. В. Лазурский подробно излагает их в книге «Альд и альдины»; однако вслед за своим героем, Альдом Мануцием,

А. Данте. Божественная комедия. Венеция, 1502 г.
Марка Альда

га» сторону Фуста, после смерти последнего стал единоличным хозяином типографии в Майнце. Его типография выпустила около 250 названий книг. В их числе — большое, инфолио, издание: «Иероним Стридонский.

Письма и трактат», отпечатанное в Майнце в 1470 г. Пергаменные страницы этого фолианта украшают великолепно раскрашенные инициалы. Встречаются в тексте и небольшие заглавные буквы: просто синие и просто красные, очень изящные. Глядя на это величественное творение рук человеческих, нельзя не прислушаться к Брокгаузу, утверждавшему, что «если сравнить современное издание с древнепечатным, то придется сказать, что книгопечатание в 450 лет существования не сделало больших успехов... так отчетлив и красив шрифт в этих первых опытах книгопечатания». Листы пергамента слегка деформированы, но это вовсе не портит впечатления: морщины времени оставили свои следы на древнем лице книги.

предлагает читателю *не спешить* с выводами. Безусловно, мы следовали бы этому замечательному совету во всех случаях жизни, но... Заглянем в рабочий кабинет Альда.

«Кто бы ты ни был, скажи то, что тебе нужно сказать, будь краток и оставь меня, как можно скорее, опять одного» — так книгоиздатель приветствовал своего посетителя. Потому — поторопимся выразить признательность и уважение Дому Альда и его хозяину и отправимся в обратный путь, во Флоренцию, прихватив из 1502 года альдину «La Divina Commedia» — с якорем и дельфином на оборотной стороне последнего листа.

Они еще при жизни предлагали ему вернуться. Но он отказался: условия были позорными.

Каким я жил, таким и в смерти буду!..

Последние годы его жизни прошли на чужбине; там, под соснами равеннской Пинеты, дописывал он свою Божественную поэму, там и умер — 14 сентября 1321 года. Там — был похоронен.

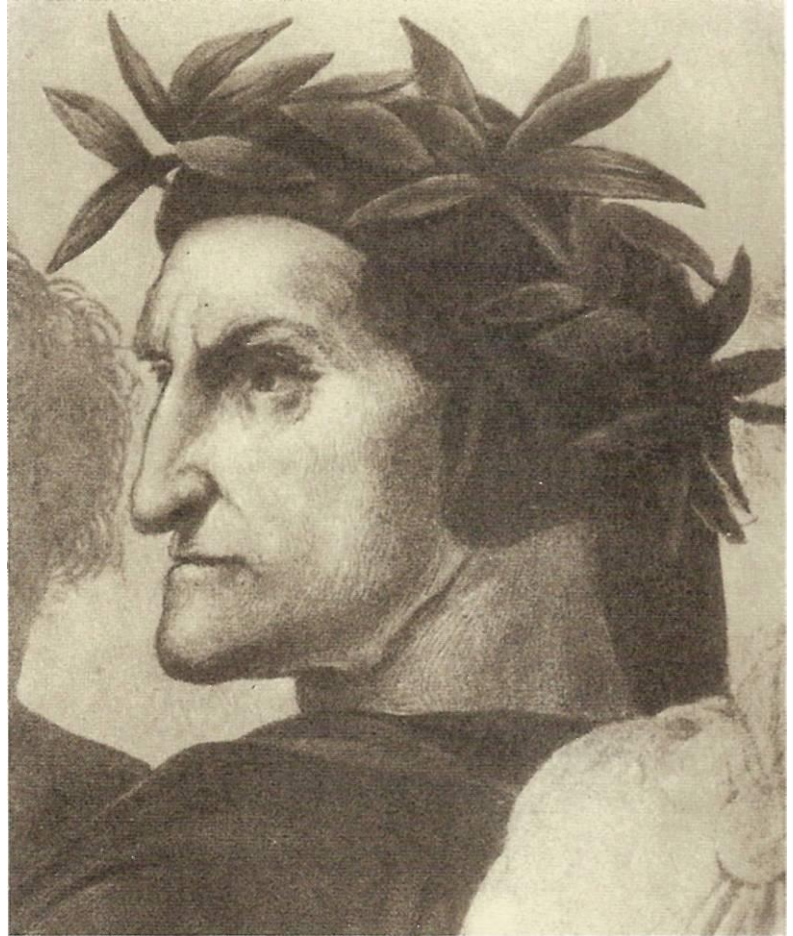
А после смерти уже не они, а он диктовал условия. И он вер-

Данте Алигьери

Первое датированное издание малого «Сада здоровья», отпечатанное также Шеффером в Майнце в 1485 г., представляет собой свод описаний растений и их фармацевтических свойств. Издание украшают 379 иллюстраций — гравюры (раскрашенные от руки изображения цветов и ягод) принадлежат, по мнению В.С.Люблинского, Э.Ройвиху.

Иоганном Цайнером отпечатано в г. Ульме первое иллюстрированное издание книги Дж.Боккаччо «О знаменитых женщинах» (1473). Книга включает 81 гравюру на дереве, которыми так прославилась печатня Цайнера. Каждая раскрашенная от руки гравюра расположена перед началом главы и изображает сценку из жизни очередной «знаменитой женщины».

Антон Кобергер, один из крупнейших типографов и издателей XV в., отпечатал в Нюрнберге в 1493 г. «Хронику», или «Книгу хроник» Хартмана Шеделя — монументальный исторический труд, охвативший период от сотворения мира до дня, по отношению к ее создателю, сегодняшнего. Последнее

нулся — плотью и кровью итальянской культуры, душой и разумом, стихией огня, и воды, и земной тверди. И ведь в который уже раз человечество решает вопрос: чего стоят все на свете, взятые в пригоршню, гвельфы и гибеллины — перед одной-единственной строкой, вышедшей из-под пера Поэта... И все недосуг наперед подумать о результате.

Он умер в изгнании. И в 1396-м, и в 1430-м Синьория Флоренции обсуждала необходимость перенесения его останков в родной город. Все было напрасно: даже в XIX веке, после объединения Италии, Равенна отказалась расстаться с прахом Поэта. И поныне возвышается ренессансный мавзолей над

саркофагом Данте, построенный в конце XV века архитектором Пьетро Ломбардо.

Мне мачехой Флоренция была,
Я пожелал покоиться в Равенне.
Не говори, прохожий, о измене,
Пусть даже смерть клеймит ее дела.

Над белой усыпальницей моей
Воркует голубь, сладостная птица,
Но родина и до сих пор мне снится,
И до сих пор я верен только ей.

Разбитой лютни не берут в поход,
Она мертва среди родного стана.
Зачем же ты, печаль моя, Тоскана,
Целуешь мой осиротевший рот?..

Николай Заболоцкий. У гробницы Данте

Предание гласит, что последние песни «Рая», созданные перед самой смертью, были утеряны — и вот ночью к Якопо Алигьери явилась тень отца. Данте пришел из загробного мира — и указал сыну на тайник в стене, где спрятана рукопись...

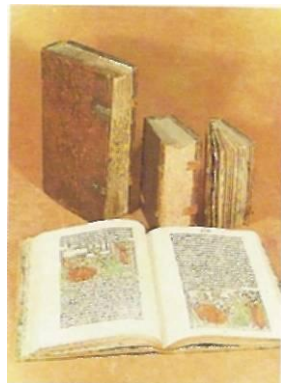
Судьба великого флорентийца обростала легендами.

Первая попытка создания биографии Поэта — «Жизнь Данте» — принадлежит Джованни Боккаччо. Младший современник Данте — впрочем, можно ли считать современниками людей, если одному было семь лет в день смерти другого? — человек новой, ренессансной культуры, тоже флорентиец, — он читал лекции о «Божественной комедии». Именно Боккаччо, кстати, и назвал поэму Божественной. У Данте она была просто «Commedia», писанная на «volgare», тосканском диалекте. • Его Беатриче не знала по-латыни», — замечает по этому поводу А.К.Дживелегов, исследователь литературы и искусства Возрождения.

Боккаччо в своих работах о Данте многое додумал и домыслил, а то и присочинил, говорят; труд его, однако, и сегодня не теряет научной ценности, а его самого по праву чтут отцом дантоведения. Для современников же, а в еще большей степени для близких потомков, в пору, когда интерес к Данте был перзоданно естествен, труд Боккаччо был, по-видимому, особенно пенен.

Как воспринималась «Комедия» в эпоху Ренессанса? О том свидетельствует — в самый разгар XVI в. — Джованни Джелли (и этот флорентиец, писатель и философ, читал лекции о Данте, составлял один из самых ученых и полных комментариев к «Комедии»): «Народ славословит ее целыми днями и постоянно; люди среднего достатка хвалят ее ежечасно, высокие и знаменитые умы удивляются ей всякий раз, как созерцают ее». Во времена Джелли — и не без его деятельного участия — флорентийский говор тосканского диалекта завоевывает право на звание литературного языка Италии.

Занятно, однако, что за сто с лишком лет до этого «Комедия» была переведена на латынь: «вольгаре» божественных терцин тезал слух образованному читателю.

Дж. Боккаччо
О знаменитых женщинах
Ульм, 1473 г.

событие, включенное в текст, — увенчание немецкого поэта Конрада Целтиса лаврами в Риме — состоялось всего за месяц до окончания работы над изданием. Около 2000 гравюр на дереве выполнены замечательным иллюстратором М.Вольгемутом и его учеником В.Плейденвурфом.

Небольшое, скромное на вид издание: «Филобиблон, или О любви к книгам» — первая работа, посвященная библиофилии. Автор — епископ и английский государственный деятель XIII—XIV вв. Ричард де Бери — закончил свой труд за три месяца до смерти. «В книгах, — говорил де Бери, — я нахожу мертвых как бы живыми, в книгах я предвижу будущее...»

Флоренция XV века... В ту пору здесь правили просвещенные люди. Расцвет Флорентийской цивилизации происходит при Лоренцо Медичи Великолепном. Развиваются науки, искусство, литература. Сочными красками играет город: строятся грандиозные дворцы и роскошные храмы; распускаются сады, искрятся фонтаны... Словом, столица Возрождения достойна идей, ее возродивших.

А что же Данте?

У Флоренции были собственные отношения со своим изгнанником. Поэтому первое флорентийское издание «Комедии», мы полагаем, должно было представлять собой нечто из ряда вон выходящее. Так и произошло. Летом 1481 года. Точнее — 30 августа.

Случается, что и чувство вины способно сослужить пользу хорошему делу; но не примешивалось ли тут и ощущение утерянной собственности — тем более обидное, что вот она, рядом, руку протяни — в Равенне... И флорентийцы отыгрывали себе своего Данте. И на великолепное издание это, видимо, были большие психологические расчеты.

Как же она расстаралась, Bella-Флоренция... Будто наперед чувствовала, что не простит ей Поэзия, не выскажет ни снисхождения, ни жалости; и бросит ей — из века двадцатого — Блок:

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!..

Над комментарием к изданию 1481 года работал Кристофоро Ландино. Ученый-филолог, он преподавал во Флорентийском университете риторику и поэтику; писал речи и диалоги на латинском языке, на итальянском же сочинял послания и оды, почитавшиеся современниками за образцы жанра. Знал право, греческий и множество иных премудростей; был одним из главных представителей Академии, возникшей при дворе Медичи еще в 1459 году. В большой степени занимало его учение Платона. В духе неоплатоников им и была откомментирована «Комедия» — к большому удовольствию многих просвещенных людей Флоренции, в том числе, разумеется, и Марсилио Фичино — главы Академии, создателя школы, среди учеников которой был, кстати, и Лоренцо Медичи.

Итак, Кристофоро Ландино был известной в городе личностью; но славу приобрел он после выхода в свет «флорентийского» Данте. Данте, который, по выражению Фичино, «хотя и не говорил по-гречески, как священный отец философов Платон, но его произведения наполнены были многочисленными платоновскими мыслями». В дальнейшем, несколько десятилетий кряду, «Комедия» будет переиздаваться именно в этом — «платонизированном» — варианте, и к началу XVI века именно этого Данте будет знать вся Италия.

Издание «Комедии» расценивалось многими как символический акт поклонения флорентийцев Данте. Тот же Марсилио Фичино сказал: «Флоренция так возрадовалась, как если бы сам Данте в человеческом облике вернулся на родину и был бы увенчан лаврами». Роскошно переплетенный экземпляр

Они — учителя, наставляющие нас без розог и линейки, без криков и желчи, без одеяний и денег. Если ты обращаешься к ним, они не спят; если, допытываясь, спрашиваешь, они не прячутся, не ворчат, если ты заблуждаешься; не умеют насмехаться, если ты чего не знаешь...» Первое издание трактата вышло в Кельне в 1473 г. В Библиотеке — второе, отпечатано в Шпейере типографами Иоганном и Конрадом Хистами в январе 1483 г. Оно считается более редким. Все украшение «Филобиблони» — на первой странице: инициал «V» с миниатюрой «человек в библиотеке» (миниатюра более позднего происхождения).

Одно из самых замечательных рукописных изданий колыбельного периода книгопечатания — «Жизнь Эзопа и его басни». Книга отпечатана в 1485 г. в Неаполе типографами, именовавшими себя «вернейшие германцы», по заказу издателя Франческо Тутто. Тексты — на латинском и итальянском языках. Издание украшают 88 иллюстраций — гравюры на дереве. 23 из них «комментируют» жизнь Эзопа; остальные 65 сопровождают тексты басен.

«Комедии», отпечатанный на пергамене, сам Ландино торжественно вручил Синьории города. При этом не без удовольствия отметил, что он, Кристофоро Ландино, очистил текст от многих «варварских идиом», которыми грешили предыдущие издания... Этот, подарочный, экземпляр по сей день хранится в Национальной Флорентийской библиотеке.

Сквозь 500-летнюю толщу времени — сколько ни прислушайся — не донесется до нас ни отзвука городских торжеств, которые, возможно, происходили в тот, конечно же, безоблачно-безмятежный день на улицах и площадях прекрасной Флоренции. С абсолютной уверенностью можно утверждать одно: политические страсти полуторавековой давности не особенно интересовали участников праздничных событий. И — поневоле обращаешься вновь к русской поэзии:

Все равно потом
нипочем не вспомнят,
был ли Данте гвельф
или гибеллин...

...Любопытно заглянуть во флорентийский, подарочный экземпляр «Комедии». На пергаменных листах его, оказывается, типограф Николо ди Лоренцо не воспроизвел ни единой печатной иллюстрации.. Зато книга разукрашена вручную: работа тонкая и со вкусом.

Первопечатная книга вообще красива. Под статью внушительной, первозданной своей красоте она и имя себе выбрала: *инкунабула*. Книга-младенец. (Лат. *incunabula*, кроме прямого значения «колыбель», имеет еще и переносное — «раннее детство»).

Сегодня удивительно думать, что пятьсот с небольшим лет назад было далеко не ясно, кто победит: продукция печатного станка или манускрипт, выписанный каллиграфом. Тем не менее дело обстояло именно так.

Имелось у книги печатной простое, на роду написанное преимущество: она стоила дешевле рукописной. Однако опрометчиво с нашей стороны предположить, что очевидное *сейчас и многим* покоряет сердца *всегда и всех*. «В герцогской библиотеке все книги необычайной красоты, написаны от руки и с прелестными миниатюрами. И ни одной напечатанной. Герцогу было бы стыдно иметь такую», — свидетельствует биограф Федерико ди Монтефельтро, герцога Урбинского. Гуманистически образованный герцог славился великолепной книжной коллекцией; денежный вопрос, когда речь шла о прекрасном, его вообще не интересовал.

Федерико ди Монтефельтро принадлежал один из наиболее ранних иллюстрированных рукописных кодексов «Божественной комедии» (кодексом называют манускрипт или печатное издание, имеющее все внешние данные книги, — в отличие, например, от свитка). Миниатюры Урбинского кодекса сделаны Гульельмо Джиральди в 1478—1484 годах (в настоящее время кодекс хранится в Ватикане); по мнению специалистов, это один из самых высоких взлетов допечатного иллюстрирования. Работа видного феррарского миниатюриста доставляет неизменное наслаждение любому, обратившемуся к истории

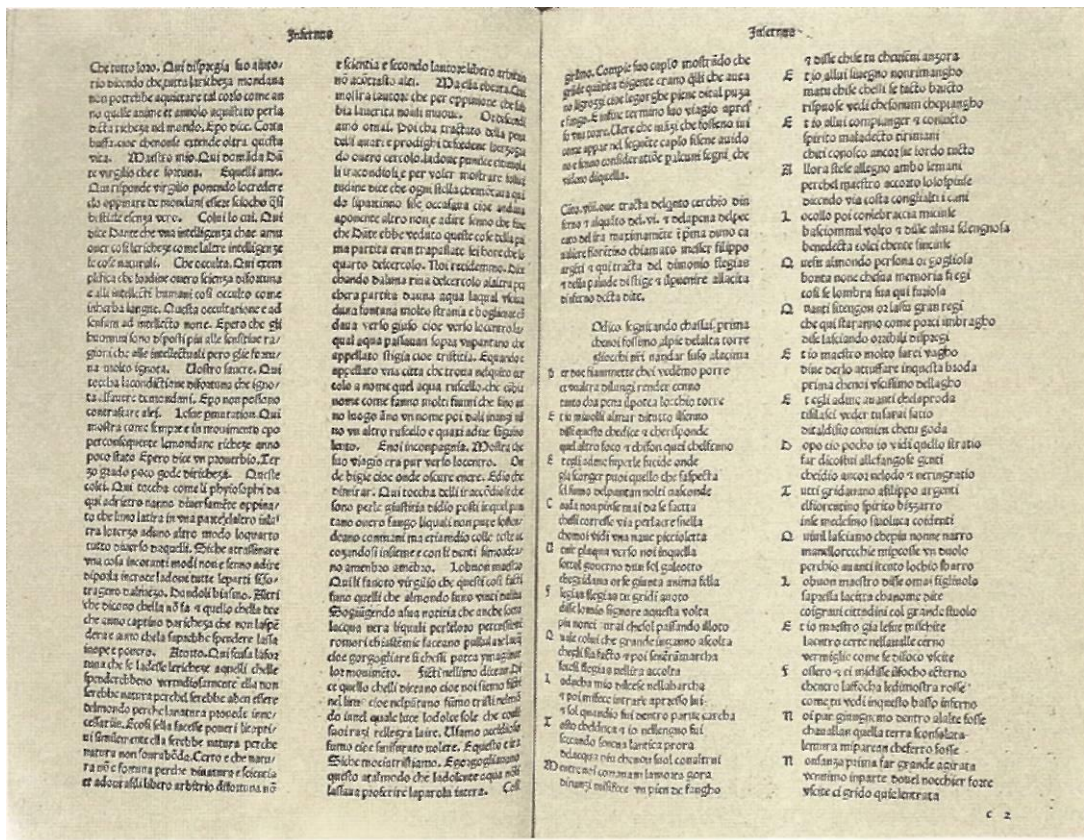
Плиний Старший
Естественная история
Венеция, 1469 г.

Уникальна в своем роде «Служба Деве Марии», отпечатанная в 1487 г. в Антверпене типографом Герардом Леу. Она относится к числу самых маленьких книг, изданных в XV в. (Начиная с 60-х гг. XV в. в Германии, Италии, Франции, Англии, Бельгии издаются книги-малютки, своеобразные образцы искусства печати. Так, Герард Леу из 200 названий изданных им книг 15 отпечатал в миниатюрном формате.) Размер миниатюры в переплете — 74\51 мм. В книге 5 гравюр; переплет конца XV — начала XVI в. с медной застежкой.

Одно из старейших изданий в Библиотеке — «Естественная история» Плиния Старшего

«Комедии». Порадовала она и нас и — заставила поболеть душой за инкунабулу: легко ли было первенцу печатного станка вступить в конкуренцию с таким опытным, веками отработавшим приемы противником? И — победить?..

Поначалу печатная книга имела большое сходство с рукописной. Могло ли быть иначе? Читатель любил изделие яркое, богато раскрашенное, орнаментированное; типографское же воспроизведение приводило к одинаковости книжных страниц, то есть, как, возможно, тогда казалось, к заурядности. Пере-

А. Данте. Божественная комедия. Венеция, 1477 г.
Страницы книги

(1469). Печатник — Иоанн Шпейерский, Венеция. Прекрасно сохранившийся фолиант, первую страницу которого украшает великолепный орнамент. Это первое печатное издание единственного сохранившегося труда римского писателя и ученого.

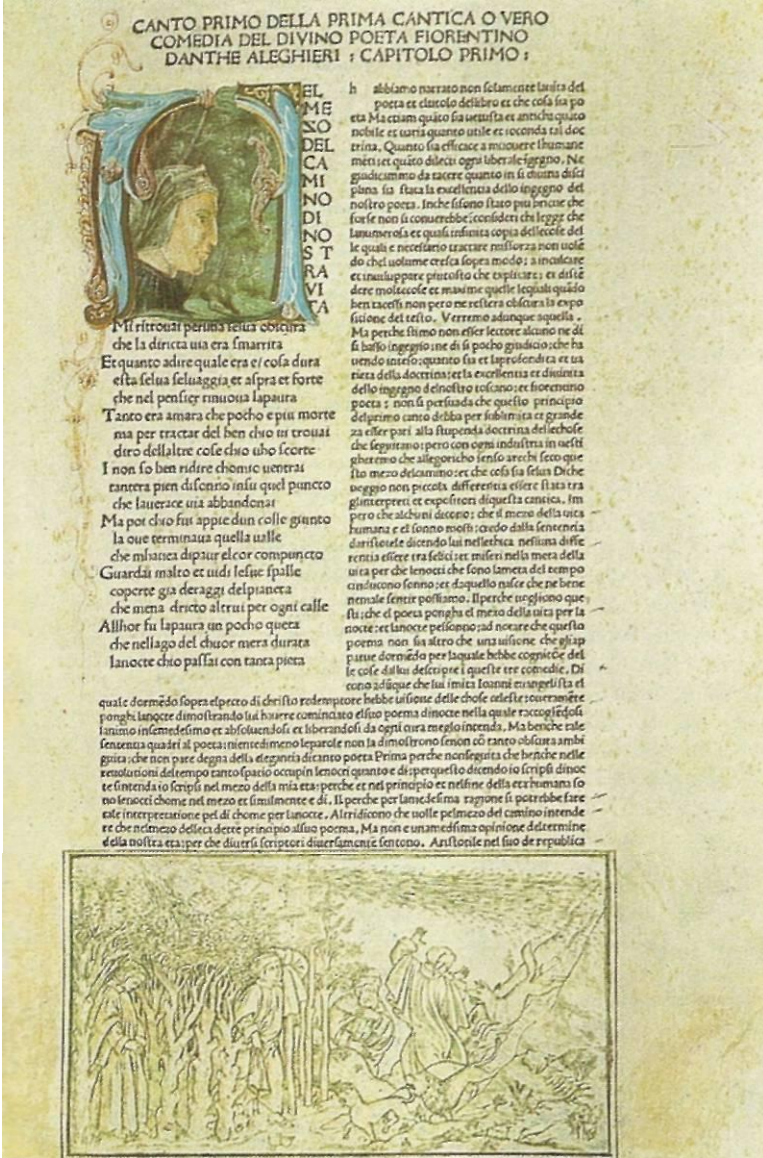
ломной датой в истории книги специалисты считают 1501 год: именно тогда Альд Пий Мануций окончательно покорил сердца новой — мы бы назвали ее архитектурной — красотой печатного слова. Но час этот еще не пробил.

А пока, выйдя из-под пресса, свеженькие, пахнущие типографской краской листы попадали к рубрикаторам и иллюминаторам. Обе эти профессии перекочевали в типографию из скрипториев (были такие — первоначально при монастырях — «рукодельные» книжные мастерские): и рубрикатор — специалист по «красной строке» (ruber — красный), и иллюминатор — художник орнаментированных рамок, заставок, инициалов.

Рассеянные по крупнейшим библиотекам мира — в Гааге и Бостоне, Копенгагене, Турине и Вашингтоне, Чикаго и Вене,

Дрездене, Мюнхене и Палермо, Милане и Лондоне, Венеции, Лейпциге и Париже; в Глазго, Бомбоне, Кембридже, Берлине, Нью-Йорке, Брюсселе... разумеется, во Флоренции... наконец, в Москве, — прекрасные представительницы «Данте 1481 года» имеют — каждая — свою собственную, отличную от других, неповторимую «раскраску».

Лишенная пестрой роскоши орнамента, наша, «московская», инкунабула производит строгое, необыкновенно достойное впечатление. Безымянный мастер вписал в нее всего шесть за-

А. Данте. Божественная комедия. Флоренция, 1481 г. Страница книги с портретом Данте и гравюрой

Сред и сокровищ Библиотеки — первые печатные издания «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, изготoвленные Бартомео ди Либри, флорентийским типографом, в 1488 г.; «Сочинения» Аристотеля, изданные в Венеции в 1495—1498 гг. (одно из наиболее прославленных ранних изданий Альда Мануция).

*est
nto*
Qua in comicia la vita e costumi dello eccellente
Poeta vulgari Dante alighieri di Firenze
honore e gloria del idioma fiorentino. Scrit-
to e composto per lo famosissimo homo
miliere giouani Boccaccio da certaldo. Scrit-
to de la origine vita. Studi e costumi del
clarissimo huomo Dante alleghieri Poeta
fiorentino. E dello opere composte per lui in
comincia felicemente. E in questo primo ca-
pitolo tocha la sententia de Solone. laqua-
le mal seguira p gli fiorentini.

Dione sicut peccat o vn o
humano tempio d diui
na sapientia fu reputa-
to ele cui sacratissime leg-
gi sono ancora ad gli p-
senti huomini chiara testi-
monianza dell'antica iustitia. Era secodo ch
dicono alcuni spesse volte vsato de dire og-
ni Republica si come noi andare e stare in
su due piedi de qgli co matura grauita af-
ferma essere el destro non lasciare alcun dif-
fetto comesso imposito el sinistro ogni ben-
fatto remunerare. Aggringendo che qua-
lunq delle due cose gia dette per vicio o p
negligentia u sottraena senza nuno dubbio
quella republica ch' faccia comenire anda-
re stanchata. E se pisciatura se peccasse in
amedue quasi certissimo auer quella no po-
tere stare in alcun modo. Mossi adunque
piu chusi Egregii come antichi popoll da
questa laudeuole sententia e apertissima me-
te vera. Al' una volta de deira. altri de mar-
morea statua e souente de celebre sepultura
e tal fiata di triumphale archo. E quando
di laurea corona. E secondo gli meriti pre-
cedenti honorauano gli valorosi elle pene
per opposito a gli colpeuoli date non auo-
di raccontare. Per gli quagli honori e pur-
gationi. La Syria. la Macedonica. la Gre-
ca. Ultimamente la Romana republica
aumentate con l'opere le fine della terra e
con la fama tocchono le stelle. Le vestigie
de quagli in costi altri esempi non solamete
da successori presenti e maximamente da
miei fiorentini sonno mal seguite. ma i tato

se disulato da essere che ogni premio di ve-
tu possiede l'ambitione. Per che si come io
e ciaschuno altro che con occhio ragioneuo
le vuol guardare non senza grandissima af-
flictione d'animo potrian vedere gli malua-
gii e peruersi hnomini a luoghi eccellenti e a
lomi officii e guidardoni ell'enare e gli buo-
ni dischacciare e deprimere e abassare. Al-
le ql cosse lordisi el giudicio di dio: col loro
el veggiano chel timone gouernano di que-
sta naua. percho che noi de piu bassa turba
siamo trasportati dal fiato della fortuna
ma non della coloa participi. E come che
con infinite ingratitudine e dissolute p' rae-
nanze a parenti si potesseno le predette co-
se verificare per meno scoprir' gli nostri di-
stinci e peruenire al mio principale intento
vra sola me fia assai auere raccontata. E q-
ita ha pocho o piccola. Ricordado lo exilio
del chlanissimo huomo Dante alleghieri. 3.
quale anticho cittadino non di fuori parenti
nato quanto per virtuo o per scientia o per
buone opatione meritasse assai il mostrano
e mostrano le cose che dallui fare appaia-
no. Le qle se in vna republica viste. fossero
state operate. Nuno dubbio cie chessi non
giuaessino altissimi meriti aparechiati. D-
scellerato pensiero e disonesta opera io mi-
serabile exemplo di fustura ruina. Mani-
festo argomento in luogo de quegli ingu-
sta e furiosa dampnatione perpetuo sbandi-
mento ale nationi de paterni beni e si fare si
fusse potuto maculatione della gloriosa fa-
ma con false colpe gli fuozon donate delle
qualcose le recente orme della sua fuga e
lossa ne laterni terra sepolte e la sparta prol-
le per laterni case alquanto incoza ne sano
chiare. Se a tutte laltre iniquita fiorentine
fusse possibile nascondere agli occhi di dio
che veggion tutto no deuerebbe questa vna
bastare a puocare se sopra la sua ira. Certo
sic ch' incontradio sia exaltato giudicio che
sia honesto il tacere. Si che bene riguardā-
do no solamente e el presente moudo del sen-
tiero vsato del primo del quale disopra to-
cha. 2. Da del tutto del contradio volti e gli
piedi p che assai manifesto appare che se no

главных букв — перед каждой частью поэмы и, соответственно, перед каждым прологом: к «Аду», «Чистилищу» и «Раю». Но чего стоит хотя бы инициал «D», открывающий песню первую первой части «Комедии»!.. В инициал вписан портрет Данте, но не в традиционно-суровой интерпретации мыслителя и творца. Перед нами юный, нежный профиль автора «Новой жизни», написанный, очевидно, не без влияния Джотто. Цветовая палитра инициала-портрета подобрана безукоризненно. Золотой, выполняя точные и четкие обязанности контура, нисколько не преобладает над цветами жизни: зеленым и синим. Розового, по счастью, немного; функция его, возможно, — в дополнении к двум оттенкам серого (головной убор и плащ поэта). Киноварь окаймляет инициал справа, завитком поднимаясь к заглавию «Песня первая первой части комедии...», и — опускается, справа же, вдоль первых терцин поэмы.

Полистав книгу, легко обнаруживаем мы некоторую странную ее особенность: повсюду встречаются в тексте пустые квадратики, все одинакового размера, а в центре каждого — ничем не примечательная строчная буква. Причем буква эта, сиротливая в окружающей пустоте, вовсе не где попало расположена, а всегда по некоторому, определенному вполне, закону: в начале каждой новой главки или раздела (абзацев, надо сказать, первопечатники в тексте не делали). Объясняется эта странность просто: печатники оставляли иллюминаторам место для работы. Однако ручной труд во все века ценился дороже машинного. Потому — и не только в «нашем» Данте, но во многих дошедших до нас книгах колыбельного периода — и остались незаполненными эти квадратики-уголки: раскрашенная, иллюминированная книга была, по-видимому, доступна лишь немногим покупателям.

Что можно сказать о шрифте флорентийского издания «Комедии»? Разумеется, оно набрано антиквой — а как же иначе? Уже первые немецкие мастера, обосновавшиеся на итальянской земле, отказались от совершенной — в своем роде — угловатости готики. Округлая стройная антиква в каждой печатной была, однако, единственной и неповторимой. И — может быть, мы пристрастны, но нам уже кажется: «наша» антиква гсобенно *круглая* и особенно *стройная*... Заголовки в книге набраны прописными литерами. Строчные буквы самой поэмы и комментария к ней отличаются размером шрифта — кеглем. Терцины — крупнее, буквы в них расположены реже, расстояния между строками больше — словом, сделано все, чтобы дышалось стихам на бумаге... Комментарий же, занимающий, кстати, основную площадь страницы, при всей очевидной важности, поставлен в положение все-таки справочного, прилагающегося текста. Выходит, давным-давно уже человечество понимало: творчество ценнее и содержательней самых ценных газмышлений о творчестве.

Читатель вправе спросить: почему, открыв книгу, мы сразу же обратились к тексту, минуя такую важную, неотъемлемую ее составную часть, как титульный лист. Ответ неожиданный: титульный лист в инкунабуле отсутствует. И не только в нашей: з любой, за редчайшими исключениями, первопечатной книге. Выходные данные — имя типографа, сведения о месте и времени издания — печатались в конце текста. Колофон (слово

А. Данте. Божественная комедия. Венеция, 1477 г.
Первая страница книги

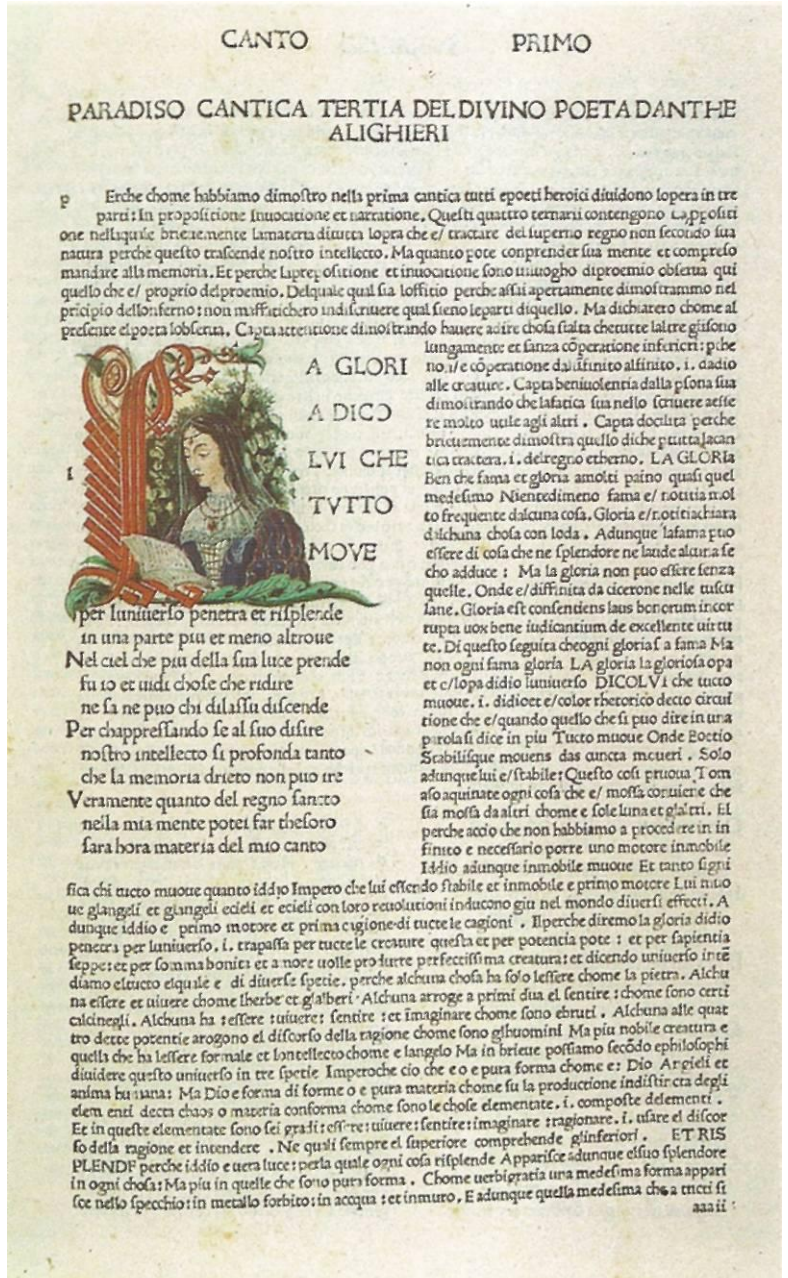
«Римская история» Тита Ливия издана в Риме в 1469 г. Печатники — Конрад Свейнгейм и Арнольд Паннарц, те самые, кто первыми принесли в Италию изобретение Гутенберга. Колофон, написанный стихами, представляет собой нечто вроде «рекламного обращения» к покупателю: «Ты видишь перед собой замечательные книги, читатель./И если ты захочешь узнать имена тех, кто их создал, читай:/ Ты посмеешься над грубыми тевтонскими именами./ Но, возможно, их грубое звучание смягчит высокое искусство./Мастера Конрад Свейнгейм и Арнольд Паннарц напечатали эти книги / в Риме...» Работа Свейнгейма и Паннарца — истинное произведение искусства. Их имена упоминаются во многих трудах по истории книгопечатания. У Ф.Булгакова, например, можно прочесть, что это — тот самый «Ливий», «за экземпляр которого в 1815 году было заплачено около 10 000 рублей на наши деньги».

«Часовник» (молитвенник), напечатанный в типографии Ф.Пигуше для

это, заимствованное латынью из греческого, означает — завершение, конец) зачастую помимо информативной несет и художественную нагрузку. Так, в венецианском — 1477 года — издании «Комедии» колофон написан стихами, в форме итальянского сонета. Но в «нашем» Данте подобные эстетские изыски отсутствуют; флорентийский издатель в *суровой прозе* сообщает читателю, что он, Николо ди Лоренцо, родом из Германии, отпечатал во Флоренции «Комедию» Данте, «поэта отличнейшего», 30 августа 1481 года...

А. Данте. Божественная комедия. Флоренция, 1481 г. Страница книги с портретом Беатриче

издателя С. Востра в 1496 г., — прекрасный образец книжной графики XV в. Выполнен, по мнению исследователей, в технике высокой гравюры на металле. Это издание — памятник французского искусства первых десятилетий книгопечатания. В оформлении преобладает чисто французский стиль: не только обстановка — даже выражения лиц библейских персонажей имеют соответствующий тип, прямо адресующий нас во Францию XV в. Необходимо также отметить: создатели «Часовника» ставили перед собой совершенно определенную цель, и этой цели достигли — страницы молитвенника, раскрашенные от руки, с большим трудом отличимы от рукописных.

Не странно ли, что флорентийцы, издавая своего «отличнейшего» Данте, вновь не обошлись собственными силами, опять обратились за помощью к соплеменнику Гутенберга? Разумеется, была традиция. Но ведь какой — исключительно национальный — характер работы... Николо ди Лоренцо, он же Николай из Бреслау, прибыл в 70-е годы во Флоренцию — и здесь прославился, отпечатав — в 1477 году — первое в Италии издание с гравюрами на металле.

Гравюра в книгоиздательском деле: кажется, что тут такого? В Европе техника эта была к тому времени широко известна. Целые книжки вырезывали — уже за несколько десятилетий до Гутенберга (сегодня они называютсяксилографическими). А первая наборная книга, иллюстрированная гравюрами на дереве, издана была уже в 1461 году, в городе Бамберге. А потом уже — и в Кельне, и в Майнце, и в Нюрнберге... Позже узнаем мы о великом Дюрере, но пока... Пока печатник Николо ди Лоренцо совершает на итальянской земле свое — и вовсе не маленькое — открытие.

На вопрос, велика ли разница между деревом и металлом и вправе ли называться открытие флорентийского немца *открытием*, скажем известное: Гутенберг нипочем не изобрел бы книгопечатания, не будь он золотых дел мастер и не догадайся первую букву свою отлить из металла, вместо того чтоб, как и до него водилось, выпиливать-выстругивать...

Разница действительно была велика. Обратившись к медной пластине, гравер отказывался от прежних — по дереву — инструментов. Орудием его труда становился тонкий стальной стержень, штихель. Создается углубленный рисунок — в отличие отксилографического, выпуклого... В 1476 году в Брюгге (Бельгия) неизвестный гравер изготовил для издания Боккаччо (типограф Колар Мансиор) 10 гравюр на меди — по мнению специалистов, невысокого достоинства. Год спустя — вернемся к Николо ди Лоренцо — была предпринята первая в истории книги попытка совместить на одном листе высокую печать гутенбергова станка с глубокой печатью гравюры по металлу. Кажется, просто? Это всегда кажется, если раньше — до нас — придумали. А последствия изобретения нашего типографа очевидны: нисколько не умаляя возможностей торцовой или обрезной гравюры, нельзя не признать, что, скажем, без «сухой иглы» или офорта современная книжная графика потеряла бы многое из великих своих достижений.

Очевидны трудности, с которыми столкнулся издатель. Если — вскоре после открытия печатного станка — типографы научились совмещатьксилографию с процессом воспроизводства текста, то углубленная гравюра на меди требовала иного подхода: сначала печатался текст, а потом, отдельно, — иллюстрация. (Трудности были столь очевидны, что потом, з течение ряда лет, флорентийские типографы, не пытаясь повторить опыт Николо ди Лоренцо, работают с гравюройксилографической.)

Помните странность «московской» инкунабулы: отсутствие з тексте огромного большинства гравюр? Теперь мы можем — хотя бы отчасти — объяснить причины этой «дефектности».

Справочники сообщают интересные подробности. В большинстве экземпляров «Комедии» 1481 года впечатано всего

Книга Луки Пачоли «О божественной пропорции» издана в Венеции в 1509 г. (издатель — Паганини Паганино). Автор этого труда — итальянский математик, друг Леонардо да Винчи. В истории книжного дела имя Л. Пачоли стоит в одном ряду с Н.Йенсоном, А.Мануцием, А.Дюрером... Книга эта — одна из основополагающих работ эпохи Возрождения о построении шрифта антиквы.

Книга Канута, Епископа Выборгского, «Изяснение законов Ютландии» вышла в Копенгагене в 1508 г. (печатал Готфред Геген, первый типограф этого города). Этот важнейший для истории датского права книжный памятник впервые был отпечатан в 1504 г. Настоящее, очень редкое издание — второе. Тексты параллельно на датском и ла-

«Утопия» Томаса Мора издана в Базеле в 1518 г. (типограф — И.Фробен). Это — третье издание «Золотой книги, столь же полезной, как забавной, о наилучшем устройстве государства и о новом острове „Утопия“, вышедшее при содействии Эразма Роттердамского. По всей видимости, базельское издание печат-

талось, в отличие от предыдущих двух, страдающих опечатками, по тексту, лично просмотренному Томасом Мором. Иллюстрации в книге (гравюры на дереве) принадлежат Гансу Гольбейну (Старшему).

«Руководство к измерению» Альбрехта Дюрера издано в Нюрнберге в 1525 г. (издатель — Иероним Форминайдер). Работа Дюрера — важнейшая страница истории типографского искусства: первый немецкий трактат, в котором рассматриваются вопросы построения шрифтов — как готического, так и антиквы. Многочисленные чертежи и рисунки, сопровождающие текст, гравированы лично Дюрером. Интерес представляют причудливые готические инициалы и прописные буквы, весьма характерные для нюрнбергских изданий XVI в. Шрифт, которым набрана книга, впервые употреблен в 1517 г. в Нюрнберге и впоследствии послужил прототипом для немецких шрифтов. Гравюра, помещенная на последней странице, включает знаменитую дюреровскую монограмму.

лишь две гравюры — к двум первым песням «Ада». Изредка встречаются книги с тремя гравюрами. В некоторых (хранящихся, например, в Берлине и Париже), как и в нашем, московском, варианте, две гравюры предпосланы трем песням. Разнообразно представлена инкунабула Данте 1481 года в Британском музее: здесь — из пяти хранящихся экземпляров — один имеет одну гравюру, другой — три, третий — девять и, наконец, четвертый и пятый — редчайший случай — по девятнадцать гравюр к девятнадцати песням «Ада». Национальная библиотека во Флоренции владеет — помимо пергаменного — экземпляром с семнадцатью гравюрами; Городская Съенская — с восемнадцатью (рисунок к 10-й песне «Ада» отсутствует); наконец, библиотека Риккардиана (Флоренция) имеет книгу с двадцатью гравюрами, сопровождающими первые девятнадцать песен первой части «Комедии» (с третьей песней здесь соотносятся два рисунка). Эти удивительные сведения касаются только бумажных экземпляров. Что до пергаменных, то ни в одном из них гравюр вообще нет. Видимо, все экземпляры на пергамене были отпечатаны по «спецзаказу» и разукрашивались вручную, сообразно распространенным тогда представлениям о прекрасном (вспомним герцога Урбинского).

Боясь злоупотребить временем читателя, мы перечислили далеко не все — и даже не многие — сохранившиеся экземпляры книги Данте. Внимания заслуживают следующие два — необычайно важных — факта:

— по данным «Международного сводного каталога инкунабулов», нигде не зарегистрирован экземпляр, в котором больше двадцати гравюр (и нигде гравюры не распространяются дальше 19-й песни «Ада»);

— в тех экземплярах, где иллюстрации представлены всеми наличными девятнадцатью гравюрами — «полная сюита», как говорят французы, — первые две (в московском, берлинском и парижском экземплярах — три) не вызывают никаких подозрений, а каждая последующая... отпечатана отдельно, на другой бумаге, и вклеена затем на уготовленное для нее место! Эта история, заметим, могла приключиться именно с углубленной гравюрой на меди, которая по технологическим причинам — помните? — отпечатывалась позже текста.

А теперь попробуем реконструировать, насколько это в наших возможностях, события, происходившие летом 1481 года во Флоренции, в печатне Николо ди Лоренцо.

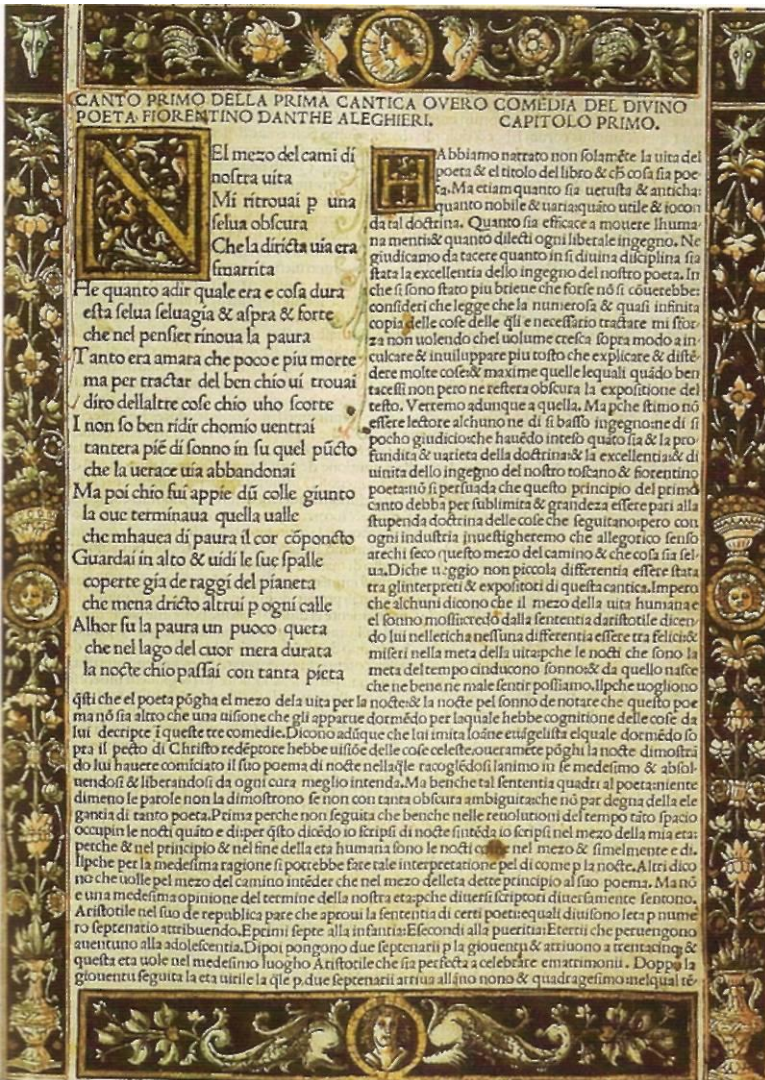
Типограф, вероятно, получил заказ на полностью иллюстрированное издание Данте. Особо ответственный заказ этот исходил от Флорентийской Академии неоплатоников в лице Кристофоро Ландино, автора необычайно важной, прославившей его впоследствии работы (настолько важной и настолько прославившей, что современники зачастую называли издание не «Комедией», а «Комментарием к „Комедии“»).

Возможно, художник — далеко не последний во Флоренции человек, иначе нипочем бы ему не поручили иллюстрировать самого Данте — по неведомым причинам подвел издателя? Ибо к назначенному сроку была выполнена лишь пятая часть заказа (20 иллюстраций из 100). Между тем торжественное для Флоренции событие — выход в свет «Божественной комедии» Данте — невозможно, по-видимому, было откладывать.

Более того, спешка была такая, что и двадцати гравюр отпечатать не успели: некоторые экземпляры разошлись из типографии, снабженные всего лишь двумя-тремя иллюстрациями.

Впрочем, пожалуй, не так. Что стоило сноровистому издателю-немцу оттиснуть на готовых уже листах все двадцать гравюр, если они были готовы — к сроку... А если не были?

В работе над иллюстрациями — это известно — участвовали двое: художник и гравер. Последний, по-видимому, обладал

А..Данте. Божественная комедия. Венеция, 1497 г. Страница книги с рамкой-орнаментом

тем же характером, что и первый: работа горит, время бежит, заказчик ждет... Не дождался.

Вполне знакомое нам свойство творческой личности, не правда ли? Впору уже удивиться, что Ландино свой «Комментарий» вовремя написал; хорошо еще, что с «Божественной комедией» в этом смысле хлопот не было...

Итак, фрагмент издательской жизни образца 1481 года: книга в типографии, а картинок нет и в помине. Что ж художник? Где он, что с ним? И вообще: как его звали, художника?

В апреле 1689 года в Риме умерла Кристина Августа, королева Шведская. Умерла, впрочем, уже не королевой, поскольку, перейдя в католичество, отреклась от престола. Одна из образованнейших женщин своего времени, Кристина Шведская оставила обширную переписку, мемуары, библиотеку; большую

Сандро Боттичелли

Книга Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» издана в Нюрнберге в 1543 г. Это первое печатное издание учения Коперника, создателя гелиоцентрической системы мира. Рукопись труда, совершившего переворот в представлениях человека об устройстве Вселенной, в настоящее время хранится в Краковской публичной библиотеке. Книга увидела свет незадолго до смерти Коперника. Когда ему принесли экземпляр, он посмотрел на него и коснулся рукой, не подозревая о предисловии, которое противоречило его убеждениям... Впрочем, впоследствии и анонимное предисловие не смягчило участи книги: с 1616 по 1828 г. она была запрещена католической церковью.

Работа Андреаса Везалия «О строении человеческого тела» издана в Базеле в 1543 г. в типографии Опоринуса. Труд Везалия — новая эпоха не только в истории анатомии и медицины, но и в истории всех биологических наук. Художник Стефан Калькар, ученик Тициана, прекрасно знал анатомию (традиция эпохи Возрождения). Выпол-

часть книжного собрания из ее наследства купил в 1690 году папа Александр VIII — для передачи в библиотеку Ватикана.

Среди прочего были здесь восемь листов-иллюстраций к «Божественной комедии», выполненных на гладкой стороне прекрасного козьего пергамена. На другой стороне, ворсистой, размещался написанный от руки текст: на каждом листе — по песне. Размеры листа — 32X 47 см, рисунки сделаны металлическим штифтом и тушью, текст написан шрифтом «alla anticua».

Как бы случайный подбор (первая, девятая, десятая, двенадцатая, тринадцатая, пятнадцатая и семнадцатая песни «Ада», а также некоторый дополнительный лист, изображающий строение «Ада») наводит на мысль, что Кристина Шведская обладала разрозненными листами некоего рукописного кодекса «Комедии». Когда и как к ней попали эти страницы, почему они были отделены от остальных — вопрос этот и сегодня остается открытым. Что же касается самих иллюстраций, то Колумб де Батин упоминает о них в своей «Библиографии» 1846 года — как о работе анонимного мастера эпохи Возрождения; не высказывая никаких предположений об авторстве, он пишет об удивительном великолепии рисунка, о богатстве воображения художника...

Иллюстрации эти нам знакомы. Хранящиеся по сей день в библиотеке Ватикана, они репродуцируются в различных изданиях. Впрочем, более популярны рисунки, принадлежащие тому же перу, но — из другой коллекции...

В 1854 году в Шотландии, в собрании манускриптов герцога Гамильтона, Г. Ф. Вааген обнаружил объемистый том «Божественной комедии» — листы, переплетенные, по-видимому, лишь в XVIII веке, и находящийся при них список-перечень, изготовленный в Париже в 1803 году неким итальянским книготорговцем. Согласно списку состав «тома» с начала XIX века был неизменен; в него входят 85 иллюстраций, сделанных металлическим штифтом и тушью...

В 1882 году, при распродаже герцогской библиотеки, рисунки были приобретены Ф. Липпманом для Берлинского Гравюрного кабинета. Их сопоставление с восемью листами из Ватикана привело к воссозданию давно утерянной и на века забытой серии иллюстраций. Сведения об этой серии в первый — и чуть не в последний, вплоть до конца XIX века, — раз встречаются в «Анонимо Гадьяно», сборнике, изданном в XVI веке и посвященном итальянским художникам от Чимабуэ до Микеланджело (XIII—XVI вв.). «Чудесным произведением» называется иллюстрации автор анонимного сборника.

Так чья же рука вычерчивала серебряным стержнем-штифтом по нежному полю пергамена божественные контуры — фигуры Данте, Вергилия, Беатриче, бесконечно движущиеся, вторящие друг другу, плавно перетекающие — от терцины к терцине — сюжеты, ситуации, картины «Комедии»? Чье перо обводило рисунок тончайшей линией туши?

Прекраснейшими из всех, которыми когда-либо была проиллюстрирована «Божественная комедия», называет эти листы Вааген. Именно Г.Ф.Ваагену и принадлежит честь установления авторства рисунков: едва обнаружив в замке Гамильтон неведомо как попавшую туда папку, он сразу же предположил, что встретился не более не менее как с работой... Сандро Боттичелли.

Итак, «во времена великолепного Лоренцо Старшего деи Медичи, — как сообщает нам Джорджо Вазари, — кои для людей талантливых были поистине золотым веком, процветал и Александр, именовавшийся по обычаю нашему Сандро и прозванный Боттичелли... Был он сыном Мариано Филиппи, флорентийского гражданина, которым был тщательно воспитан и обучен всему, чему было принято в ту пору обучать мальчиков до того, как отдать их в мастерские...»

Сейчас кажется невероятным, что не только гениальные его иллюстрации к Данте, сделанные по заказу друга и покровителя, Лоренцо ди Пьетрофранческо Медичи (сей Медичи приходился двоюродным братом Лоренцо Великолепному), были утеряны и забыты. Забыт был — вплоть до середины прошлого века — и сам Боттичелли: его «Рождение Венеры», его «Примавера»... Такая ликующая красота — и выпала в трехсотлетний провал истории, чуть не затерялась в веках... Может быть, найдутся когда-нибудь и до сей поры отсутствующие восемь листов из кодекса Лоренцо ди Пьетрофранческо?

На иллюстрации к 28-й песне «Рая» Ф. Липпману, выпущенному в 1887 году факсимильное издание всех сохранившихся рисунков, удалось разглядеть — в нижнем из девяти кругов ангелов — надпись на дощечке в руках одного из них: «Sandro di Mariano», тоненькую, едва различимую. Липпман предположил, что надпись эта вовсе не для идентификации

Андреас Везалий
О строении человеческого тела. Базель, 1543 г.

няя указания Везалия, Калькар изображал анатомические объекты на редкость динамично. Его скелеты — не набор костей, а, можно сказать, «живые»... Прекрасно выполненная художником иллюстрация на фронтисписе демонстрирует совершенно новый для того времени метод преподавания, практикуемый Везалием: профессор — в присутствии многочисленной аудитории — сам анатомирует труп человека. Свой трактат, принесший ему бессмертную славу, Везалий создал в возрасте 28 лет.

В Библиотеке хранится богатая коюшкья альдин — несколько сот томов изданий Альда Мануция, выдающегося итальянского издателя и типографа, ученого-

работы сделана, а «чтобы имя автора не было забыто в кругу святых». Так находится все, что не должно быть утеряно.

Какое же отношение, спросит читатель, имеет вся эта история с пропажами и находками к нашему изданию, экземпляры которого мирно лежат себе, никуда не пропадая, и в Москве, и во Флоренции, и во многих других городах, в национальных и частных собраниях?

Один-единственный взгляд на первую гравюру первой части «Ада» и на соответствующую иллюстрацию кодекса Лоренцо

Сандро Боттичелли. Ад гуманиста эпохи Возрождения, а также его наследников (фирма Альдов просуществовала около 100 лет). Большая часть коллекции поступила с собранием А.С.Норови в 1863 г.; значительное пополнение — из библиотеки Юсуповского дворца в Архангельском (после Октябрьской революции). Старейшая из альдин Библиотеки — «Идилли» Феокрита — была выпущена в 1495 г. (относится еще к инку-

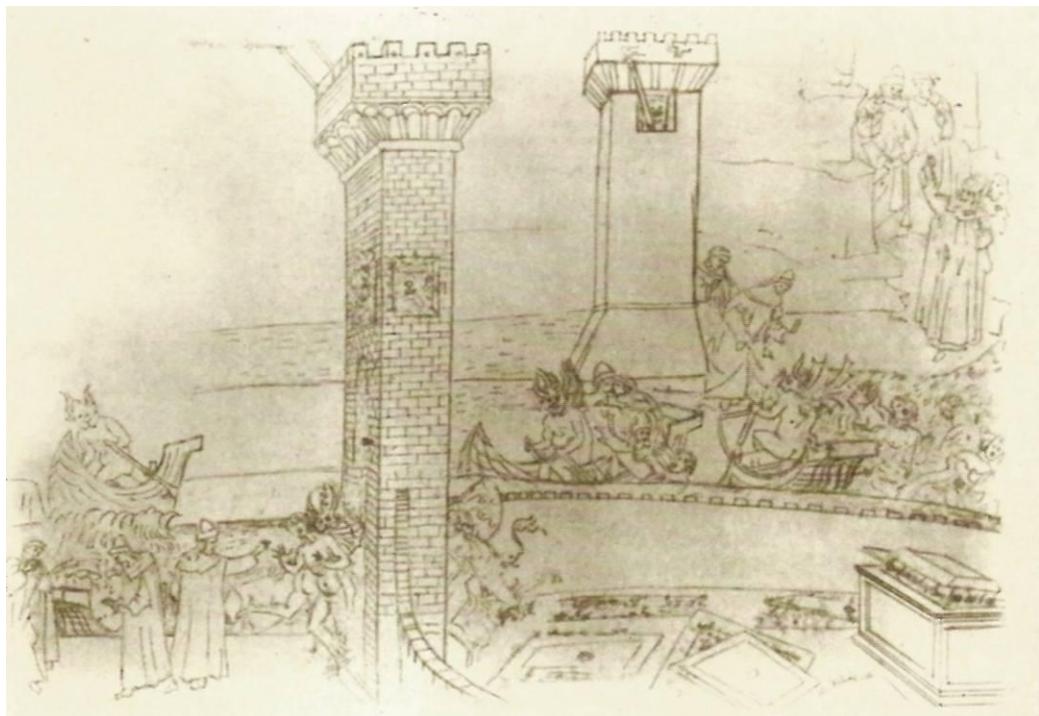
ди Пьетрофранческо Медичи — и любому становится очевидно: перед нами работа одного художника. Правда, книжный вариант выглядит упрощенным, схематичным; не зная Кодекса, руку Боттичелли здесь не признать. Результат недостаточно высокого в то время мастерства гравирования? Или, напротив, творческий поиск оптимального гармонического соотношения между печатным текстом и иллюстрацией, нарочитый отказ гравера от «живописности»? Некоторые полагают, что Боттичелли бросил заниматься иллюстрированием флорентийского Данте, недовольный результатами работы гравера, Баччо Бальдини. Поскольку, однако, ничего в точности не известно, имеет смысл рассмотреть и иной вариант.

«...Он приобрел известность и славу величайшую, а от Папы получил порядочную сумму денег, которую сразу же, пока был в Риме, промотал и растратил, ибо по своему обыкновению вел жизнь беспорядочную», — да, Вазари не назовешь беспристрастным свидетелем; но и не отвергать же один из немногих первоисточников художественной жизни Флоренции?

Что мы знаем о трудах и днях Боттичелли? «Сандро ди Мариано, 33 лет, художник и работает дома, когда ему вздумается» — запись в кадастре отца художника, Мариано Филиппи, от января месяца 1481 года.

А с лета 1481 года до лета 1482-го Сандро ди Мариано, 34 лет, уже в Риме, работает над фресками Сикстинской капеллы. В августе 81-го, когда Флоренция издавала своего Данте, Боттичелли был далеко от родного города.

...Конечно, обидно за инкунабулу: осталась без иллюстраций.

Но, может быть, фрески Сикстинской капеллы хотя бы частично способны уравновесить те неприятные эмоции, которые — в 1481 году — наверняка испытал Николо ди Лоренцо, флорентийский типограф? К тому же ведь и имя его, и труд не забыты потомками. Флорентийское издание «Божественной комедии» Данте с гравюрами Баччо Бальдини по рисункам Сандро Боттичелли почитается специалистами как важнейшая веха в начальной истории книжной иллюстрации.

Что же касается взаимоотношений Боттичелли с «Божественной комедией», то они, как мы знаем, тоже не ограничились этой книжной историей. Ведь создал же в конце концов Художник свой гениальный цикл иллюстраций, по мнению многих, чуть не единственный достойный Поэта...

Флорентийское издание Данте 1481 года было настольной книгой для образованных людей эпохи Возрождения.

Широкие поля фолиантов, сегодня радующие глаз своей — от души — щедростью, несли когда-то и вполне функциональную нагрузку: «Открой книгу, читатель, просвещенный чело-

Сандро Боттичелли. Ад

набульному периоду книгопечатания — до 1501 г.). Выдающиеся ценность представляют альдины — первые издания: «Комедии» Аристофана (1498), «История» Геродота (1502) и многие другие.

Не менее знаменитой была издательская фирма Этьеннов (Франция). Ее родоначальником был Анри Этьенн Первый (умер в 1520 г.). Его сын, Робер Этьенн, был об-

век!.. Если захочется тебе высказать возникшую мысль, зарисовать родившийся образ,— места тебе здесь предостаточно...»

В Риме, в библиотеке Валичеллиана, хранится экземпляр «Комедии», на полях которого — 240 набросков пером; большая часть из них сделана выдающимся архитектором и художником XV — начала XVI века Джулиано да Сангалло. Эта инкунабула — объект пристального изучения искусствоведов.

Существует версия, по которой навсегда утеряно для нас сокровище, сравнимое с иллюстрациями Боттичелли. Якобы —

Сандро Боттичелли. Рай

разованным человеком, дом которого посещали многие знаменитые ученые. Свою деятельность он направил на издание элементарных книг для изучения древних языков и на точное издание классиков. Более всего, однако, занимали его издания Священного писания. В 1539 г. Роберт Этьенн был назначен «королевским печатником» книг на латинском и древнееврейском языках, а в 1540 — и на

свидетельство некоего духовного лица — существовал экземпляр, где вся «Комедия», от начала до конца, была проиллюстрирована пером; якобы книга эта, принадлежащая одному флорентийскому скульптору, погибла в первые годы XVIII века: владелец ее отправился в Рим, а свое имущество, в том числе и «Комедию» Данте, послал морем. Случилось несчастье — кораблекрушение. И — затонуло судно с рисунками Микеланджело на полях фолианта... Где-то между Ливорно и Чивитавеккья.

Экземпляр «Комедии» 1481 года, хранящийся в Москве, в Музее книги Библиотеки им. В. И. Ленина, принадлежал ранее Аврааму Сергеевичу Норову. Образованнейший человек, с юных лет испытал он страстное влечение к изящной словесности и исторической науке. К тому же был и неутомимым путешественником: объездил Европу, побывал в Палестине, Малой Азии, Иерусалиме. Знал французский, английский, немецкий, испанский, итальянский, латинский, греческий, древнееврейский. Участник Бородинского сражения, собственными глаза-

ми видевший, как горит Москва и как входят в столицу французы, он, по свидетельству Е. Делевского, «принадлежал к тем редким, счастливым, можно даже сказать, избранным натурам, которые одарены способностью видеть преимущественно светлую сторону вещей». Во время одной из своих поездок по Европе, по-видимому, и приобрел А.С.Норов прекрасный экземпляр флорентийского издания Данте. (Очевидно, во Франции или Швейцарии: на книге обозначена цена — 350 франков.)

Поля «норовского» Данте чисты; мы не знаем имена его предыдущих владельцев; сам же Авраам Сергеевич обладал уже не просто книгой — инкунабулой. Потому, естественно, ни перо, ни карандаш его не оставили на весьма ценном фолианте помет, записей или рисунков.

Однако к поэзии Данте А. С. Норов отношение имеет, и самое непосредственное: не кто иной, как он предпринял попытку первого поэтического перевода на русский язык божественных терцин «Комедии».

...Флоренция — Fiorenza — Фьоренца — «цветущая» по-итальянски. Прощаясь с родиной нашей инкунабулы, вспомним вновь Александра Блока:

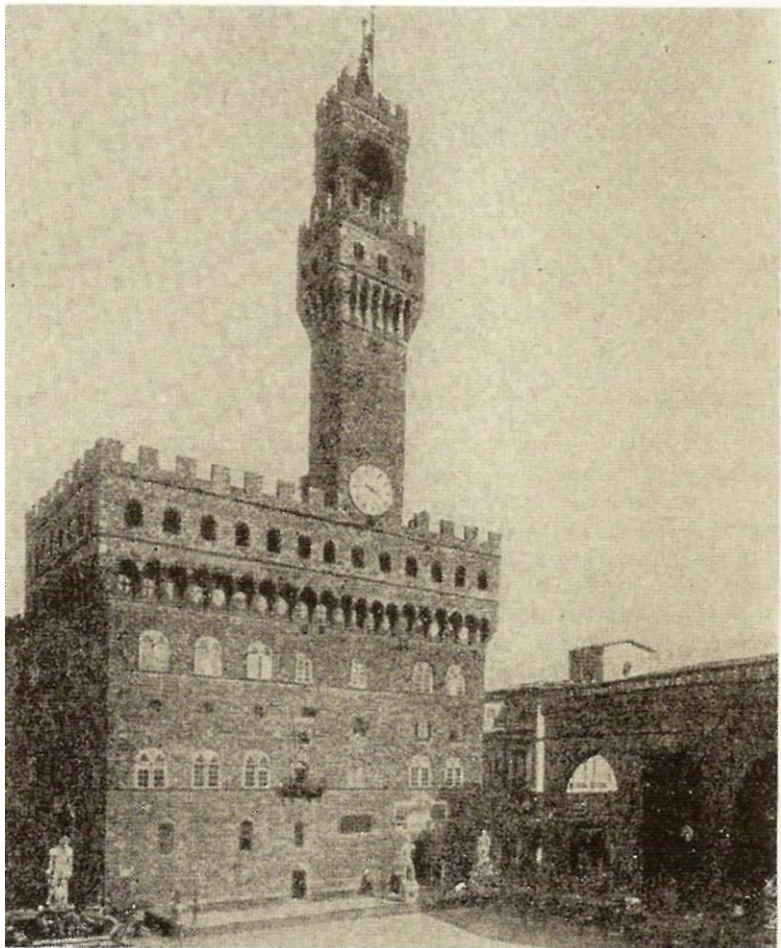
Флоренция, ты ирис нежный...

греческом. Число всех изданий Р. Этьенна превышает 600. В Библиотеке хранится «Библия» на латинском языке, изданная в Париже Р.Этьенном в 1538—1540 гг.

Флоренция. Дом Алигьери
Старый дворец. Церковь
Санта Мария Новелла

Имя Данте навсегда свя-
зано с Флоренцией — сча-
стьем, которое она ему
дала, и страданиями, ко-
торые она же принесла. Ве-
ликая поэма была написа-
на в изгнании, но одно
из первых изданий было
напечатано во Флорен-
ции. Умер поэт в Равен-
не, но родиной его была
Флоренция. И среди заме-
чательных дворцов и исто-
рических зданий этого го-
рода есть несколько, — мо-
жет быть, и не самых
великолепных, — которые
помнят Данте, этого, по
выражению Ф.Энгельса,
«последнего поэта средне-
вековья и вместе с тем
первого поэта нового вре-
мени».

ДНІЯ ОУ ПЛО ПІ ОУ ПІ ПІ ЕСТУ КВА
ДНІЯ ОУ ПЛО ПІ ОУ ПІ ПІ ЕСТУ КВА

Первое оубо слово сотвори хъ оубо хъ,
ѿ де оу фнае . онн же на чатъ ис , тво
ри ти же но учити . донего же дне,
заповѣдавъ апломъ а хомъ стымъ,
и х же и збра вознесеа . прени мже

и постави себе жива постраданн
своёмъ . во мно зехъ истинныхъ знаме
ниихъ . днми четирндесатми явля
и аса и мъ и гла яже оцртвин бжн . инн
мже и гды , повелѣваше и мъ ѿперо сали
ма не ѿлучатиса . но ждати обѣтваніе
ѿ чее , еже слышасте ѿ мене . яко іѡаннъ
оубо крстнаъ есть водон . вы же и мате кре
стнитиса а хомъ стымъ , не помно зѣхъ
снхъ дне . онн же оубо шешеса , вопрошахъ

востѣи и великѣи на пасхн . и навознесеніе

ГНЕ

КНИЖНИК XVII ВЕКА

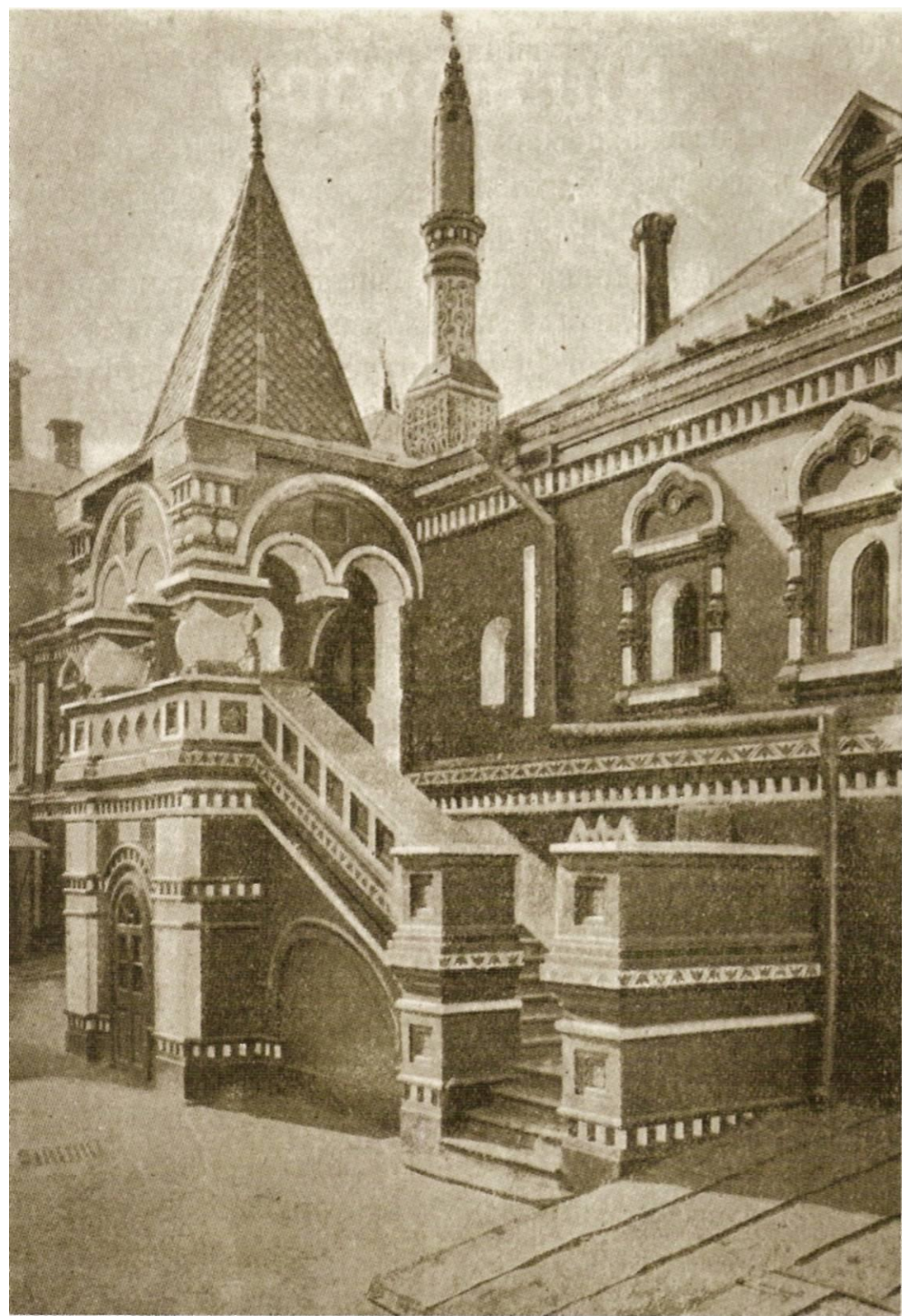
Как издавались первые книги на Руси, где печатались, кем? Кто они — эти удивительные люди — первопечатники? История не слишком охотно выдает свои тайны, и все-таки — по крупицам, по крохам — мы пытаемся воссоздать картину первых лет, десятилетий отечественного печатного слова, листаем страницы древних книг, вчитываемся в старопечатные тексты...

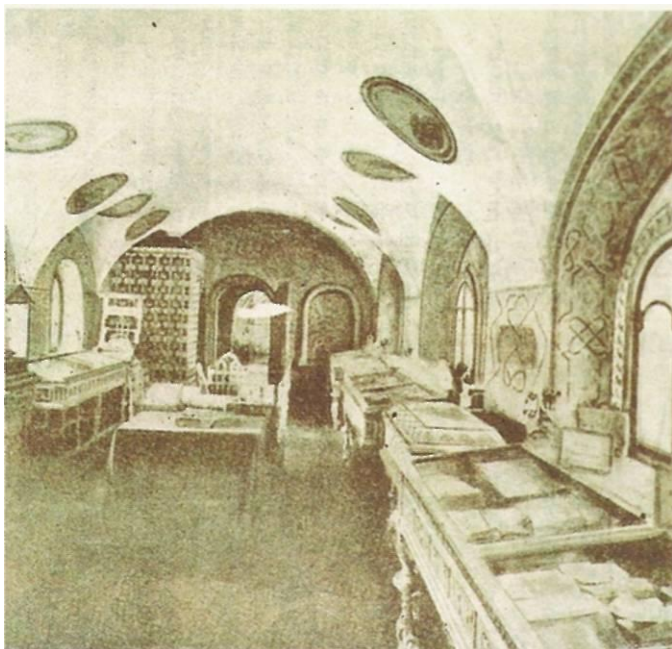
Ну конечно же, едва ли не всякий школьник знает теперь имя Ивана Федорова: памятники в Москве и во Львове — знаки великой признательности потомков этому первому на Руси подвижнику печатного дела и печатного слова. Вспомним добрым словом и других отечественных типографов, продолживших дело Ивана Федорова, — Петра Мстиславца, Андроника Невежу и его сына Ивана, Анисима Радишевского, Кондрата Иванова, Иосифа Кириллова, Никиту Фофанова.

Самой крупной типографией на Руси с конца XVI по начало XVIII века был Московский печатный двор, где размещались «избы» — мастерские типографов-словолитцев. Судьба Московского печатного двора изобилует драматическими событиями. Достаточно сказать, что в 1611 году, когда Москву заняли польские интервенты, типография полностью сгорела. Но печатное дело на Руси не прекратилось — взамен сгоревшей была устроена типография в Нижнем Новгороде, откуда, как мы знаем, вышло ополчение во главе с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, освободившее Москву и всю русскую землю от иноземных захватчиков.

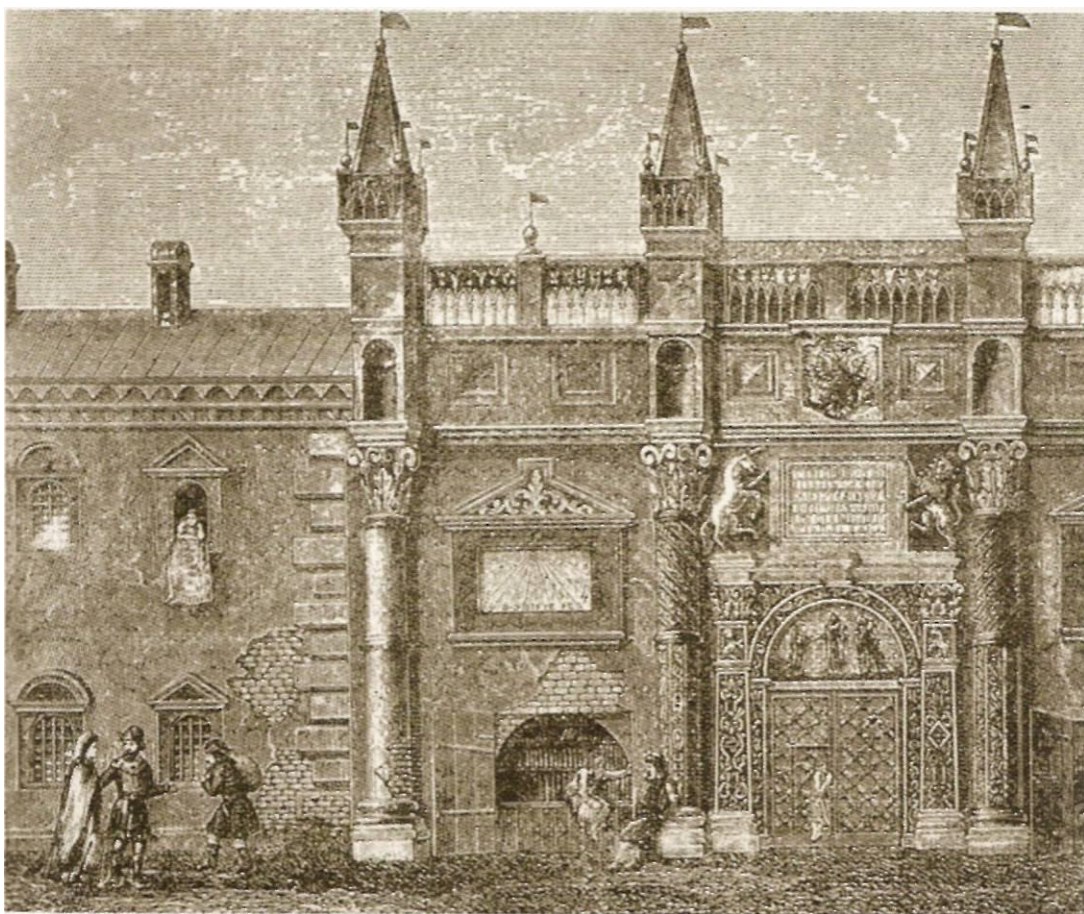
Московский печатный двор вновь начал действовать — первоначально в Кремле, а затем на прежнем месте — на Никольской улице (ныне улица 25 Октября). Вскоре, в конце 20-х годов XVII века, происходит замена ремесленной типографской мастерской предприятием мануфактурного типа, на манер европейских, с четким разделением труда: каждый стан обслуживают теперь 12 мастеровых людей — 2 наборщика, 4 печатника, 4 батырщика, наносивших краску на форму, 1 разборщик и 1 сторож. В XVII веке на Московском печатном дворе вышло около 500 книг — огромная по тому времени цифра! Библиотека им. В.И.Ленина бережно хранит почти все эти издания, каждое из которых представляет немалую культурную ценность.

И как досадуют хранители старопечатных книг, когда у них недостает экземпляров какого-либо издания, сколько усилий прилагают, чтобы найти его и пополнить главное государственное книгохранилище. Коллекция старопечатных книг кирилловского шрифта (общего для русского, украинского и белорусского народов) Библиотеки на сегодняшний день признана первой в мире по полноте и глубине изученности среди собранный книг такого рода.

Московский печатный двор, XVII в. Одна из первых типографий в Москве.

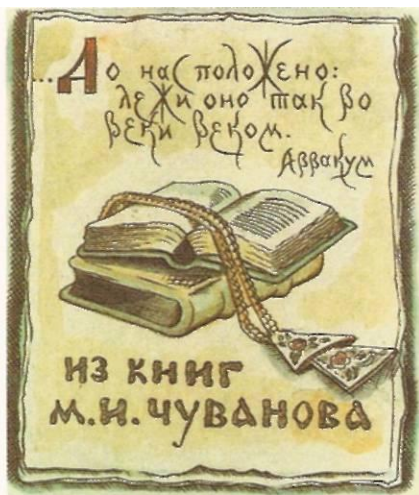

Бывает, что исследователи почти все знают о том или ином издании по архивным источникам: название, содержание, автора, печатника, число страниц, а самой книги не имеют. Досадно, правда? Вдвойне обидно, если по имеющимся сведениям книга представляет собой и образчик художественного мастерства, является иллюминированной, то есть украшенной вручную выполненными миниатюрами. Иллюминированный экземпляр «Служб и житий Сергия и Никона Радонежских», вышедших в 1646 году на Московском печатном дворе, считался без-

Малая подорожная книжца. Вильно, 1522—1523

Экслибрис М.И.Чуванова

В фонде книг кирилловской печати XV—XVIII вв. Библиотеки — более 2700 изданий (ок. 9500 экз.), приблизительно 70% всех изданий кирилловской печати этого периода.

«Октоих» — первая книга, напечатанная кирилловским шрифтом, — появилась в первой славянской типографии в Кракове в 1491 г. (печатник — Швайпольт Фиоль). 500-летие этого события будет отмечаться в 1991 г. Графика шрифта восходит к раннему русскому полууставу XV в. Сохранилось 8 экземпляров книги, два из них — в Библиотеке.

Белорусский просветитель, издатель и печатник Франциск Скорина предпринял громадный

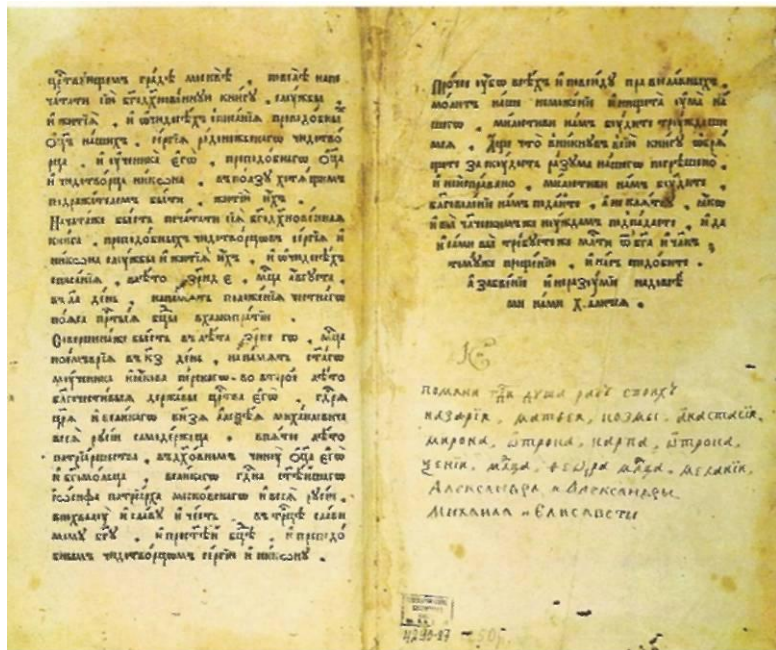
возвратно утраченным. Какова же была радость библиотечных работников, когда в 1981 году он поступил в собрание старопечатных книг Библиотеки им. В.И.Ленина в превосходном состоянии в составе ценной коллекции старейшего библиофила с подмосковной станции Ухтомская Михаила Ивановича Чуванова...

Впрочем, давайте по порядку. Об этом экземпляре знали работники музея в Загорске по записи во вкладных книгах Троице-Сергиева монастыря. Собственно, книг, которые поступили от Симона Азарьина в библиотеку крупнейшего на Руси монастыря, было две: «Псалтырь с песнями и с избранными псалмами печатная на большой бумаге... да книга Службы и житие чудотворцов Сергия и Никона на большой бумаге, печатная... по полям... писано в лицах». «Писано в лицах» — и значит иллюминировано. Обе книги являют собой великолепнейшие образцы экземпляров ранних русских изданий, украшенных миниатюрами, выполненными от руки на незапечатанной площади полей и искусно подвеченными.

Первая из книг — «Псалтырь» — издана на Московском печатном дворе в 1634 году. «Псалтырей» издавали в средневековой Руси великое множество, ведь по ним обучали грамоте, и в XVII веке текст «Псалтыри» выходил в Москве в разных изданиях около ста раз. «Псалтырь», переданная в 1659 году по вкладной записи в библиотеку Троице-Сергиевой лавры «бывшим келарем, старцем Симоном Азарьиным», хранилась там без малого три столетия, а в Библиотеке им. В.И.Ленина оказа-

лась после того, как книжное собрание Троице-Сергиева монастыря в составе других национализированных коллекций вошло в ее фонд. Увы, второй подаренной Симоном Азарьиным монастырю книги в составе этого собрания не оказалось...

Кто он — «бывший келарь» Симон Азарьян? Чем интересен для нас этот человек, подающий из глубины веков весть на языке XVII столетия, оставивший на книгах вкладные записи, которые сами по себе — любопытные свидетельства минувших столетий? Старец Симон — личность весьма примечательная,

Службы и жития Сергия и Никона Радонежских. Москва, 1646 г. Страницы книги

труд по переводу Библии. «Людам посполитым рускаго языка к доброму научению», — так пишет он в своих послесловиях. Коллекция Библиотеки включает 21 из 23 переведенных и изданных в 1517 — 1519 гг. библейских книг. «Четыре книги царства» — одна из книг «Ветхого завета». В книге помещен гравированный портрет Ф.Скорины — единственный случай такого рода в славянской старопечатной книжности. Есть в Библиотеке и другие редчайшие издания С Корины: «Малая подорожная книжица» (1522–1523) — первая книга, напечатанная на территории нашей страны; малоформатный «Апостол» (1525) — первое издание «Апостола» на церковно-славянском языке.

во многих отношениях — выдающаяся. Он — литератор и библиофил, редактор и крупный церковный деятель.

Азарьян происходил из служилого рода, его предки и сродники служили знатнейшим княжеским и боярским родам. И сам он был в услужении у княжны Ирины Ивановны Мстиславской из рода легендарного литовского князя Гедимина. Служил он этой знатной особе до тех пор, пока не постригся в монахи. Симон — его монашеское имя, а в миру его звали Саввой Леонтьевичем Азарьиным.

Инок Симон сделал блестящую монастырскую карьеру. Начинал он свою жизнь в монастыре келейным монахом выдающегося церковного деятеля своего времени архимандрита Троице-Сергиевой лавры Дионисия Зобнинского, а закончил келарем (заведующим всей хозяйственной частью) крупнейшего русского монастыря.

Последние восемь лет своей жизни старец Симон провел на покое здесь же, в Лавре, а до этого в его судьбе были странные, по сию пору не выясненные обстоятельства. Он подвергался опале — был сослан в далекий северный Кириллов монастырь и там занимался тяжелой и непривычной для себя работой (сеял муку в монастырской хлебне). В течение всей своей монаше-

В Москве первые книги были напечатаны в так называемой «анонимной» типографии. Здесь вышло 7 книг. Первая московская печатная книга — «Евангелие», которое принято называть узкошрифтным (ок. 1553 г.). Оно не имеет выходных данных, но его московское происхождение и дати-

ской жизни Симон писал: историю монастыря, наставления, жития, — и популярность его сочинений у древнерусского читателя была вызвана, возможно, не только их высокими литературными качествами, но и выпавшими на его долю немилостями, преследованиями, опалой...

Так вот, второй книги, вложенной старцем Симоном в Троице-Сергиев монастырь, в составе монастырской коллекции, перешедшей в книгохранилище Библиотеки им. В.И.Ленина, не было. И какой интересной книги! Она прекрасно иллюминиро-

Службы и жития Сергия и Никона Радонежских Москва, 1646 г. Иллюминированные страницы книги

ровка достаточно убедительно доказаны историками отечественной книги. До настоящего времени сохранилось 29 экземпляров книги, из них 5 находятся в Библиотеке.

Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в

вана древнерусским художником-миниатюристом. Этот экземпляр книги «Службы и жития Сергия и Никона» напечатан на бумаге большего формата, чем остальной тираж, — размеры правого и нижнего полей по ширине достигают 90 миллиметров. Эти обширные поля — суть то пространство книги, в котором работал древнерусский художник-миниатюрист: 1—4-й листы он сплошь записал многокрасочными миниатюрами, выполненными на высоком профессиональном уровне в традиционной древнерусской манере. Особенно изящна миниатюра, передающая известный библейский сюжет — изгнание Адама и Евы из рая. Эту миниатюру сопровождает помещенный рядом с рисунком рукописный текст, сделанный киноварью. На книге есть еще одна любопытная запись от руки: «Ермошка Дмитриев». Так «на века» на первом пустом листе распорочился работник Московского печатного двора.

Но подлинная уникальность этого исключительного во многих отношениях экземпляра состоит в том, что к печатной книге приплетена рукопись Симона Азарьина на 96 листах. Это описания «чудес» преподобного Сергия, которые были изъяты из книги московскими печатниками (но об этом чуть позже). Над рукописью старец Симон работал особенно тщательно и снабдил ее обширным авторским предисловием.

Исследователи справедливо считают этот экземпляр «Служб и житий Сергия и Никона Радонежских» выдающимся книж-

ным памятником XVII века. Здесь нашло свое яркое проявление мастерство московских печатников, художника, украсившего поля книги великолепными миниатюрами. У книги — интересная издательская судьба, по-своему отражающая особенности жизни Московского государства накануне реформ патриарха Никона. А что мы знаем об издательских судьбах книг, появившихся в России на свет в течение первых ста лет отечественного книгопечатного дела? Да практически — ничего.

Тогда описывать подобные сюжеты мало кто решался — не позволяли сложившиеся литературные жанры и считалось это все безделицей. Но для нас-то это не безделица, а своеобразный эпизод из истории Московского печатного двора, о роли которого в судьбах отечественной печатной книги вкратце уже было сказано.

Службы и жития Сергия и Никона Радонежских Москва, 1646 г. Иллюстрированные страницы книги

1564 г. в Москве издана первая датированная русская печатная книга — «Апостол». Исключительно высоко оценивается исследователями полиграфическое исполнение издания. Книга украшена заставками, инициалами, в качестве фронтисписа исполь-

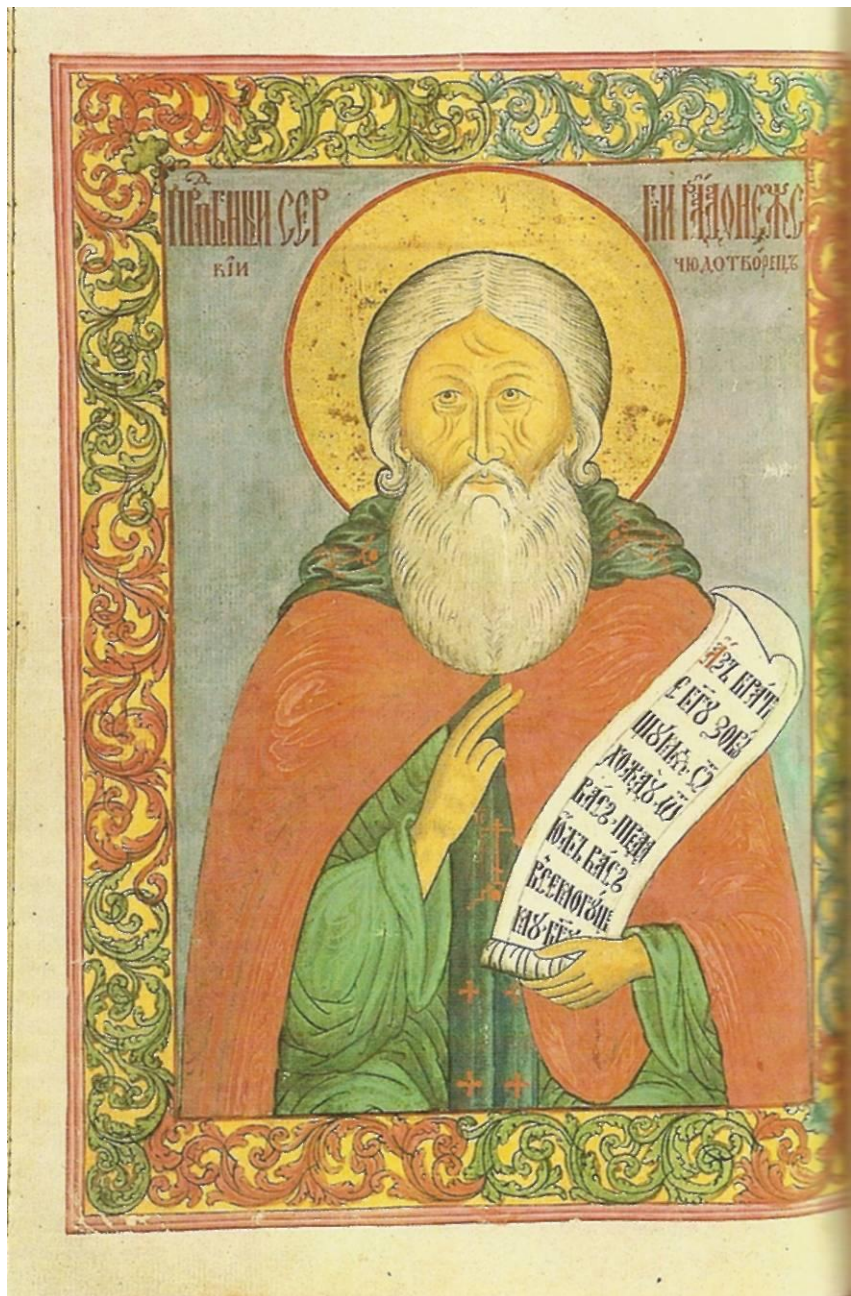
Симон записал эту историю сам, изложив ее в предисловии к тексту полного рукописного жития Сергия Радонежского, которое он готовил к печати, но так и не сумел выпустить в свет и увидеть напечатанным. История такова: «Службы и жития Сергия и Никона Радонежских», по указу царя Алексея Михайловича, было велено напечатать в 1646 году. Симон принял в этой книге деятельное участие и как редактор — он готовил к печати, поправлял текст жития, написанного учеником Сергия Радонежского Епифанием Премудрым в 1418 году, све-

Службы и жития Сергия и Никона Радонежских Москва, 1646 г. Иллюминированные страницы книги

зована гравюра с изображением апостола Луки. В Библиотеке хранится 8 экземпляров этой книги.

В числе изданий Ивана Федорова, находящихся в фонде Библиотеки, — заблудовское «Евангелие учительное» (1569), львовский «Апостол» (1574), острожские «Новый завет с Псалтырью» и «Книжка, собрание вещей нужнейших» (1580). «Первым овощем от дому печатного... острожского» называет Иван Федоров это издание «Нового завета с Псалтырью» и оригинального указателя к нему. Здесь есть и острожская «Библия» (1581) — самое значительное издание, напечатанное Иваном Федоровым.

Первое московское издание, в котором указан тираж книги, — «Апостол» 1597 г. («А напечатано книг сих вкупе тысяча пятьдесят...»). Андроник Тимофеев Невежа, трудившийся над этим изданием, был первым русским гравером, подписывавшим свои работы. Библиотека имеет 6 экземпляров этой книги.

рлял его с дополнениями известного автора многих канонов, служб и житий Пахомия Логофета, — и как автор — в книге должны были появиться его дополнения к житию, в виде описания «новоявленных чудес», происходивших у гробницы святого Сергия.

Старец Симон многие годы вел как бы хронику этих чудесных явлений, последнее «чудо» записано им в 1654 году. Но собственно симоновский текст в готовящейся к печати книге вызвал протест у московских печатников — случай неслыхан-

Апостол. Москва, 1564 г.

Евангелие. XVI в.

Среди памятников русского типографского искусства выделяется декоративностью «Евангелие», выпущенное в Москве в 1606 г. Онисимом Радишевским. В Библиотеке хранится экземпляр с художественной живописной раскраской, сделанной вручную в XVII в.

ный, ведь книга выходила по повелению «самодержца всея Руси» Алексея Михайловича!.. Печатники упорствовали — некоторые из зафиксированных и записанных Симоном «чудес» они так и не стали набирать. То есть, попросту говоря, не доверили монаху Симону Азарьину и выступали эдакими самочинными редакторами. Как ни хлопотал обиженный автор, некоторые из записей Симона московскими печатниками были изъяты из рукописи — «истеряны быша», как объяснял потом царю и патриарху Симон Азарьин. Один из сюжетов Симона —

Службы и жития Сергия и Никона Радонежских Москва, 1646 г. Иллюминированные страницы книги

Печатание книг в XVI—XVII вв. производилось, как правило, в Москве. Тем более интересен единственный до настоящего времени памятник нижегородской печати (1613г.), открытый и изученный А.С.Зерновой. Печатник

«чудо о кладези», или «чудо о явившейся воде» — был напечатан на отдельных листах, на так называемой выметке, — только после непосредственного вмешательства царя и патриарха. Эта выметка имеется не во всех известных на сегодняшний день экземплярах книги «Службы и жития Сергия и Никона Радонежских».

На Московском печатном дворе после этой истории произошли, наверное, некоторые изменения — своевольные печатники были, возможно, уволены, заменены более покладистыми. Впрочем, об этом история умалчивает...

Согласитесь, случай с печатанием этой книги вышел весьма любопытный. Можно смело сказать, что и тогда подготовка к печати и само печатание книги было делом далеко не всегда безоблачно-спокойным. Не случайно один из исследователей ис-

тории русской книги Н.П.Киселев, касаясь деятельности Московского печатного двора XVII века, пишет: «Все там было полно страстей, все кипело и бурлило, соблазн следовал за соблазном, скандал за скандалом. Неразумие, невежество, нетерпимость порождали частые ошибки, недоразумения, вызывавшие поклепы и наветы, кончавшиеся обвинениями в ереси и преследованиями. Так что редактирование книг в XVII веке было делом отнюдь не безопасным».

А Симон Азарьин больше своих трудов на Московском печатном дворе не издавал. Впрочем, писать он никогда не переставал и, как уже говорилось, подготовил к печати полный вариант жития Сергея Радонежского со всеми своими дополнениями и записями позднейшего времени. Увы, издаваться в те далекие времена было совсем непросто — типография предпочитала печатать канонические тексты, а не то, что выходило из-под пера авторов-современников.

Если уж говорить о писательской деятельности Симона Азарьина, то обязательно надо вспомнить, что в период между 1646 и 1656 годами он составлял житие Дионисия Зобниновского — доблестного архимандрита Троице-Сергиевой лавры. Этот церковный деятель, покровительствовавший Симону, сыграл положительную роль в исторической судьбе Московского государства в период Смутного времени и народной борьбы против иноземных захватчиков в 1610—1612 годах. Его грамоты, в которых содержался призыв к национальному единению, способствовали успешным действиям нижегородского ополчения во главе с Мининым и Пожарским, освобождению Москвы от иноплемennых захватчиков.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов об особенностях литературного наследия монастырского келаря Симона Азарьина. Несомненно, что как литератор он сложился под влиянием идеологии своего времени, своего окружения. Его житиям присущи традиционные черты этого популярного жанра древнерусской литературы: идеализация героев, вера в сверхъестественное. Однако мы с полным правом можем называть их патристическими произведениями. Они прямо связаны с героическими событиями двух поворотных вех русской истории: Куликовской битвой (житие Сергея Радонежского) и Смутным временем (житие Дионисия Зобниновского), прославляя покровителей русского воинства. В его литературных произведениях фигурируют реальные исторические лица: Козьма Минин, Иван Наседка, пан Лисовский, окольный Ф.Волынский, князь С.Шаховской, то есть его сочинения содержат реальный исторический фон, столь драгоценный для всякого интересующегося родной историей.

Азарьин — один из хроникеров-историков Троице-Сергиевой лавры, в течение длительного времени бывшей центром духовной и культурной жизни русского народа. Он не устает подчеркивать высокий авторитет монастыря в борьбе против монголо-татарского ига, в походах на Казань во времена Ивана Грозного, в период польско-литовской интервенции начала XVII века. Все это заставляет пристальнее взглянуть в творческую судьбу этого незаурядного и своеобразного автора.

Азарьин интересует нас как человек, имя которого бросает отсвет на книжный XVII век, еще мало изученный и ждущий

Букварь. Москва, 1634 г.

Никита Фофанов рассказывает о событиях Смутного времени, об освобождении Руси от иноземных захватчиков.

Первый московский печатный букварь был издан В.Ф.Бурцевым в 1634 г. Букварь предназначался «малым детям в научение и познание божественного писания». В Библиотеке — 3 экземпляра этого букваря.

В Библиотеке имеется 15 экземпляров первого русского свода законов, изданного типографским способом, — это сборное «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г.

НА ПЯТОМЪ ДНѢ СВЯТЫХЪ СВЯТЫХЪ

ЧЕСТНЫХЪ МОЩЕЙ, ПРЕПОДОБНАГО И ЕГИНОБНАГО
ОЦА НАШЕГО ИГОУМЕНА СЕРГІА ЧУДОТВОРЦА,
НАМАЛЪИ ВЪ ЧЕРНИ, СТИХЪРИ. НА Д. ГЛАСЪ,
А. ПОДОБЕНЪ. И СЕБНЫМЪ ЧИНОМЪ РАДО
ВАНІЕ.

И СЕБНЫМЪ ЧИНОМЪ РАДОВАНИЕ,
И НА ЗЕМЛИ ЧЛКОВОМЪ ВВЕЛІЕ, ВЪ КЛОТЪЩЕЕ ННѢ
ЧТО РЖЕВЪ, ЧЕСТНАГО ОБРЪТЕНІА ЧУДОТВОРНЫ
МОЩЕЙ, ИЖЕ ВО ОЦѢХЪ ВЕЛИКАГО И ПРПЕНАГО
СЕРГІА. ТОГѠ МЛТВАМИ ХРТЕ СПАСИ ДУША
НАША. ИЖЕ НА НЕБИ ЧЕЛОВѢКА ВЖІА, И
НА ЗЕМЛИ АГГЛА СЮЩА СЪ ПЛОТІЮ, ЕГОВИ Ш ЧРЕВА
МАТЕРНА ОБЪЩЕННАГО БЛАЖЕННАГО СЕРГІА,
ДНЕСЬ НАСТА ОБРЪТЕНІЕ ЧУДОТВОРНЫХЪ МОЩЕЙ,
И ВОЗЫВАЕ ВСЕ ЦРКОВНОЕ ИСПОЛНЕНІЕ, ВОЗЪБЛАТИ
СЛАВЪ ХЪ ЕГЪ. ВЪ СПРЬ НА НЕБИ АГГЛІИ РАДЪШЕЛЪ,

своих первооткрывателей. Азарьин редактирует книги, пишет книги, дарит книги, — он не может не быть тем, кого мы называем библиофилом, то есть знатоком и собирателем книжных богатств. И это так — после его смерти осталась уникальная по тому времени библиотека, которая также отошла его родному монастырю.

Эта библиотека не только характеризует писательские и духовные интересы Симона Азарьина, но и дает представление о книжных собраниях наших образованных соотечественников XVII века. С той, разумеется, поправкой, что у старца Симона было больше, чем у других, возможностей — через руки монастырского администратора-хозяйственника проходили многие книги, поступавшие в Троице-Сергиев монастырь из типографий Москвы, Киева, Вильно, Львова, Кутейно. О составе библиотеки Симона Азарьина стало известно сравнительно недавно, после обнаружения в Центральном государственном архиве древних актов описи его собрания, сделанной после смерти владельца в 1701 году. Чего здесь только нет: «Космография» на польском, лексиконы на польском и немецком языках, русские азбуки и грамматики, «Сказание о Флорентийском соборе 1439 года и низложении митрополита Исидора», написанное поборником государственного и религиозного украинско-русского единства князем Константином Острожским, «Катехизис для деток христиньских языка руского», изданный в Несвиже, трактат Ивана Наседки против протестантизма, сочинения известных русских писателей XV—XVI веков Иосифа Волоцкого и Зиновия Отенского и даже список «Толка языка половецкого»...

На сегодняшний день из собрания Симона Азарьина найдено более пятидесяти рукописных и старопечатных книг. Многие из них обнаружены в фондах Библиотеки им. В.И.Ленина, куда они попали вместе с другими книгами из собрания Троице-Сергиевой лавры. Книги из библиотеки Симона Азарьина украшают собрания и других библиотек страны. Например, «Воинский устав царя Василия Ивановича Шуйского 1607 года» находится теперь в Казанской научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского, а до того был собственностью, кого бы вы могли подумать, — самого светлейшего князя Г.А.Потемкина-Таврического, блистательного фаворита Екатерины II. Вот какой путь у этого «Устава»: из монашеской кельи — во дворец сказочно богатого вельможи, а оттуда — в научную библиотеку!

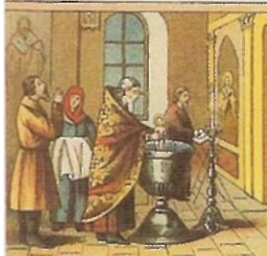
Книги написанные, собранные, подаренные, завещанные книжником XVII века Симоном Азарьиним, продолжают свою долгую жизнь во времени.

Службы и жития Сергия и Никона Радонежских
Москва, 1646 г. Страница
книги

Либретто одной из первых пьес русского театра под названием «Алексий человек божий» было издано по инициативе киевского воеводы Г.П.Трубецкого в 1674 г. В Библиотеке — редчайший экземпляр этого издания.

Исключительной ценностью собрания старопечатных русских книг является «Букварь» 1696 г. Кариона Истомина, напечатанный всего в 20 экземплярах в Москве. В Библиотеке имеется корректурный экземпляр с вклеенной рукописью (28 л.) Кариона Истомина. Это одна из редчайших русских книг.

Святитель Сергий крестит князя Святослава.

Смерть Святой Матери Вселенского Святого.

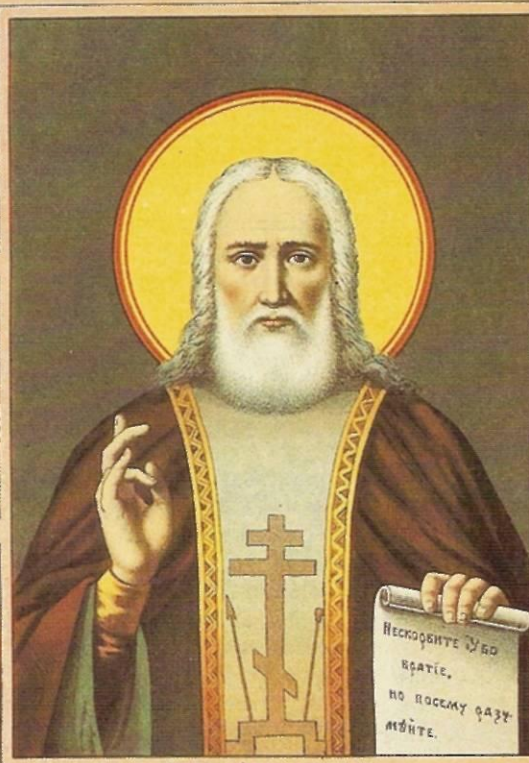
Святитель Сергий в пустыне. Вспоминание Святого Духа в виде голубки.

Святитель Сергий благословляет ребенка в лесу.

Святитель Сергий в пустыне совершает чудеса.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Святитель Сергий кормит собаку в келье.

Святитель Сергий совершает чудеса с крестом.

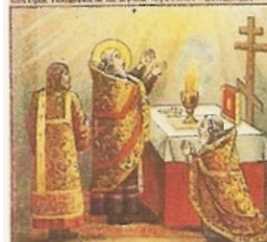
Святитель Сергий совершает чудеса в церкви.

Святитель Сергий совершает чудеса с золотым облачением.

Святитель Сергий совершает чудеса с крестом.

Святитель Сергий совершает чудеса с золотым облачением.

Святитель Сергий совершает чудеса с крестом.

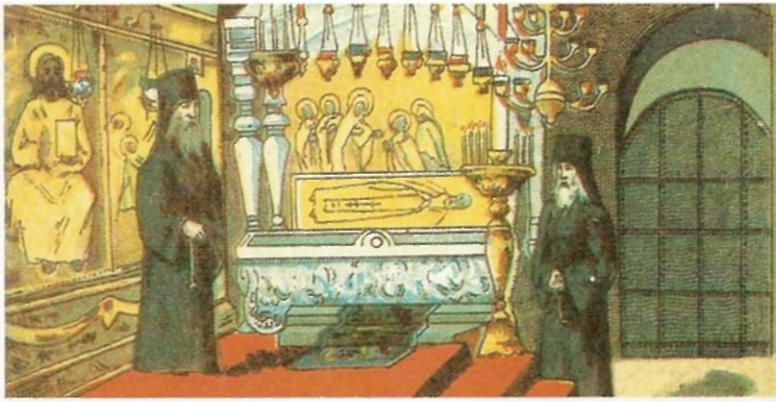

Святитель Сергий совершает чудеса с крестом.

Святитель Сергий совершает чудеса с крестом.

Сергий Радонежский

Троице-Сергиева лавра
Рака с мощами Сергия
Радонежского. Вид Лавры
Хотьковский монастырь
Литография неизвестного
художника

Какими бы легендами ни было окружено имя Сергия Радонежского, какими бы чудесами ни приукрашалось его житие, для нас это имя русского патриота, жизнь русского государственного деятеля. Троице-Сергиева лавра — крупнейший центр русского православия, исторический памятник российской государственности.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ
Придворномъ Театрѣ 14 Января 1807 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Императорскаго Театра.

1807.

Михаил Гордин

СРАЖЕНИЕ НА ПОЛЯХ

Книга эта была передана в Библиотеку им В.И.Ленина литературоведом Л.П.Сидоровой. К ней попала в 1948 г. от преподавателя Тульского педагогического института М.Е.Павловского. А его семье досталась от предков из рода Писаревых — славного в истории русской литературы. Как книга оказалась в доме Писаревых, кто был ее первым владельцем и кто придал ей обширное рукописное добавление — об этом сведений нет.

На титульном листе читаем: «Димитрий Донской. Трагедия в пяти действиях...». И внизу: «В Санкт-Петербурге, в типографии Императорского театра. 1807». За этим титульным листом кроются две книги: одна — пьеса очень популярного тогда драматурга Владислава Озерова, другая — возражение на нее, одна — реплики персонажей, другая — реплики непрерывно встречающего в действие пьесы насмешливого и сердитого критика, одна — печатная, другая — рукописная. За каждым листом озеровского текста вклеен лист писчей бумаги (водяные знаки на ней — герб, ладья — указывают, что это бумага конца XVIII и самого начала XIX в.). Сорок один лист трагедии и сорок листов возражений, писанных очень мелко и убористо, от первой строчки до последней спорят и враждуют между собой.

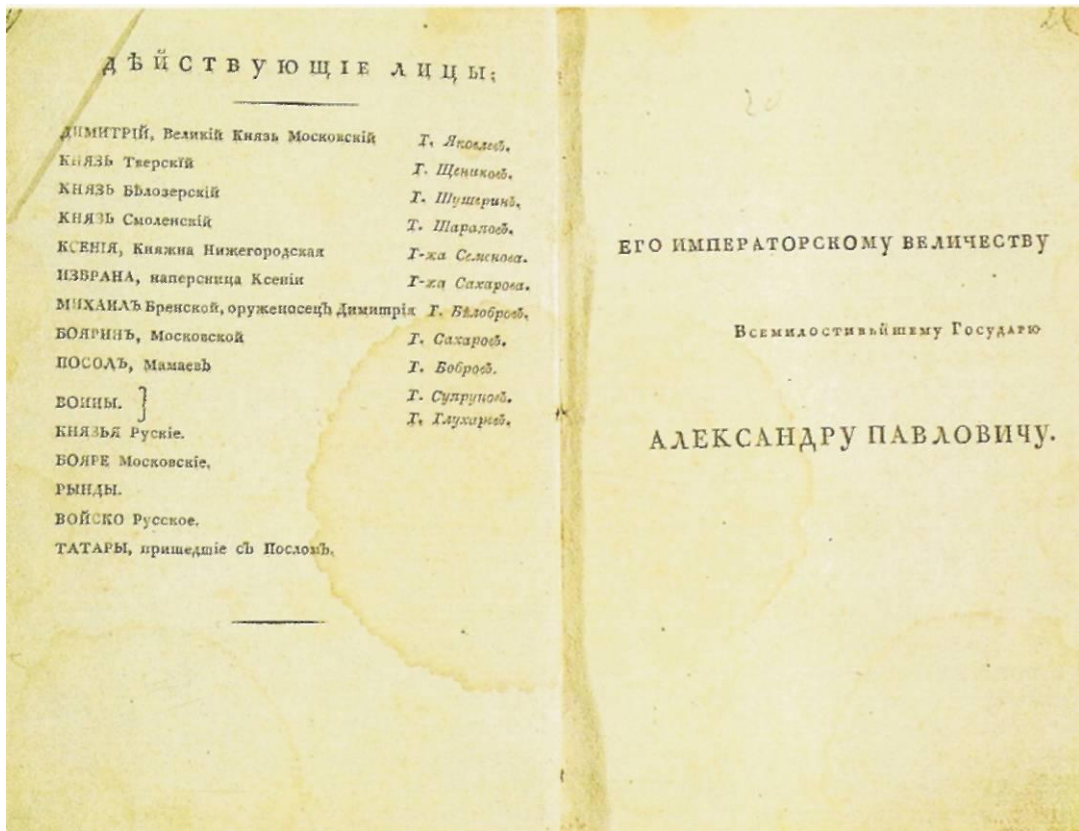
Автора рукописного, рукопашного нападения на озеровскую пьесу узнать нетрудно. В воспоминаниях Сергея Тимофеевича Аксакова рассказывается об известном деятеле той эпохи, литераторе и моряке, адмирале Александре Семеновиче Шишкове: «Он... жестоко нападал на „Димитрия Донского"... Шишков не удовлетворялся словесною критикою: он велел переплести трагедию с белыми листами и все исписал их собственною рукою, самым мелким почерком, каким только мог писать. Он читал один раз при мне свои замечания Мордвинову, А.С.Хвостову, Кикину и другим. Все слушатели очень смеялись. В самом деле, многие полемические выходки дяди, даже не совсем приличные, были очень забавны... Я сделал себе точно такую же книжку с белыми листами и, с позволения Александра Семеновича, списал все его заметки». Аксаков передает тут же суждения Шишкова об отдельных эпизодах трагедии — они зачастую дословно совпадают с выпадами нашего полемиста.

Аксаков рассказывает, что копию шишковской критики захотел изготовить для себя и актер Шушерин, игравший в трагедии одну из главных ролей. Вяземский, автор первой биографии Озерова, упоминает некогда виденный им экземпляр «Димитрия Донского» с рукописными замечаниями. Ясно, что шишковский разбор пьесы не остался под спудом и существовал в немалом числе списков.

В.Озеров.
Димитрий Донской
Трагедия в пяти действиях
Санкт-Петербург, 1807 г.
Титульный лист книги

Первое издание «Димитрия Донского» разошлось быстро. Пьеса пользовалась успехом. Однако не похвалы поклонников Озерова, а вражда его хулителей помогает сегодня понять, в какой потаенной и непримиримой борьбе участвовала эта книга.

Адмирал Шишков грубо напал на пьесу, которая была громко-гласно, публично одобрена царем. Он потому и накинулся на нее с таким азартом, что в дело был замешан царь. Александр пожаловал автору «Димитрия Донского» золотой перстень —

В. Озеров.
Димитрий Донской
Санкт-Петербург, 1807 г.
Страницы книги

причем перстень со своим вензелем, что означало особое благоволение.

«Пускай кто хочет восхищается подобными разговорами,— рычит Шишков, читая одну из центральных сцен „Димитрия Донского“. — Я не могу их без омерзения слушать. Моему русскому сердцу больно, что русские князья так низко и подло рассуждают». А коль скоро восхищался «мерзкой» пьесой, помимо всех прочих, государь император, то и его литературный вкус, а также патриотизм оказывались под сомнением. Александром адмирал вообще был крайне недоволен.

Потом в своих записках Шишков напишет, что заговорщикам, убившим Павла I, следовало установить опеку над молодым царем и направить его политику по-своему. «Может быть... и сбылось бы сие ожидание, если бы окружающие царя пожи-

лые люди и старики составили единодушную окрест его стражу, не отлучаясь от него, а особливо при самом начале, ни на минуту». То есть, следовало, по мнению Шишкова, взять наследника в плен, а вместо того заговорщики оставили его на воле и сами принялись праздновать свою победу — пили шампанское и венгерское, били рюмки и стаканы, а новый император Александр I тем временем окружил себя «молодыми друзьями» и, по сути дела, стал править на манер своего отца — то есть произвольно и самовластно.

А.Сумароков
Полное собрание сочинений, т. 1. Москва, 1781 г.

Владислав Александрович
Озеров

Возмущаясь непомерным властолюбием Александра, адмирал тем яростнее когтил озеровскую пьесу, что ему виделась в ней попытка оправдания всяческого произвола и безответственности. Как бы то ни было, а сюжет для своей пьесы Озеров выбрал и вправду экстравагантный и вызывающий. Его великий князь московский Дмитрий Донской накануне Куликовской битвы отказывается вести в бой свои полки, поскольку он враг всякого угнетения и не желает допустить, чтобы любезную ему княжну нижегородскую Ксению насильно выдали замуж за немилую.

Впрочем, озеровский Дмитрий Донской утверждает, что, не будь он влюблен в Ксению, все равно поступил бы так же, потому что даже для спасения отечества не согласен погубить ни одной невинной души. Это его безрассудное, кичливое донкихотство страшно бесит старого служаку Шишкова. «Так ли князья русские должны думать, говорить и действовать? Похожи ли они на князей? Каким именем их называть?.. Да скажет ли хоть один князь, хоть где-нибудь непостыдное для князя слово?» — этот шквал восклицаний вылетел из-под шишковского пера возле сцены, где русские князья ссорятся из-за красавицы-княжны.

«Дмитрий не герой, собирающий князей для защиты отечества, но Селадон или Дон-Кихот, который сам признается, что он без Дульцинеи своей ни к каким славным делам не способен», — язвит Шишков.

Коллекция изданий XVIII в., хранящаяся в Музее книги Библиотеки, включает почти 20 тыс. книг. Здесь соединились судьбы сотен личных собраний. Черный владельческий штемпель с гербом графа Н.П.Румянцева (1754—1826), кажется, нисколько не нарушает изящества титульного листа. Здесь представлены 1350 томов из его собрания — труды М.В.Ломоносова, С.П.Крашенинникова, Н.Я.Озерецковского, В.Н.Татищева, В.М.Свергина, произведения словесности от В.К.Тредиаковского до Н.М.Карамзина.

И то, что русский царь аплодировал такому уроду и хвалил пьесу, возмутило не одного Шишкова. Заодно с ним тут были некоторые государственные мужи екатерининского царствования. Они активно содействовали появлению на троне Александра, а теперь требовали для себя участия в делах верховной власти...

Шла большая игра, ставки были высоки, и игрокам мудрено было не поддаться азарту. Яростное кипение страстей вокруг «Димитрия» отнюдь не было возней и шумом из-за пустяков. Озеровская пьеса сделалась поводом для выяснения отношений между мощными силами тогдашней русской политики: вельможными верхами, средней руки дворянством и правительством.

Вельможная партия, если бы ей удалось заручиться поддержкой дворянской массы в борьбе с Александром, как она заручилась ею в борьбе с Павлом, могла бы диктовать правительству свои условия. Александр это понимал и относился очень серьезно к притязаниям чиновной элиты.

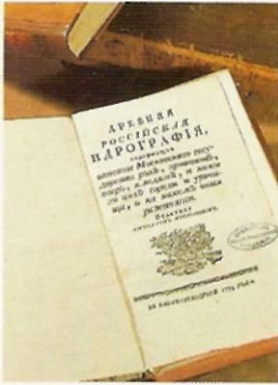
К примеру, когда сразу же после убийства Павла зашла речь о преобразовании Сената, молодой царь взял на себя инициативу в этом деле. Он настоятельно потребовал от сенаторов соображений на сей счет. Было подано несколько проектов, предусматривавших значительное расширение сенаторских прав. Самый радикальный план принадлежал Державину, который фактически предлагал ввести в России аристократическую конституцию, превратив Сенат в законодательное собрание.

Похоже, что царь не затем побуждал сенаторов высказаться, чтобы всерьез рассмотреть их проекты. Он хотел, обнаружив аристократические замыслы, напугать ими среднего дворянина, который издавна предпочитал царское всевластие — боярскому произволу. Он хотел поссорить вельможество и шляхетство. И достиг своей цели.

Дворянство оказалось расколото, царь получил значительную свободу действий. И напряженность в отношениях между ним и вельможной фрондой постепенно нарастала. В начале 1807 года дошло до того, что адмирал Шишков открыл против властей партизанские действия в гостиных. А взбешенный Державин не отказал себе в удовольствии прозрачно намекнуть царю, что тот ничего не смыслит в литературе.

Гаврила Романович в примечаниях к своим стихам (где самого себя называл в третьем лице и именовал «автором») рассказал об этом своем поступке так: «Когда выдал он (Озеров) трагедию Димитрия, которая двором была хорошо принята, но как находились в ней великие погрешности, то в бытность автора при дворе спросили автора, как он ее находит. Поелику она не имела порядочного плана и характеры великих князей весьма были подлы, то, хотя автор и отговаривался сказать свое мнение, но, наконец, принужден нашелся сказать правду. Это тотчас дошло до Озерова; он разгласил в публике и даже довел до императрицы, что автор из зависти не одобряет его трагедий, которых сам не умеет написать. Г.Шишков написал тогда полное примечание на трагедию Димитрия...»

Державин недаром помянул тут шишковский разбор «Димитрия Донского». Ему хотелось оправдаться в неуклюжей попытке развенчать Озерова. Ведь со стороны можно было поду-

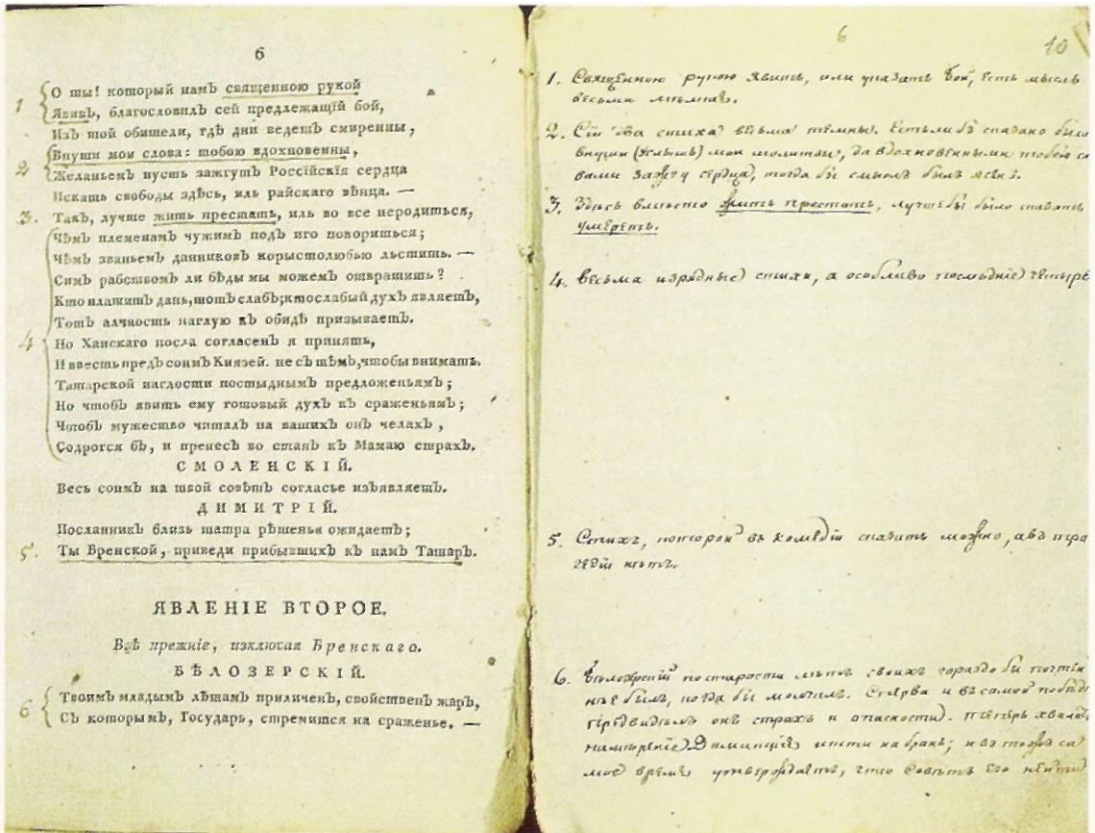
Древняя российская гидрография. Санкт-Петербург, 1773 г.

5 коллекции «ревнителя наук» Румянцева — почти все важнейшие издания памятников отечественного летописания. Таковы, например, книги «Древняя российская гидрография; Содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города и урочища и на каком оныя разстоянии. Изданная Николаем Новиковым» (СПб., 1773) и «Ироццеская песнь о походе на полковцов удельного князя Н овагорода-Северскаго Игоря Святославича» (М., 1800). Экземпляр издания о походе Игоря хранит пометы археографа А.Ф.Малиновского — деятельного участника первоиздания «Слова о полку Игореве». Здесь и единственный дошедший до нас

одно время морской министр), отличался независимостью суждений и составлял проекты широких государственных преобразований; флигель-адъютант Петр Кикин, также отнюдь не литератор, но боевой офицер, всей душой предался патриотическим идеям и с бешеной горячностью распространял их в великосветских гостиных. Сенаторы, министры, генералы — это обычные посетители литературных вечеров, которые именно в это время затевают Шишков и Державин. Вечера их затем прерываются в помпезную и многолюдную Беседу любителей рус-

В.Озеров.
Димитрий Донской
Санкт-Петербург, 1807 г.
Страницы книги

Среди 200 экземпляров книг XVIII в. коллекции министра народного просвещения А.С.Норова (1795—1869) — «Стихотворения Анакреонта Тийскаго» (Спб., 1794. Кн. 1/2). Восхищение гравированным «с древнего камня» про-

ского слова, где также тон будут задавать не литераторы, а фрондирующие сановники, то есть Беседа будет не столько насаждать вкус к изящным сочинениям, сколько внушать публике идеи вельможной оппозиции. Здесь говорили о словесности, а думали — о политике.

И вышедшую в 1807 году пьесу Озерова можно было бы считать лишь фактом литературным, если бы она при своем появлении не сделалась поводом для раздора двух дворянских лагерей. Снабженная рукописными комментариями Шишкова, книга-спор, книга-столкновение оказалась фактом большой политики — не только русской, даже европейской.

В тот январский вечер 1807 года петербургский Большой театр был полон до отказа. В партере зрители стояли так тесно, что

обронивший платок уже не мог его поднять. В ложах вместо пяти-шести человек набилось по дюжине. Неудачники, не доставшие билета, покупали втридорога места в оркестре между музыкантами.

Так в первый раз принимали «Дмитрия Донского»: в продолжение всего спектакля зрители аплодировали, рыдали, кричали «браво!», а когда занавес опустился, театр, что называется, затрещал от оваций.

Зрителям понравилась пьеса. Они желали русским воинам победы на Куликовом поле. А еще сильнее — победы на прусских полях, где в это время шла война с Наполеоном.

«Дмитрий Донской» сделался поводом для небывалой патриотической демонстрации. Это-то обстоятельство больше всего, видимо, обеспокоило вождей фронды. Дворянская масса демонстрировала совсем не тот патриотизм, что исповедовали «большие господа».

Шишков сердито кричит на публику, которая с удовольствием слушает препирательства русских князей из-за какой-то небывалой княжны: «После сих слов русского князя надлежало бы всем русским зрителям, не дав ему далее продолжать, согнать его с театра и сказать, чтоб он не осмеливался впредь показывать носа!»

Затаив дыхание и со слезами на глазах зрители внимали любовным излияниям благородной Ксении, которую играла прославленная Екатерина Семенова. А Шишков цедил сквозь зубы: «Ни рассуждения, ни стихи сии не показывают в Ксении княжеской дочери. Что такое: чувствительность есть печать несчастья? Какую пустошь говорит Ксения!.. Какая нелепица!.. Изволь тут искать толку... Продолжает говорить ту же пустошь».

Зрители и в особенности зрительницы таяли от восторга, слушая рыцарственные тирады знаменитого актера Яковлева, изображавшего Дмитрия Донского:

Пускай все воинство и вся Россия пусть
Познают, коль хотят, любовь мою и грусть.
Лишь Ксения признать любви сей не хотела;
Всей горести моей она не пожалела.
Сей вечной горести...

Шишков глумился, передразнивая:

Пушай все зрители в райке, в партерах пусть
Твердят сии стихи, хотят коль, наизусть,
Лишь Мельпомена бы того не захотела,
Весь ум свой потерять, быть дурой пожалела,
Быть дурую вовек...

А озеровские стихи тогда и в самом деле твердили, переписывали в альбомы, пели в гостиных как романсы. И отнюдь не только сентиментальные девицы. Чувствительности не стыдились, ею даже гордились очень brave и мужественные люди, среди которых было и множество сражавшихся за Россию — подобно воинам Дмитрия Донского — доблестных офицеров. В требовании душевной свободы светские люди заходили очень далеко. На первое место в жизни готовы были ставить собственные чувства, между прочим, и свои любовные переживания,

Сочинения Николая Струйского. Санкт-Петербург, 1790 г.

филем Анакреонта, «образцовыми» шрифтами печатника Дидо, которыми набрана книга, запечатлела надпись, сделанная Норовым на форзаце: «Edition rare». И хотя издание вовсе не считалось редким, едва ли стоит корить книголадельца: непростительную для министра неточность вполне извиняет извечная библиофильская запальчивость.

Инициалы «П.Х.» на корешке выдают собирателя П.К.Хлебникова (1734—1777). «К словесным наукам любовь имел безмерную» — отзывались современники об основателе знаменитого Древлехранилища, ставшего в XVIII в. своеобразным культурным центром. В Хлебникова-Авчуриной библиотеке находил мате-

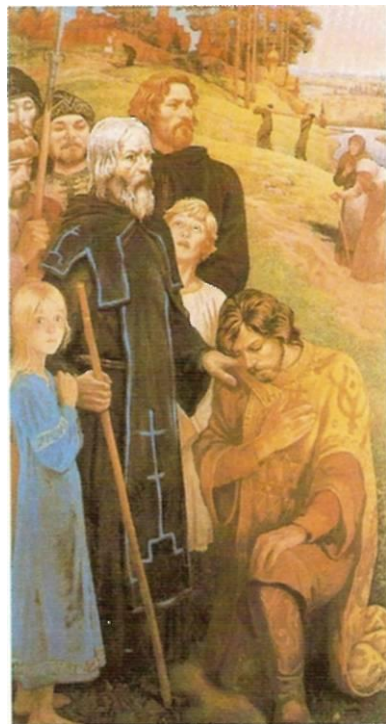
тогда как обязанности перед согражданами и отечеством оказывались важны лишь постольку, поскольку их подсказывало сердце. Закон, в сущности, ничего не значил — поведение диктовал долг чести.

Чтобы понять истинный смысл и смертельную серьезность столкновения вельможной партии с драматургом Озеровым, надо вернуться на несколько лет назад. В 1802 году Александр I назначил тайного советника Державина на один из ключевых постов в своем правительстве — Гаврила Романович стал ми-

Ю.Ракша. Триптих «Поле Куликово»

талы для «Истории государства Российского» Н.М.Карамзин. Быть может, историограф держал в руках и этот — Петровского времени — комплект «Ведомостей» за 1703—1725 гг. Позднее коллекцию П.К.Хлебникова (1400 томов) приумножил его внук С.Д.Полторацкий (1803—1884). Поистине бесценная найденная им трагедия Я.Б.Княжнина «Вадим Новгородский», уцелевшая от цензурных изъятий в 39-м томе журнала «Российский Феатр» (Спб., 1791). Пьеса о непримиримом новгородском республиканце вызвала «высочайшее» негодование Екатерины //.

Уникален и принадлежавший С.Д.Полторацкому экземпляр поэмы Н.А.Львова «Руской 1791 год» (Спб., 1791), сочиненной «забавным слогом». И вовсе не забавным кажется «Подлинное и обстоятельное описание построенного в СанктПетербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома» Г.В.Крафта (Спб., 1741), возвращающее к мрачным временам бирюновщины. Воображение дорисовывает и восседающую на троне императрицу, и придвор-

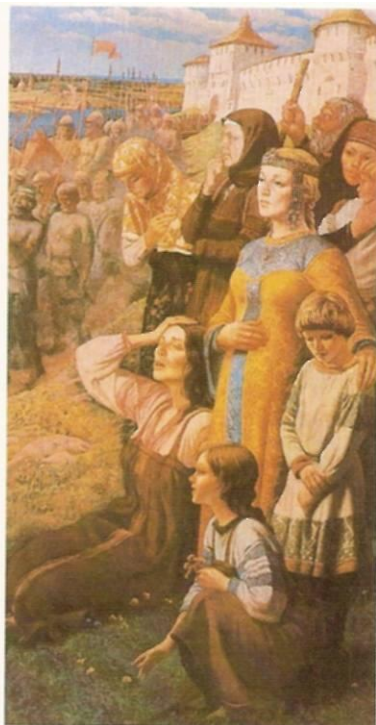

нистром юстиции и генерал-прокурором Сената. Царь, во-первых, протянул руку вельможной оппозиции, во-вторых, получил возможность дискредитировать эту самую оппозицию в глазах дворянства, интересы которого она столь рьяно защищала. Лукавство царя обнаружилось очень скоро.

Весною 1803 года царь отослал в Сенат для сведения высочайший указ, подтверждавший указы Петра III и Екатерины II касательно дворян, не выслуживших в военной службе офицерского чина, — им запрещалось выходить в отставку, не прослужив двенадцати лет. Сенат принял указ и отослал в Военную коллегию. Но тут сенатор граф Северин Потоцкий подал мнение против указа. В достаточно смелых выражениях он протестовал против стеснения дворянской вольности. «Государь, — пишет Державин в своих записках, — как видно, знал о сем мнении и едва ли не с позволения его оно написано, ибо тогда все окружающие его были набиты конституционным французским и польским духом». Император приказал рассмотреть мнение Потоцкого в Сенате. Вопрос обсуждался в нескольких

заседаниях. Ситуация возникла парадоксальная: Державин всеми силами противился отмене царского указа, а царь негласно поощрял сенаторов высказаться за его отмену. В конце концов на стороне Державина остались лишь двое из блюстителей правопорядка. Указ был отменен.

Делу этому постарались придать самую широкую огласку. В многолюдных собраниях в Москве и Петербурге читали стихи, прославлявшие Потоцкого, молодые люди, положив на голову список его мнения, пили за здоровье графа. Прославляли моло-

дого царя, покровительствовавшего дворянским вольностям, а Державина и его единомышленников объявляли душителями свободы. Гаврила Романович изумлялся и негодовал: «Самых знатнейших фамилий благородные дворяне неужели не знают, что долг отечеству им надлежит отдать службою, на которой и основаны все дарованные преимущества?» Отказываясь от своих великих обязанностей, дворянство лишалось и своих великих прав — такова была логика Державина. «Подлейшие души, — жаловался он, — не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова (военного министра, просившего царя о злополучном указе), яко злодеев, выставить на перекрестках, замазав их дерьмом для поругания, не проникая в то, что попусшением молодого дворянства в праздность, негу и своевольство без службы подкапывались враги отечества под главную защиту государства».

Вскоре, к удовольствию публики, Державин был отставлен от министерской должности. Он проиграл. Однако сдаваться не собирался. Не сдавались и его сановные друзья. Просто из

ную камарилью, и В.К.Т. редиаковского, вынужденного (после побоев всесильного кабинета-министра) тешишь публику развеселыми виршами. Печально памятен этот день — публичного оскорбления достоинства литератора.

Отношение к чтению книг и словесному творчеству как к занятиям, возможным только в «праздные» часы, было вообще свойственно тому веку. Названия поэтических сборников —

области практической политики они на время перенесли спор в иные пределы — в частности, на почву словесности. И вот в это самое время начались нелады между Державиным и давним его знакомцем, его горячим почитателем и учеником в литературе Владиславом Озеровым.

Еще прежде «Дмитрия Донского» тот написал и издал имевшую шумный успех трагедию «Эдип в Афинах». И посвятил ее Державину, в выражениях очень лестных для Державина-поэта и столь же обидных для Державина-вельможи. Озеров прямо так и начал: «Посвящая вам сию трагедию, не приношу моего дара тем достоинствам, по коим возведены вы были на высокие степени государственные. Министры и правители подлежат суждению историка, который в тишине и молчании кабинета отважною рукою срывает завесу, опущенную на происшествия, и, не утомляясь, размеряет исполинские шаги превосходных умов и успешное ползание хитрых и пронырливых...» Другими словами, результаты государственной деятельности Державина объявлялись сомнительными. В них еще надлежало разобраться.

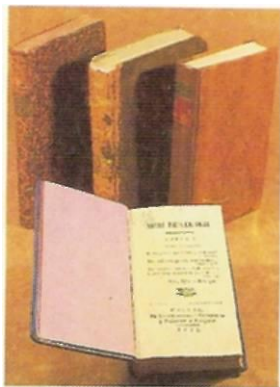
В ответ на почтительно-колкое посвящение Державин написал восторженно-язвительные стихи, которые закончил откровенным возражением Озерову. Если признательность потомства, утверждал Гаврила Романович, причитается ему за стихи, то подавно он заслужил ее своими трудами по должности:

Иль мог коль с Пиндаром геройство,
С Горацием я сладость лить:
То может во гробе потомство
И блеск вельмож мне уделить:
Там лавр мой возрастет.

Давние и добрые друзья внезапно сделались злейшими врагами. Только потому, что по-разному ценили свое дворянство. Державин — за то, что дворянин мог сделать в жизни. Озеров — за то, чего дворянин мог не делать.

Лет десять Озеров был своим человеком в доме Державина. Показывал великому поэту свои первые опыты. Хлопотал об исправном издании державинских сочинений. Как молитву твердил любимые державинские стихи. Благоговел перед твердым и честным державинским нравом. И вдруг... Вдруг оказалось, что они люди разных дворянских станов. И когда станы пошли войной друг на друга, личная приязнь не спасла от взаимного непонимания и вражды. Потому что они не были рядовыми бойцами. Они были лидерами, вождями. И должны были выходить на поединок перед строем соратников. Сыпались удары, слова звенели как металл. И меткие замечания ранили точно острая сталь, ранили, а иногда и убивали.

Своего «Дмитрия Донского» Озеров посвятил императору Александру. В посвящении говорилось: «Димитрий, поразив высокомерного Мамая на Задонских полях, положил начало освобождению России от ига татарского. Ваше императорское величество возбудили славу россиян на защищение свободы европейских держав. Будущие века благословят твердость и вели-

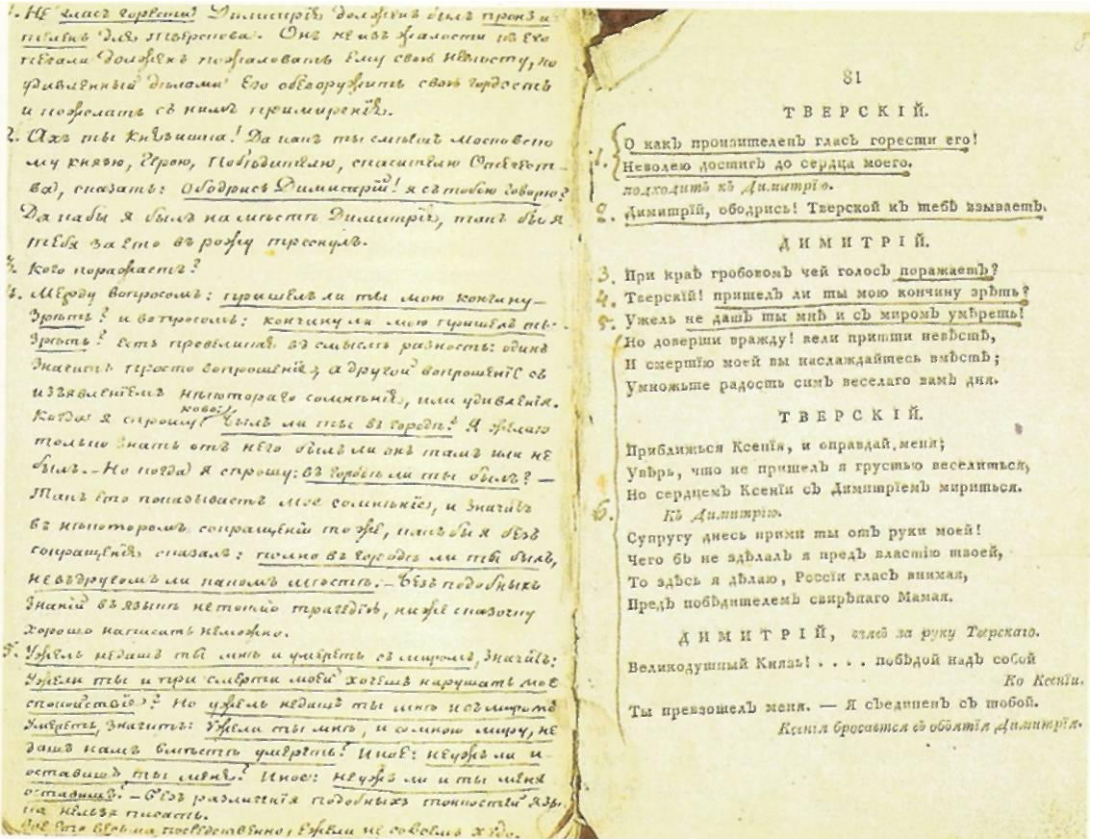
Н.Карамзин
Мои безделки
Москва, 1794 г.

Н.М.Карамзина «Мои безделки» (М., 1794) и И.И.Дмитриева «И мои безделки» (М., 1795) — говорят сами за себя. Экземпляры этих изданий в Музее книги — с автографами авторов. Они происходят из собрания С. Д.Полторацкого и историка литературы XVIII в. А.Н.Афанасьева. Показательна в этом отношении и дарственная надпись Г.Р.Державина на экземпляре его «Сочинений» (М., 1798), адресованная жене: «Другу сердца моего Дарье Алексеевне в знак моей к ней вечной любви и благодарности, для чте-ния от скуки во время моего отсутствия».

Воссоздание библиотеки Г.Р.Державина — пока еще дело будущего. Некоторые из собран-

кодушие монарха, принявшего оружие для спасения разноплеменных народов от ига честолюбивого завоевателя». Трагедия вышла из печати летом 1807 года. И тогда же, в июле, в прусском городке Тильзите Александр подписал унижительный мир с Наполеоном.

Александр публично выставил Озерова жалким льстецом или — в лучшем случае — наивным болтуном. И, разумеется, Озеров жестоко оскорбился. Впрочем, не его одного кровно обидел постыдный союз. «Поражение Аустерлицкое, пораже-

ние Фридландское, Тильзитский мир, надменность французских послов в Петербурге, пассивный вид императора Александра перед политикой Наполеона I — были глубокие раны в сердце каждого русского, — вспоминал Сергей Волконский. — Мщение и мщение было единым чувством, пылающим у всех и каждого... Удалившиеся из военной службы вступали в оную; молодежь стремилась приобретать чтением военных книг более познаний в военном деле. Литература воспевала, выясняла всякую особенность патриотических прежних событий отечественных. Живо помню я, с каким восторгом, с каким громом рукоплесканий принимались некоторые места Озеровской трагедии „Димитрий Донской“.

После Тильзита оба дворянских лагеря дружно повернули против царя. И французский посол в Петербурге генерал Ко-

В.Озеров.
Димитрий Донской
Санкт-Петербург, 1807 г.
Страницы книги

ных им книг поступили в Румянцевский музей в составе коллекции сенатора КМ.Бороздина (1781—1848). Достояния внимания экземпляры изданий, подаренные создателю «Фелицы» его почитателями. Автограф Г.Р.Державина на-

ходим на «петушковой» обложке книги «Изображение Фелицы» (Спб., конец XVIII в.), поступившей в Библиотеку из коллекции литературоведа В.А.Десницкого (1878—1958).
 Благодаря В.А.Десницкому фонд XVIII в. обогатился более 550 книгами, 60 из которых, безусловно, раритеты. Достаточно назвать одно из первоизданий романа Д.Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» (Спб., 1775).

Наиболее значимым приобретением из собраний историков культуры и литературы XVIII столетия явилась в свое время коллекция академика Н.С.Тихонравова (1832—1893). В Библиотеке хранятся около 5200 принадлежащих ему книг. Историк театра, Тихонравов собрал уникальную по своей полноте подборку русских театральных переводов и «переделок» XVIII в. Есть здесь и такие редкие издания, как «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (М., ок. 1793) Д. И. Фонвизина, остающиеся до сих пор в единственном экземпляре в Библиотеке одно из изданий «Бедной Лизы» Н.М.Карамзина и «Сказки Александра Аблесимова» (М., 1787).

ленкур доносил в Париж, что в петербургских гостиных, не стесняясь, толкуют о новой дворцовой революции: «Безо всякой злобы говорят в ином доме о том, что нужно убить императора, — как говорили бы о дожде или о хорошей погоде». Александра обвиняли в трусости, а его советников — в измене. Советники были ни при чем. Царь сознательно поступился интересами страны, дабы не пришлось поступиться своей властью. В случае продолжения войны и новых поражений Александру пришлось бы идти на поклон к собственному дворянству. Он предпочел сделку с Наполеоном.

«...Мягким выражением сам хочет закрыть низость мыслей своих; он не говорит: лучше нам быть рабами татар, но говорит: лучше нам от татар принять мир; между тем в пословой речи видели мы, какой татары предлагают им мир», — это замечание адмирала Шишкова в адрес одного из князей озеровской трагедии, конечно же, одновременно было обращено и к другому правителю, принявшему от врагов позорный мир.

Шишков при этом еще указывал пальцем на Озерова, словно на виновника позора: тот-де своим «Димитрием» потакал безответственности царя — что же вышло? Тогда как Озеров, и вправду поручившийся честью за своего царя, теперь чувствовал личную ответственность за Тильзит. И ощущал обязанность действовать.

Прежде всего он утвердил свою полную независимость от царской воли: подал в отставку. Служил он ради жалования, поскольку другого дохода у него не было. И, тем не менее, он попросил отставки, и попросил в очень резких и даже, может быть, дерзких выражениях.

И в результате был отставлен без всякого награждения, даже без пенсии.

Мало того. Он высказал намерение приняться за новую трагедию, причем сюжет взял из недавнего прошлого, из эпохи императрицы Анны и герцога Бирона. И не скрывал, что метит опять же в современность: «Я чувствую сам, что такая трагедия никогда не может быть играна на нашем театре, но примусь ее писать для моих приятелей. И какое широкое поле для сочинителя, чтоб показать во всем блеске правду русского боярина, должность вельможи и сенатора и противополжить злоупотребления временщика-иностранца, алчущего одной своей корысти и, может быть, ненавидящего народ, вверенный управлению его слабою государынею; и, наконец, представить несчастное положение народа под слабым и недоверчивым правлением! Вы чувствуете, какие картины можно изобразить, заимствуя кое-что из наших времен».

Позднее Пушкин назовет Александра I «властителем слабым и лукавым». Именно эти качества царя — безволие и неискренность — намеревался обличить Озеров. Чтобы таким образом защитить собственную честь. Чтобы перед общим мнением продемонстрировать свой разрыв с властями.

Однако и этот запальчивый способ действий показался ему недостаточным радикальным. Он вознамерился отвергнуть существующий порядок вещей еще более решительно, а для того навсегда покинуть столицу. Он обрекал себя изгнанию, ссылке, заточению в глуши. Чтоб современники и потомки знали, что первому поэту эпохи — так его именовали журналы и называ-

ли даже гением — не нашлось места в Петербурге. В самом деле, какой укор мог прозвучать сильней!

«Здесь живу я в настоящей хижине...»

Он укатил за полторы тысячи верст от Петербурга, в свою деревушку на студеной Каме.

«...Но, признаюсь, что мою беспечную и свободную жизнь не променяю ни на сенаторское, ни на министерское место... Вообще, жизнь петербургская не только мне наскучила, но даже несообразностями, которые встречал в ней, сделалась несносно».

Ему предлагали вернуться, обещали прежнюю службу и ту же должность, что он занимал в своем Лесном департаменте до отставки. Озеров отказался. Можно не сомневаться, что он не польстился бы и на более заманчивые предложения. Потому что не желал иметь дела с бесчестным правительством.

«Я прощаюсь с службою, с так называемым счастьем и даже со славою, до которой трудно достигнуть, труднее удержать и которая за минутные наслаждения самолюбия доставляет долговременные и сердечные огорчения». Эту мысль Озеров повторяет еще не раз: слава обходится дорого. Действительно, ему пришлось расплачиваться за нее годами гордого, но мучительного одиночества. А потом цена еще более возвысилась.

Наступил роковой 1812-й. В феврале царь назначил адмирала Шишкова государственным секретарем. Все знали, что Александр терпеть не мог старика и даже как-то заявил, что скорее откажется от власти, чем приблизит Шишкова, но надвигалась война, и царь опять хитроумно лавировал. В июне Наполеон перешел границу. Новый Мамай был уже под Москвой. Автор «Димитрия Донского» по-прежнему полагал себя ответственным за происходящее. Но что он мог предпринять? Чем мог ответить Наполеону — и Шишкову, вместе с царем допустившему французов к Москве? Разумеется, в его власти было только одно: еще резче, еще бесповоротнее отстраниться от жизни.

Падения Москвы он не перенес. Он вырвался, ушел в безумие...

Его друзья и почитатели — а среди них были Жуковский, Батюшков, Вяземский, молодой Пушкин, — занятые своей борьбой, сложили на свой вкус легенду о его гибели. Там речь шла о гонениях на несчастного поэта, его преследователями были выставлены неудачливые его соперники в литературе и театральное начальство. Легенда эта вошла в историю словесности. Но неоспоримые документы ее опровергают.

Уезжая в деревню, Озеров отнюдь не спасался бегством. Напротив, он шел в наступление, он бросал в бой последние резервы. Его гнали, но и он наносил удары сильным врагам, парируя выпады Шишкова. Желание достойно ответить адмиралу толкало Озерова на отчаянные шаги. Его отъезд из Петербурга и дальнейшая судьба оказались впрямую связаны с этой маленькой книжечкой, прослоенной мелко исписанными белыми листами.

Книга эта, пожалуй, заслуживает нового титульного листа, который разом озаглавил бы оба скрытых под ним сочинения: «Димитрий Донской, трагедия в пяти действиях... с победным финалом и гибелью автора».

А. Радишев. Житие Федора Васильевича Ушакова
Москва, 1789 г.

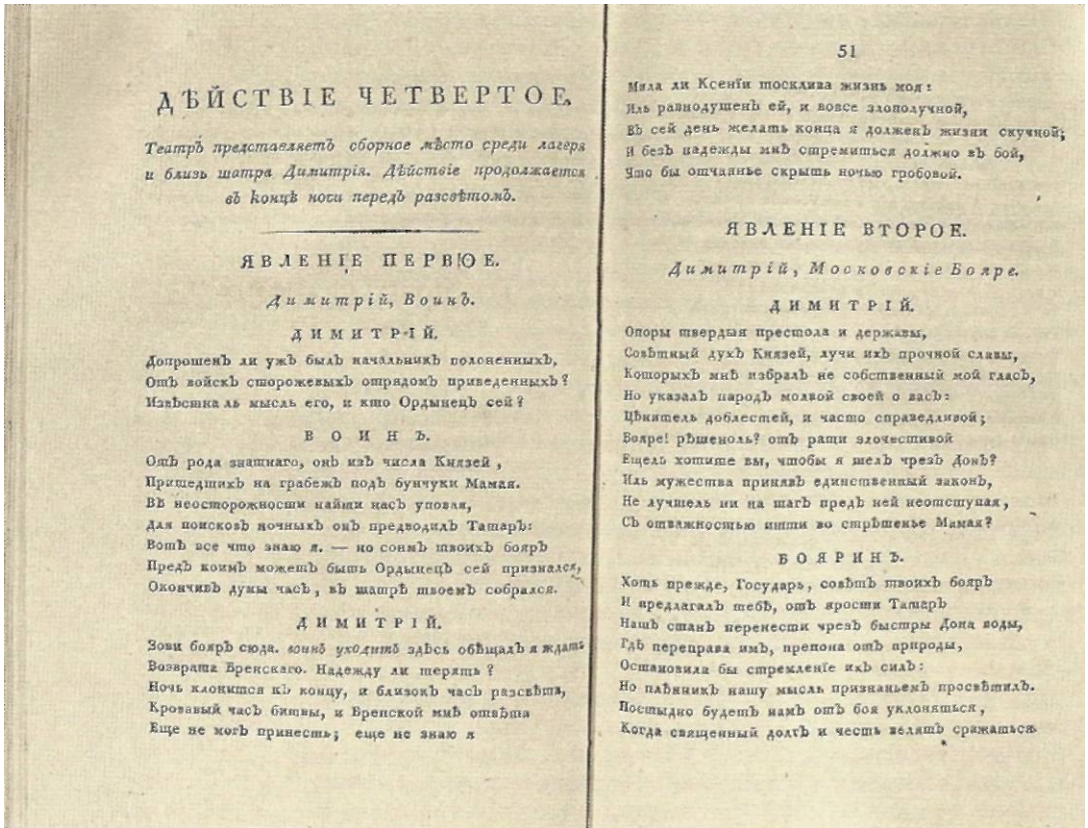
Коллекция Н.П.Смирнова-Сокольского (1898—1962) заняла в фондах Музея книги особое место. Увлечение отечественными изданиями века Просвещения было особым пристрастием этого (по удачному определению В.Б.Шкловского) «Ноя книжного ковчега»: около 100 журналов, 470 книг гражданской печати. 40 из них — «уника» (так называл Смирнов-Сокольский библиофильские раритеты первой величины). Многочисленна надпись Демьяна Бедного на книге А.Н.Радишева «Житие Федора Васильевича Ушакова» (Спб., 1789): «Уступаю Н.П.Смирнову-Сокольскому с кровью сердца».

Л.И.Бердников

Батюшков, вспоминая о заграничном походе, писал: «Под Лейпцигом мы бились... у красного дома. Направо, налево все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевский стоял в цепи, мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо... Писарев летал, как вихорь, на коне по гудам тел — точно по гудам — и Раевский мне говорил: „Он молодец"».

Храбрец полковник Писарев был еще и не очень смелым литератором-переводчиком, горячим приверженцем Шишкова. Аксаков вспоминает, что видел его робко переминающимся в

В.Озеров. Дмитрий Донской
Санкт-Петербург, 1807 г.
Страницы книги

Литографии неизвестного художника из серии «Наполеон в России»

кабинете адмирала на литературных вечерах. Когда появилась Беседа любителей русского слова, Писарев получил должность ее непременно секретаря. И в одном из первых собраний Беседы читал перед публикой свои дотошные и пристрастные замечания на трагедию Озерова «Эдип в Афинах».

Можно предположить, что уцелевший в библиотеке Писаревых экземпляр «Дмитрия Донского» с шишковской критикой был первоначально собственностью боевого гвардейского полковника.

Ex biblioth. Abrah. Noiroff.

Олег Ласунский

ТАЙНЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ МАСКИ

В мире, как известно, немало чудес, но то, что произошло однажды с неким петербургским сочинителем, просто уму непостижимо.

А случилось вот что.

Как-то сей сочинитель, поклонник хиромантии и кабалистики, присутствовал на балу. Почувствовав запах серы, он заинтересовался этим обстоятельством и вскоре обнаружил: и зала с танцующими парами, и весь дом, да и он сам странным образом закупорены в большую стеклянную реторту с выгнутым носом. Самое неприятное, впрочем, состояло в том, что под ретортой горел огонь, а сидевший наверху чертенок раздувал мехами адское пламя.

Попытки сочинителя выбраться на волю успеха не имели. Напротив, недовольный сатаненок сунул его в претолстый латинский словарь, где бедняга встретился с другими пленниками. Приплюснутые листами, они давно уже превратились из людей... в сказки. Подобная метаморфоза совершается и с нашим героем: глаза его сделались эпитафией, из головы возникло несколько глав, туловище стало текстом, а ногти и волосы заняли то место, где обычно бывает перечень опечаток.

Вся эта дьявольщина кончилась тем, что гости, разъезжаясь с бала, разбили реторту, чертенок бросился наутек и в спешке выронил из словаря несколько страниц с заточенными меж ними узниками. Сочинитель, не успевший еще окончательно пропасть, других людей, обратившихся в сказки, свернул небрежно в комок, сунул в карман и вот сейчас представляет на суд почтеннейшей публики...

Какая изощренная фантазия! Какой блистательный каскад воображения, не правда ли? Новелла «Реторта» открывала собою сборник таких же причудливых по сюжету повествований. Он так и назывался — «Пестрые сказки».

Сборник явился в свет ранней весной 1833 года на невских берегах. Тираж не залежался в лавках. Любители занимательного чтения торопились приобрести книгу, о которой по Петербургу ходили самые невероятные толки.

Издание действительно было со множеством «секретов», над которыми следовало поломать голову. Начать хотя бы с авторства. На титульном листе обозначено: «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В.Безгласным...»

Не трудитесь напрасно, пытаюсь вспомнить, кто же он такой, писатель И.М.Гомозейка! Его никогда не существовало. Это не более, как придуманный персонаж. Да и загадочный издатель В.Безгласный — тоже.

В.Одоевский.
Пестрые сказки
Санкт-Петербург, 1833 г.
Форзац книги с экслибри-
сом А.Норова

...В 1830-е годы мода на литературные обманы, столь характерная для искусства романтизма, достигла вершины. Авторы старались как бы перешеголять друг друга: кто остроумнее одурчит простодушного читателя? В ход шли всяческие уловки. Сочинители и публики вели своеобразную игру на сообразительность — она, похоже, нравилась обоим сторонам.

Мог ли избежать этого соблазна Владимир Федорович Одоевский? Пожалуй, что нет. Человек веселого и беспокойного нрава, он по натуре своей склонен был к различного рода мистификациям. Именно он-то и спрятался под двойной маской псевдонимов — Иринаея Модестовича Гомозейки и В.Безгласного. Позднее свои нравоучительные притчи для детей он станет выпускать под именем «дедушки Иринаея»...

На российском Парнасе эта фигура была одной из самых заметных.

Судьба поставила В.Ф.Одоевского в эпицентр многих событий, определявших лицо отечественной культуры в пору ее подъема. Аристократ по происхождению (впрочем, мать его была до замужества «простолюдинкой»), он неизменно тянулся к людям передовых убеждений. Владимир Федорович был двоюродным братом и другом поэта-декабриста А.И.Одоевского, творца легендарной фразы: «Из искры возгорится пламя». На собиравшихся втайне заседаниях московского Общества Любомудрия — В.Ф.Одоевский в нем председательствовал — бывали и те, кто вскоре с оружием в руках выйдет на Сенатскую площадь.

В.Г.Белинский, которого трудно обвинить в предвзятости оценок, как-то заметил: «Князь Одоевский принадлежит к числу наиболее уважаемых из современных русских писателей».

Одоевский близко сошелся с автором «Евгения Онегина», видел в нем первейшего барда России. Еще не стихло эхо рокового выстрела на Черной речке, а в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» появился знаменитый некролог на смерть Пушкина. Он начинался словами, которые теперь знает наизусть каждый школьник: «Солнце русской поэзии закатилось...» Эти строки вышли из-под пера В.Ф.Одоевского.

В петербургской квартире князя двери были открыты для всех. Здесь андреевский кавалер учтиво беседовал с чиновником в гороховом пальто, сенатор подавал руку титулярному советнику. Под этой крышей царило равенство, по крайней мере внешнее.

Обстановка простоты и нечванливости привлекала в салон Владимира Федоровича и Ольги Степановны литераторов, музыкантов, ученых. Излюбленным их пристанищем стал дряхлый кожаный диван в кабинете князя. По словам мемуариста В.А.Соллогуба, здесь Пушкин слушал благоговейно Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение; Гоголь подслушивал светские речи; Глинка спрашивал графа Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте.

Еще определеннее выразился тогдашний профессор С.П.Шевырев: «Вся литература на диване у Одоевского...»

...Приемным днем была суббота. Зала во флигеле заполнялась вечером многочисленными визитерами. Хозяина почитали

А.Пушкин
Руслан и Людмила
Санкт-Петербург, 1820 г.

Фонд Музея книги Библиотеки включает более 25 тыс. отечественных изданий XIX — начала XX в. В него входят особо ценные и редкие произведения печати, имеющие большое историко-культурное значение.

Ключевой фигурой русской литературы XIX в. является А.С.Пушкин. В Музее книги собрана коллекция прижизненных изданий пушкинских произведений, которые уже давно стали труднонаходимыми. В нее входят первые издания поэм: «Руслан и Людмила» (СПб., 1820) с фронтисписом, изображающим основные сюжетные эпизоды,

в городе за незлобивость характера, писательский дар и сверхэнциклопедичность познаний.

Пока дамы щебетали о парижских модах, мужчины сходились покурить в кабинет князя. Тут все поражало воображение. Кабинет походил сразу на кунсткамеру древностей и лабораторию средневекового алхимика. На стене — портрет, писанный с Бетховена, под ним фортепьяно. В переднем углу стоял человеческий костяк: череп провалами глазниц философически созерцал происходящее вокруг. В самых неподходящих местах

Владимир Федорович
Одоевский

«Кавказский пленник» (Спб., 1822) со знаменитым портретом юного Пушкина, гравированным Е.Гейтманом, «Бахчисарайский фонтан» (М., 1824), «Граф Нулин» (Спб., 1827), «Цыганы» (М., 1827), «Полтава» (Спб., 1829) и др. Здесь и первые издания «Бориса Годунова» (Спб., 1831), «Повестей» (Спб., 1834). Любимое дитя творческой фантазии А.С.Пушкина — роман в стихах «Евгений Онегин» — представлен всеми прижизненными, очень редкими изданиями. Тут и тетрадки отдельных глав в изящных наборных обложках (1825—1832), и первое полное издание романа (Спб., 1833), и третье отдельное издание (Спб., 1837) в удобном миниатюрном формате — оно вышло в свет незадолго до смерти автора, и даже пробный корректурный экземпляр этого издания, датированный 1836 г.

подозрительно булькали химические склянки, колбы, в тигле плавилась селитра с углем. Казалось, что-то сейчас взорвется, обожжет огнем, произойдет какая-нибудь бурная реакция.

И всюду книги, книги. Их владелец, в длинном черном сюртуке и свисающем набор черном же шелковом колпаке, в очках, вздетых вместо переносицы на лоб, излучал нескрываемое довольство. Ему нравились эти приятельские сборища.

В одну из мартовских суббот 1833 года к Одоевским явились самые ревностные поклонники их салона. Вечер пролетел в оживленных разговорах. Добрейший Владимир Федорович сиял более обычного. И к тому был весьма уважительный повод. Каждому завсегда дряхлого дивана хозяин вручал свое новое издание. То и дело раздавались восторженные восклицания: как все в этом доме, оно отличалось оригинальностью...

Да, «Пестрые сказки» В.Ф.Одоевского — любопытнейший памятник отечественной книжной культуры. Беллетристические достоинства удачно соединились с изощренным мастерством типографщиков. Сам автор говорил, что хотел доказать возможность роскошных изданий в России.

Помимо уже знакомой нам «Реторты», в сборнике помещены: «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке...», «Игоша», «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту», «Та же сказка только наизворот» и др. Эти романтические по своему мировидению произведения в условно-гротескной форме обличали бездухов-

Венцом этой пушкинианы является тоненькая брошюрка с текстом пятой главы «Евгения Онегина» (Спб., 1828) в «немой» обложке. На обороте авантюра — дарственная надпись автора: «Оресту Михайловичу Сомову от А.Пушкина». О.М.Сомов — пе-

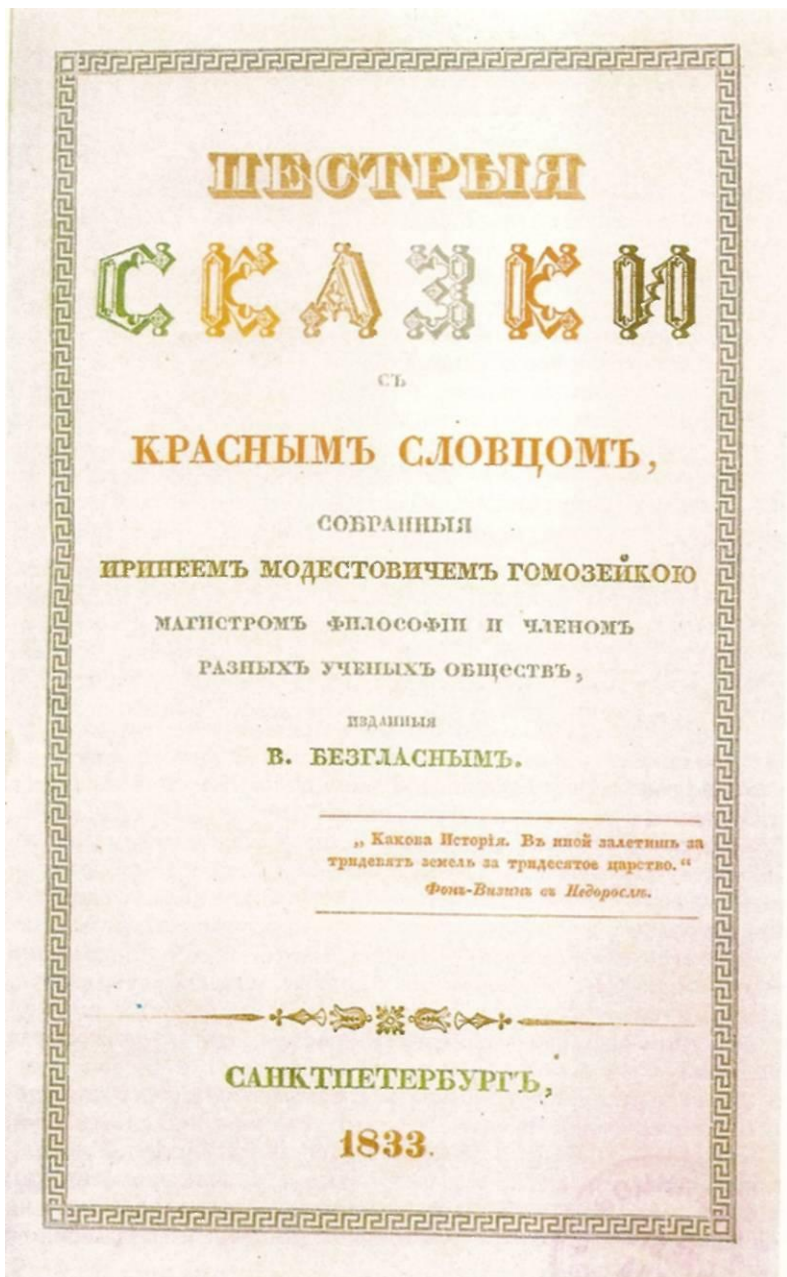
ность современного общества, атмосферу лицемерия и фари-сейства, царившую в столичном дворянском быту. Лучшие из сказок предваряли появление гоголевских «петербургских повестей». Другие близки к фантазмагориям Гофмана; они намеренно усложнены, замысловаты: рассказчик и сам признается, что нелегко продаться сквозь тернистую стезю его необъят-ности учености.

Писательское искусство Одоевского порадовало даже опытных литераторов. Чего стоит, к примеру, язык «Пестрых ска-

В.Одоевский.
Пестрые сказки.
Санкт-Петербург, 1833 г.
Титульный лист книги

тербургский писатель, критик, журналист. Экземпляр с пушкинским автографом поступил в Музей книги сравнительно недавно как подарок от его прежнего владельца — известного хореографа и библиофила С.М.Лифаря, жившего во Франции.

Не меньшую историко-литературную ценность представляют собою альманахи пушкинской поры, где публиковались произведения не только автора «Евгения Онегина», но и многочисленных поэтов из его окружения. Альманахи иллюстрированы гравюрами по рисункам видных русских художников, используют все богатства типографского искусства той эпохи. Среди них полный комплект в одном переплете знаменитых декабристских ежегодников «Полярная звезда» (СПб., 1823—1825), издававшихся А.А.Бестужевым и К.Ф.Рылеевым. На «немой» обложке рукой А.А.Бестужева выведено: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому от издателей». Большой популярностью пользовался среди читателей и альманах «Мне-

зок» — сочный, чистый, с какой-то лукавинкой! Недаром им восхищался Владимир Иванович Даль, этот «академик русского слова»...

Библиофилов «Пестрые сказки» тотчас заинтриговали своею очаровательной внешностью. Книга завораживала уже обложкой с орнаментом из кружевных узоров. Петр Андреевич Вяземский в письме к Василию Андреевичу Жуковскому, еще не видя самого издания, отозвался о нем, с чужого голоса, как о «кокетном».

В этом эпитете много правды. Взять, к примеру, титульный лист — он отпечатан в шесть красок: каждая буква в слове «сказки» имеет свой цвет. Словно радуга опустилась с влажного небосвода и послушно улеглась на бумагу. Цветовая гамма неподражаема... Радует великолепный подбор шрифтов и подручных средств украшения. Текст на страницах взят в тонкую рамку — это тоже придает нарядность.

Впрочем, удивляться едва ли приходится: ведь книга набрана, сверстана и отпечатана в Экспедиции заготовления государственных бумаг, располагавшей образцовой по тем временам типографией. Директор ее технического отдела Яков Яковлевич Рейхель, прославленный медальер и нумизмат, был приятелем автора и, понятно, постарался, чтоб «Пестрые сказки» стали шедевром даже для Экспедиции.

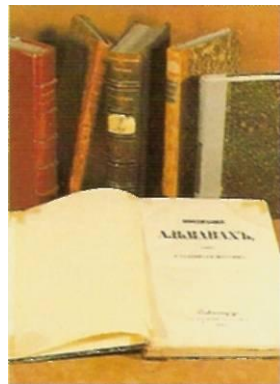
За печатанием тиража, по просьбе Одоевского, непосредственно наблюдал Н.В.Гоголь. К одной из сказок он набросал даже рисунок, который, однако, так и остался в черновике.

В истории оформления русской книги сочинение «магистра философии Иринея Модестовича Гомозейки» составляет целую эпоху. Это одно из первых в стране светских изданий, где после долгого перерыва происходит возврат к ксилографии, то есть гравюре на дереве (до той поры иллюстраторы обращались к гравюре на металле и литографии). Все тринадцать заставок и фронтиспис резаны на дереве в Петербурге художником П.Русселем по эскизам Ф.Рисса (и тот, и другой — французы по происхождению).

Увлекаясь прикладной химией, князь Одоевский не отказал себе в удовольствии провести небольшой опыт. В чем и покаяться в 1844 году перед читателями: «Для истории искусства и ради библиоманов, сохранивших экземпляры „Пестрых сказок“, замечу, что на стр. 145 находится политипаж *единственный в своем роде* (курсив автора.— О.Л.)».

Оказывается, подстрекаемый зудом экспериментаторства, Владимир Федорович решил испытать, а нельзя ли сделать на литографическом камне выпуклость не резцом, но особым химическим составом. Помочь в этом взялся художник А.Ф.Греков. Однако ничего путного не вышло: «единственный в своем роде» оттиск на 145-й странице с изображением деревянного челоуэчка Кивакеля с чубуком в руке, несомненно, грязнее и неудачнее остальных, сделанных с деревянных досок.

Дотошный князь, кроме того, позволил себе выкинуть и вовсе проказу: вознамерился пощекотать нервы читателей грамматическими трюками. Переложив всю ответственность за свой поступок на плечи мифического Гомозейки, Владимир Федорович вводит неприемлемую в обиходе пунктуацию. С серьезной миной он уверяет, что знаки препинания расставляются у нас

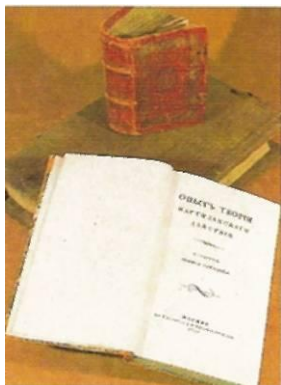

Иллюстрированный альманах Санкт-Петербург, 1848 г. *мозина* (М., 1824—1825) — его издателями были В.Ф. Одоевский и В.К.Кюхельбекер. На экземпляре первого выпуска имеется дарственная надпись князю П.А.Вяземскому. *Первым отечественным театральным альманахом стала изданная Ф.В.Булгариным «Русская Талия на 1825 год» (Спб., 1824). В нем были опубликованы (еще при жизни автора) фрагменты из бессмертной грибоедовской комедии «Горе от ума». К числу образцовых альманахов пушкинского времени относятся издававшиеся в 1827—1831 гг. в Петербурге А.А.Дельвигом «Северные цветы». Здесь печатались все лучшие русские литераторы. На экземпляре сборника, выпущенного в 1827 г., есть дарственная*

как будто нарочно для того, чтобы книгу нельзя было читать с первого раза.

Дабы устранить оный недостаток, автор демонстративно отказывается ставить перед словами «что» и «который» привычную запятую. И вообще со знаками препинания обходится чересчур вольно. Глаз спотыкается буквально на каждом шагу. По примеру испанского языка, как сообщает сочинитель, в начале каждого вопросительного предложения маячит перевернутый вверх ногами второй вопросительный знак. Ириной Модестович протестует против изобилия запятых, зато явно не скупится на тире и многоточия. В довершение всего в целом сборнике не найти ни единой буквы «э» — она почему-то изгнана из русского алфавита.

Д.Давыдов. Опыт теории партизанского действия
Москва, 1821 г.

надпись: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому Дельви». Издание украинского широко известного портретом А.С.Пушкина, гравированным Н.И.Уткиным по рисунку художника О.А.Кипренского.

Ярким эпизодом в культурной жизни России был выход в свет смурдинского альманаха «Новоселье» (Спб., 1833—1834) — поводом для его издания послужил переезд петербургской книжной лавки А.Ф.Смирдина на Невский проспект. На гравированных титульных листах можно увидеть портреты именитых авторов альманаха. В Музее книги хранится один из немногих полных экземпляров изданного И.И.Панаевым и Н.А.Некрасовым «Иллюстрированного альманаха» (Спб., 1848),

В маленький зал Музея книги Библиотеки им В.И.Ленина принесли, по моей просьбе, сразу несколько экземпляров «Пестрых сказок». Я безошибочно выбрал среди них тот, который был нужен. В отличие от других он бережно упрятан в складной футляр, подбитый изнутри мягкой байковой тканью.

Итак, передо мной лежал томик с особой, неповторимой судьбой, со своим родословием — такие экземпляры способны согреть душу любого поклонника печатной древности.

Книга необычна уже своим внешним обликом. Вместо обложки — картонный переплет, оклеенный голубоватого тона бумагой. На корешке — кожаный ярлычок с тисненным золотом названием. В качестве форзаца использованы листы с тончайшим кружевным рисунком: они служили для основного тиража обложки.

А вот и экслибрис, без которого любая старая книга кажется немой, безликой, немножко пресной. Экслибрис, напротив, сразу делает ее по-домашнему близкой, хранящей тепло человеческих рук. Чей же экслибрис украшает наш томик? На нем изображен родовой герб Норовых. Ниже текст по-французски: «Ex biblioth. Abrah. Noroff».

И тотчас встает в воображении на редкость живописная фигура коллекционера, фанатика собирательской страсти — милейшего Авраама (Абрама) Сергеевича Норова, которого друзья любили за мягкий, ребяческий характер, чувствительность сердца, за неостывшую с юности способность восторгаться.

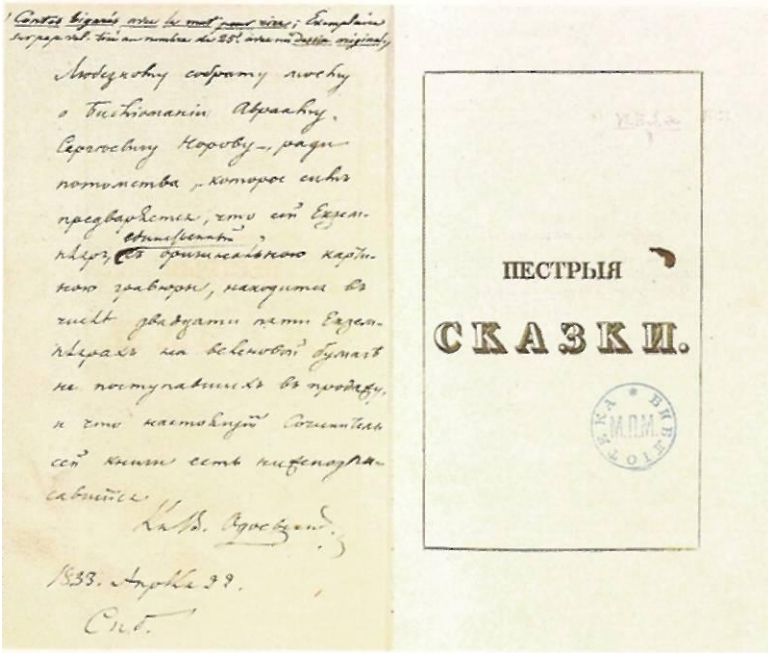
Участник Бородинского сражения, Норов лишился в нем ноги, но, несмотря на то что ходил на деревяшке, отличался подвижностью. Он принимал в своем доме многочисленное общество, и на норовских «средах» бывали не только игроки в преферанс, но и люди с учеными и литературными именами. Как магнитом тянуло сюда записных книжников, привлеченных слухами о диковинных манускриптах и волюмах.

В 1850-х годах А.С.Норов занимал пост сначала товарища министра, а потом и министра народного просвещения. На этих должностях особых лавров не снискал: он едва ли мог в силу своей природы стать удачливым администратором. Зато на библиофильском поприще!.. Здесь ему мало было равных.

Коллекционерством Авраам Сергеевич увлекся с молодости. К 1830-м годам он обладал библиотекой, которую современники считали замечательной. Тогда же он уступил ее князю

Н.И.Трубецкому и стал составлять новую. Каждый из московских и петербургских букинистов полагал для себя честью раздобыть что-нибудь из норовских дезидерат — книг, которые разыскивал Авраам Сергеевич. Вкусы сановного любителя были хорошо известны: старинные рукописи, инкунабулы, эльзевиры, первопечатные славянские издания, сочинения о Востоке, труды по философии и этике, западная и отечественная словесность.

Экслибрис А.С.Норова служил своего рода визитной карточ-

который по распоряжению Главного управления цензуры был запрещен к обращению в публике. В альманахе сотрудничали такие замечательные художники-графики, как П.А.Федотов, А.А.Агин, Н.А.Степанов, М.Л.Не-

Экземпляры, снабженные дарственными и иными надписями авторов, неизменно ценились исследователями и собирателями как источники, имеющие важ-

В.Одоевский.
Пестрые сказки.
Санкт-Петербург, 1833
Дарственная надпись
А.Норову

кой библиотеки. Он как бы гарантировал исключительность отмеченного им экземпляра.

Взять, к примеру, «Пестрые сказки». На обороте форзацного листа имеется большая дарственная надпись автора. Приводим ее с соблюдением особенностей правописания:

«Любезному собрату моему [п] о Библиомании Аврааму Сергеевичу Норову,— ради потомства,— которое сим предваряется, что сей Экземпляр, единственный с оригинальною картиною гравюры, находится в числе двадцати пяти Экземпляров на веленовой бумаге не поступавших в продажу, и что настоящий Сочинитель сей книги есть нижеподписавшийся Кн. В.Одоевский 1833. Апреля 22. Спб.»

Следовательно, перед нами один из подносных экземпляров, отпечатанных на более плотной бумаге, с широкими, необрезанными полями: оттого и форматом он кажется посolidнее.

Владимиру Федоровичу очень хотелось доставить Норову радость. Об этом говорит сама старательность, с какой сделана надпись. Обычно подобного рода автографы у Одоевского довольно небрежны. Порой даже невозможно разобрать его торпливый бисерный почерк. А тут почти каждая буква выведена не спеша, а княжеская роспись — верх каллиграфии.

ное научное и мемориальное значение. Особенно в тех случаях, когда авторами являлись выдающиеся деятели литературы. Так, на «Сочинениях» И.И.Дмитриева (М., 1814) можно прочесть дустишице Н.М.Карамзина: «К портрету сочинителя/Он с честью был министр, со славою поэт./Теперь для дружества и счастья живет./Карамзин».

Лаконичную надпись «Николаю Осиповичу Дюру от автора» сделал Н.В.Гоголь на экземпляре первого издания «Ревизора» (Спб., 1836).

Да и как иначе: ведь не какому-нибудь вымогателю автографов дарил свое детище, а истинному книжнику! Вот почему позаботился, чтоб экземпляр — даже среди двадцати пяти, миновавших торговый прилавок, — не был похож на остальные. Перед титулом вклеен подлинный карандашный рисунок Ф.Рисса, по которому П.Руссель награвировал фронтиспис, — с нахальным чертиком наверху волшебной реторты.

...Как же норовский раритет оказался в недрах Библиотеки им. В.И.Ленина?

Н.Гоголь. Ревизор
Санкт-Петербург, 1836

В.Одоевский. Пестрые
сказки.
Санкт-Петербург, 1833
Страницы книги

Она адресована первому исполнителю роли Хлестакова. Инскрипт попал в Музей книги в составе великолепного библиофильского собрания, принадлежавшего ранее мастеру эстрады Н.П.Смирнову-Сокольскому.

На своих «Стихотворениях» (СПб., 1840) М.Ю.Лермонтов надписывает: «Его превосходительству Петру Ивановичу Полетике в знак искреннейшего уважения от автора».

В 1847 г. в Петербурге вышел отдельным изданием литературный первенец Ф.М.Достоевского — повесть «Бедные

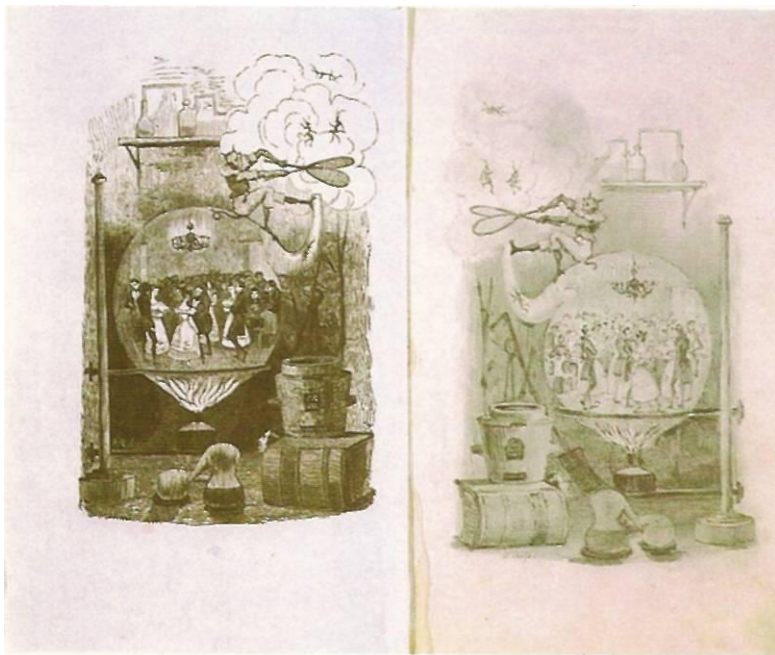
В 1863 году бывший министр решил продать свое собрание Московскому Публичному и Румянцевскому музею. Государственным казначейством ему было выплачено 17 тысяч рублей. Сумма, конечно, приличная, но не стоит забывать, что норовская библиотека заключала в себе 14 тысяч книг, брошюр, манускриптов, среди которых было множество первоклассных редкостей, а то и вовсе уник. При этом Авраам Сергеевич обещал безвозмездно передать все книги, которые временно оставил у себя, а также те, что будут приобретены им впоследствии.

Волю покойного выполнили наследники. После смерти А.С.Норова (в январе 1869 года) они отправили в Москву еще 3 тысячи томов, с которыми библиофил не решился расстаться до своего рокового часа. Не среди ли этих, самых заветных экземпляров находились «Пестрые сказки» с дарственной надписью автора?!

Владимир Федорович Одоевский пережил Норова всего на месяц. В том же 1869 году в лоно Румянцевского музея поступила и довольно обширная библиотека князя.

Эти книги не случайно нашли свой последний приют в шкафах Румянцевского музея. Ведь именно Владимир Федорович,

директор размещавшегося в северной столице Румянцевского музеума, явился инициатором перевода его в Москву и создания там на его основе городской публичной библиотеки (позднее — национальной библиотеки нашей страны). Несмотря на безразличие высших чиновничьих кругов России к участи бесценных сокровищ графа Н.П.Румянцева, подаренных отечеству «на благо просвещение», вопреки протестам некоторых ученых, Одоевскому удалось убедить правительство в необходимости перевезти книги и другие румянцевские коллекции

Ф.Достоевский
Бедные люди
Санкт-Петербург, 1847 г.

люди». Среди тех, кому он был поднесен, была и В.Ф.Одоевский, опекавший начинающего беллетриста: «Его сиятельству князю Владимиру Федоровичу Одоевскому в знак глубочайшего уважения от автора».

в Москву. Останься в прежних, пришедших в негодность зданиях на набережной Невы, они могли бы просто погибнуть.

Шестнадцать лет Владимир Федорович был, как он сам выразился, «верной собакой при Музеуме». Он многое лично терял, когда отстаивал идею переезда музеума в Москву. Он был движим заботой о пользе общественной. Вскоре и сам переехал в Москву.

Человек словесный и книжный (в лучшем значении этих понятий), В. Ф. Одоевский вошел в историю не только как крупнейший писатель, но и как видный библиотечный деятель.

И когда мы разглядываем сегодня норовский экземпляр «Пестрых сказок», раскрывающий тайны литературной маски, невольно приходит мысль о том, как благополучно завершилась судьба этого экземпляра и как много в ней переплелось. Разве не удивительно: томик, который так благоговейно созерцали петербургские знатоки-библиофилы, оказался в конце концов под гостеприимным кровом Пашкова дома, в центре древней столицы? Разве нет счастливой символики в том, что у истоков нашей национальной библиотеки стоит создатель «Пестрых сказок», этот верный рыцарь книги, подвижник родной культуры, добрый дедушка Иринеи?!

В фонде Музея книги немало роскошных изданий, наподобие «Волшебного фонаря...» (Спб., 1817—1818), где фронтиспис был литографирован, а остальные иллюстрации выполнены А.Г.Венециановым в офорте. Экземпляр имеет все иллюстрации, причем гравюры раскрашены в нем акварелью от руки. Столь же редчайшим считается и другой, тоже полный и тоже раскрашенный от руки экземпляр «Театрального альбома» (Спб., 1842—1843), выходявшего отдельными тетрадками.

Петербург, 30-е годы XIX в.
Исаакиевский собор.
Английская набережная.
Невский проспект.
Голландская церковь

Петербург. Город, окутанный туманами, с «прошпектами», теряющимися за горизонтом, Летним садом, фигурами мифологических героев... Город этот как никакой другой будоражил чувства, возбуждал фантазию.

Вспомним пушкинского Евгения, преследуемого Медным всадником, вспомним прогуливающийся по Невскому Нос — сатирический образ, созданный гением Гоголя... Где же еще, как не в Петербурге, могли появиться «Пестрые сказки»?

Петербург, 30-е
годы XIX в.
Невский проспект, Садовая
улица. Летний сад, кофейня
В книжном магазине. Лите-
ратурный вечер

А З Б У К А

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

К Н И Г А I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Замысловскаго, Больш. Мѣщан., д. № 33.

1872.

Эдуард Бабаев

БОЛЬШАЯ АЗБУКА, ИЛИ ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Собирая крестьянских детей в школу, Лев Николаевич Толстой говорил: «Присылайте еще детей. И девочки пусть приходят. Мы все будем учиться!»

В этом — «Мы все будем учиться!» — и состоит главный секрет яснополянской педагогики.

Толстой не только хотел учить, но и сам был полон желанием учиться вместе со своими учениками. И вот почему дети так любили его и верили ему.

«Мы страдали без Льва Николаевича,— пишет один из его школьных учеников.— А Лев Николаевич без нас. Мы были неотлучны от Льва Николаевича, и нас разделяла только одна глубокая ночь. День мы проводили в школе, а вечер у нас в играх проходит, до полуночи сидим у него на террасе».

Еще в 1868 году, когда завершалась работа над романом «Война и мир», в записной книжке Толстого появилась заметка: «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л.Н.Толстого 1868 года».

Это было заглавие еще не написанной новой книги, которая предназначалась именно «для семьи и школы», «для чтения» и на уроке с учителем, и дома в кругу семьи.

Такая книга, как ее представлял себе Толстой, требовала большого труда. Но на этот счет у него были свои строгие правила: «Чем легче учителю, тем труднее ученикам учиться. Чем труднее учителю, тем легче ученикам...»

Замысел «Азбуки» рисовался Толстому на той же художественной высоте, что и «Война и мир».

В 1869 году вышла в свет последняя «часть», последний том «Войны и мира».

Была весна. Толстой жил в Ясной Поляне. И как будто совсем забыл о литературе.

В одном из писем Софья Андреевна рассказывает жене Фета: «Левочка целые дни с лопатами чистит сад, выдергивает крапиву и репейник, устраивает клумбы».

Каким-то таинственным образом расчистка сада и выдергивание крапивы и репейников, а также и устройство клумб связаны с замыслом «Азбуки» и являются настоящим началом работы над этой книгой.

«Работаю,— пишет Толстой в письме к Фету,— рублю, копаю, пашу...»

Весь 1870 год ушел на подготовительные труды, многое было уже обдуманно и написано.

«Гордые мечты мои об этой Азбуке вот какие,— рассказывал Толстой в письме к А.А.Толстой,— по этой Азбуке только будут учиться два поколения русских всех детей от царских

Л.Толстой. Азбука. Санкт-Петербург, 1872 г. Обложка книги

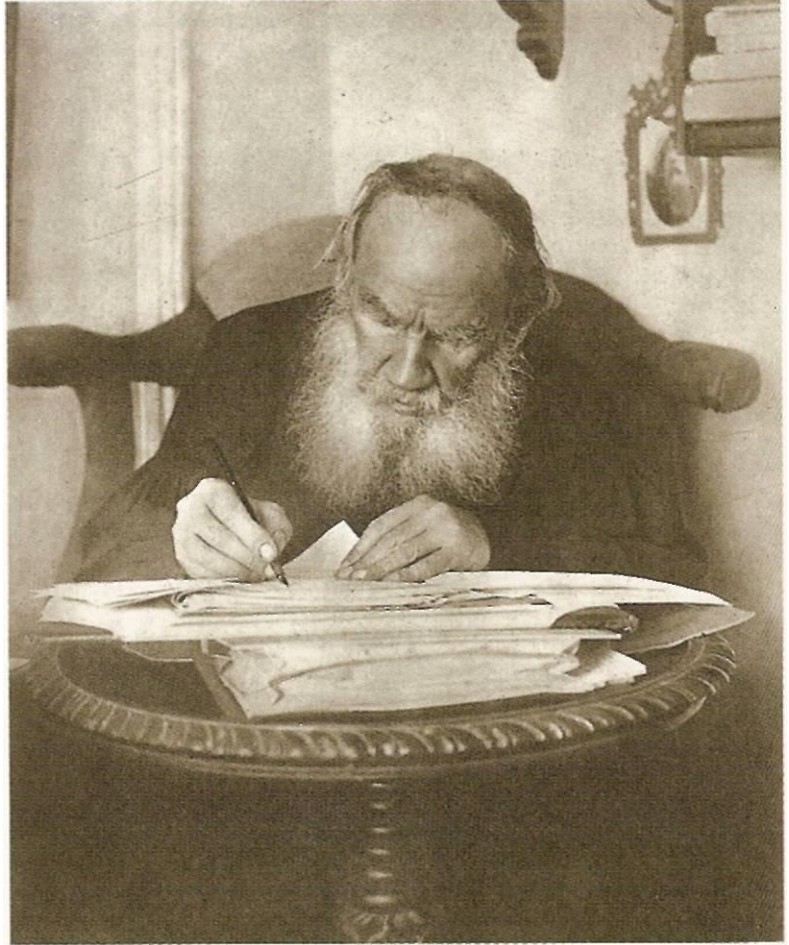

до мужицких и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть».

Такова была эта мысль Толстого, положенная в основу его труда.

Что касается чувства, которое руководило им, то он признавался позднее в письме к профессору С.А.Рачинскому: «Учить детей надо затем, чтобы дать им дощечку спасения из того океана невежества, в котором они плывут...»

Ясная Поляна. Лев Николаевич Толстой за рабочим столом в кабинете

И в другом письме он говорит о том же: «Я не рассуждаю, но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей...»

Будни яснополянской школы были далеки от идиллии.

В 1870 году Лев Николаевич осознал свой труд над «Азбукой» как исполнение неотложного долга перед народом.

В 1871 году Софья Андреевна Толстая вместе с племянницей, В.Толстой, уже переписывала набело готовые рассказы для «Азбуки».

«Мы теперь опять занялись детскими книжками,— пишет Софья Андреевна в письме к своей сестре Т.А.Кузминской,— Левочка пишет, а я с Варей переписываю. Идет очень хорошо...»

«Азбука» в Ясной Поляне становилась общей, семейной, домашней заботой.

Л.Толстой. Азбука. Санкт-Петербург, 1872 г. Оглавление книги

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловіе Издателя.....	I
Предисловіе Сочинителя.....	VII
Реторта.....	1
Глава 1-я, Введеніе.....	3
Глава 2-я, Какимъ образомъ Сочинитель узналъ отъ чего въ гостинныхъ бываетъ душно... ..	13
Глава 3-я, Что происходило съ Сочинителемъ, когда онъ попался въ Реторту.....	17
Глава 4-я, Какимъ образомъ Сочинитель попался въ Латинскій Словарь и что онъ въ немъ увидѣлъ.....	20
Сказка о мертвомъ тѣлѣ неизвѣстно кому принадлежащемъ.....	29
Жизнь и походы одного изъ здѣшнихъ обывателей въ стеклянной банкѣ.....	53
Сказка о томъ, по какому случаю Коллежскому Совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенію не удалось въ Свѣтлое Воскресеніе поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ.....	75
Цгоша.....	89

В переписывании материалов для «Азбуки» принимал участие и К.А.Иславин, дядя Софьи Андреевны.

«Мы все время с дядей Костей переписывали детские книжечки...» — сообщает Софья Андреевна сестре.

Толстой всем задал работу. И работы оказалось очень много.

«Так часто собираюсь писать тебе, милая Таня, — пишет Софья Андреевна Т.А.Кузминской, — и так занята помоганием Левочке, что еле успеваю переделать необходимые дела; но все еще не скоро будут готовы эти книжечки».

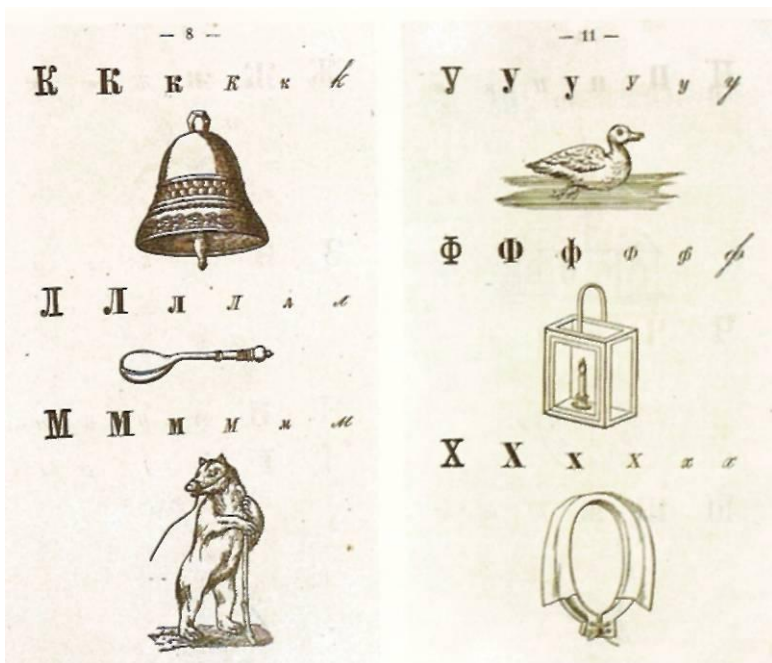
Л.Толстой. Азбука. Санкт-Петербург, 1872 г.
Страницы книги

Фонд Музея книги Библиотеки наряду с обычными экземплярами выдающихся в историко-культурном отношении изданий включает наиболее примечательные, особые экземпляры, связанные с судьбами крупнейших отечественных писателей.

Библиотека обладает экземпляром первого издания знаменитой магистерской диссертации Н.Г.Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (Спб., 1855) с дарственной надписью автора родителям.

Н.Г.Чернышевский осуществил первое издание сочинений Н.А.Добролюбова. В Библиотеке хранится один из многих экземпляров четвертого тома этого издания (Спб., 1862), где помещен портрет Н.А.Добролюбова с воспроизведенными под ним факсимильно двумя строчками его стихов — они были запрещены и изъяты цензурой.

Издатель Ф.Ф.Павленков, выпускавший первое посмертное собрание сочинений Д.И.Писарева, был привлечен к суду за то, что во втором томе (Спб., 1866) поме-

И добавляет в свое оправдание: «Ты знаешь, как Левочка все отделяет и переделывает даже мелочи...»

Софье Андреевне казалось, что Толстой пишет множество «книжечек». А Толстой писал одну, цельную и законченную книжку.

«Я пишу книжку, — сообщал он Т.А.Кузминской, — [и кажется будет толк]... В книжечке моей будет много хорошего».

Переписывая «книжечки», Софья Андреевна стремилась добросовестно и, главное, поскорее окончить работу. «Спешили окончить к празднику», — отмечает она в письме к сестре в канун Нового 1872 года.

Что касается Толстого, то он никогда не считал свою работу оконченной: «Эта Азбука одна может дать работы на сто лет...»

Толстой предполагал напечатать «Азбуку» в типографии московского издателя Ф.Ф.Риса, где он печатал первое издание «Войны и мира».

Но печатание «Азбуки» было не простым делом.

В тексте надо было искусно разместить рисунки и таблицы, сам текст набрать разными шрифтами.

Трудно ли это было для типографщиков, хлопотно ли для издателя, но дело не двигалось.

«„Азбука" моя кончена и печатается медленно и скверно у Риса», — отмечал Толстой в письме к Н.Н.Страхову, автору знаменитых статей о «Войне и мире».

К тому же Толстой, по своему обыкновению, продолжал работать над «Азбукой» и после того, как она была отдана в набор.

«Я по своей привычке все мараю и переделываю по двадцать раз», — признавался Толстой.

Тут на помощь Толстому пришел Н.Н.Страхов. Он догово-

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С Ч Е Т Ъ .

Имя и вид.	Сколько.	Глаголы.	На счетах.	Число.
Начало и оконч.	Однок.	Д	I	1
Два без начала.				
Однок и оконч.	Два.	Й	II	2
Три без начала.				
Два и оконч.	Три.	Г	III	3
Четыре без начала.				
Три и оконч.	Четыре.	Д	III как IV	4
Пять и оконч.				

— 145 —

ВЪСЬ СЧЕТОВЪ СЧИТАТЬ СЛОВА

Сложити: 565 + 839.

Сотчи сколько сотенъ и записки... 1300, тринадцать сотенъ,

а 5 и 8 сотенъ зачеркни . . . 565 + 839.

Сотчи сколько десятковъ и записки подъ 13 сотнями... 1300

9 десятками . . . . . 90 девять десятковъ.

а 6 и 3 десятка зачеркни . . . . . 565 + 839.

Сотчи простыя и записки подъ 9 десятками 1300

90 90

14 простыхъ.

а 9 и 5 зачеркни . . . . . 565 + 839.

Сотчи, сколько сотенъ, десятковъ и простыхъ . . . . . 13*4.

Доска десятковъ—все равно, что одна сотня; вышло . . . . . 1404.

877 + 454 =	876 + 329 =
1500	1100
180	90
11	15
1641	1175 — 1205

Н. Некрасов
Мороз, Красный нос
Санкт-Петербург, 1870 г.

рился о печатании «Азбуки» в петербургской типографии К. Замысловского.

Обычно Толстой, прежде чем выпустить в свет новую книгу, печатал ее целиком или в отрывках в одном из распространенных журналов.

Так, например, он напечатал «1805 год» — начало «Войны и мира» — в журнале «Русский вестник».

Но он заранее отказался от публикации отрывков из «Азбуки» в журналах. Ему хотелось представить читателям совершенно новую книгу в полном виде.

Иначе, как полагал Толстой, « всю книгу растащат по хрестоматиям, и книга не выйдет... ».

И лишь уступая просьбам Н.Н.Страхова, он отдал два рассказа в печать до выхода в свет «Азбуки».

Один из этих рассказов — «Кавказский пленник» — был напечатан в журнале «Заря», другой в таком же малораспространенном издании — «Беседа».

Может быть, именно это и склонило Толстого ответить согласием на просьбу Н.Н.Страхова, но «против воли».

Но вот что было замечательно. Издатель «Зари» В.И.Кашпирев отнесся к рассказу Толстого как к хрестоматийному отрывку и не заплатил ему ни гроша.

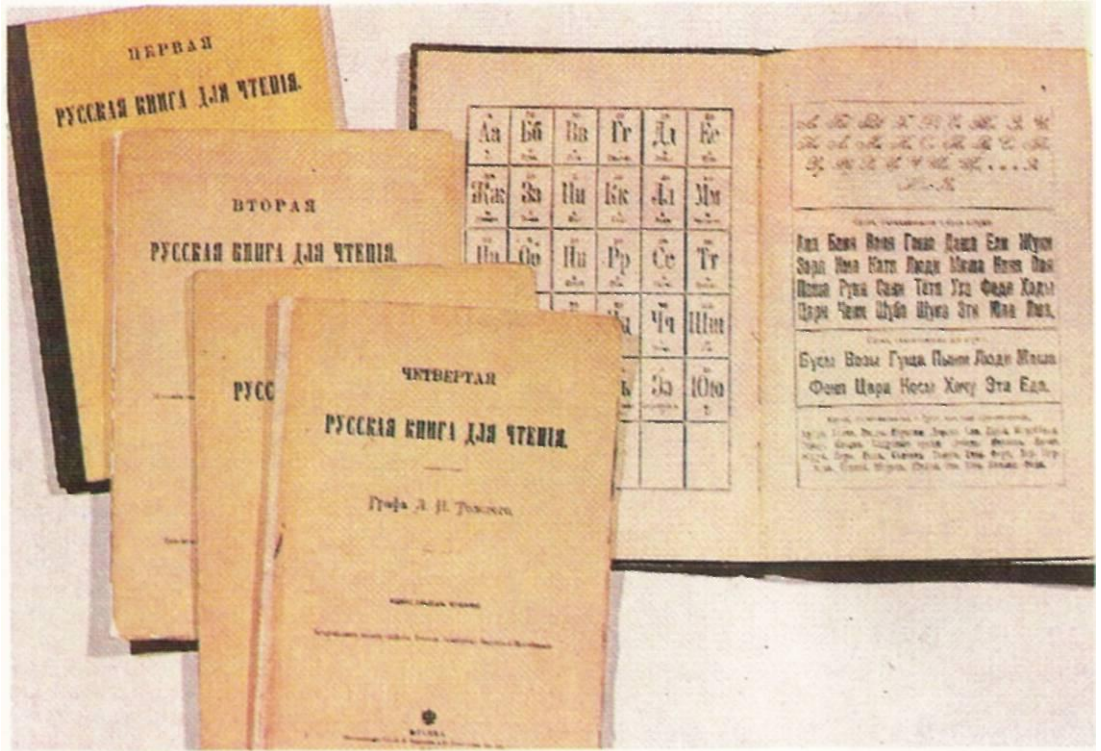
стил две «кромольные» статьи критика. Хотя после длительного процесса издатель был формально оправдан, цензурное ведомство все же добилось изъятия из тома статьи «Бедная русская мысль». В Библиотеке есть второй том писаревских сочинений с этой неразрешенной статьей.

На полках Музея книги можно встретить и первое издание некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос» (Спб., 1870) с иллюстрациями художника И.С.Панова, и первый том «Стихотворений» Н.А.Некрасова (Спб., 1873) с дарственной надписью автора профессору словесности Петербургского университета А.В.Никитенко.

Толстой был обескуражен и увидел в этом какое-то недоброе предзнаменование: «Я жду и желаю себе для полного своего пристыжения, чтобы оба рассказа, за которые я ничего не получил, были бы напечатаны в хрестоматиях и моя бы Азбука не вышла...»

Но книга вышла в 1872 году.

Н.Н.Гусев называет издание 1872 года «большой Азбукой». Это была объемистая книга (более семисот страниц), единая по своей композиции и назначению.

Л.Толстой. Русская книга для чтения. Санкт-Петербург, 1874 г.

«Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет,— Азбука, очень трудно»,— говорил Толстой.

Одной из самых трудных наук сельской школы была арифметика.

Недаром известный художник Н.П.Богданов-Бельский избрал для своей картины такой тонкий психологический сюжет, как «Устный счет».

На этой картине среди своих учеников в сельской школе изображен С.А.Рачинский, современник и собеседник Толстого по многим вопросам искусства и жизни, науки, веры и знания.

И Толстой в своей школе постигал все глубины и трудности устного счета.

Он придумал и смастерил для своих учеников особые счеты: скользящие по металлическим струнам деревянные ромбы разной величины и цвета.

Цифры и числа приобретали таким образом некое наглядное изображение.

В одной из своих статей 60-х годов, когда только еще устраивалась школа в Ясной Поляне, Толстой отмечал, что дети «чрезвычайно любят делать задачи большими отвлеченными числами, без всякого приложения, увлекаясь поэзией чистой математики».

Работая над «Азбукой», Толстой почувствовал необходимость выйти за пределы художественной литературы. Но он внес поэтическое чувство и в изучение естественных наук, в изучение математики.

П.И.Бирюков, первый биограф Толстого, рассказывает, как он «занимался астрономией и увлекся ею, и проводил целые ночи, наблюдая за звездами».

У него была своя общая мысль относительно последовательности и занимательности обучения. «Не то дорого знать,— говорил Толстой,— что земля круглая, а дорого знать, как дошли до этого».

«Азбука» Толстого давала возможность ученикам почувствовать не только результат, но и поэзию познания. Он хотел «науку преподавать научно, то есть весь ход мысли при исследовании какого-либо предмета, а не сказочки».

Все это было очень похоже на Толстого. Таким он был и в «Войне и мире», таким он оставался и в «Азбуке».

Не удивительно поэтому, что именно С.А.Рачинский одним из первых полюбил и оценил «Азбуку» Толстого.

«Детские книги гр. Льва Толстого,— пишет С.А.Рачинский в своей книге «Сельская школа»,— следует знать всякому образованному русскому человеку... Этот великий писатель посвятил несколько лет своей жизни сельской школе, много учил в ней и многому в ней научился».

С.А.Рачинский с особенным уважением отнесся к тому, что Толстой решился выйти за пределы художественной литературы из уважения к насущным нуждам и задачам народной школы.

«Его детские книги,— пишет С.А.Рачинский,— пригодные для детей всех сословий,— не плод художественной прихоти, а жизненное дело, совершенное с глубочайшим вниманием ко всем его практическим подробностям, с высокой простотой и смирением».

И еще одно замечание С.А.Рачинского об «Азбуке» Толстого: «Ни в одной европейской литературе ничего подобного не существует...»

В беседах со своими учениками Толстому не раз случалось рассказывать о своей молодости, о службе на Кавказе, о войне...

И о том, как однажды на пути в крепость Грозную он чуть было не попал в плен к горцам.

«На Кавказе тогда война была...» — сказано в самом начале его повести «Кавказский пленник», сюжет которой в одинаковой мере принадлежит и собственному опыту Толстого и традиции русской поэзии, восходящей к Пушкину.

Но в романтической поэме Пушкина пленник назван просто Пленником, а черкешенка — Черкешенкой.

Толстой называет имена.

И перед нами возникают живые лица Жилина, Костылина и Дины на фоне объятого войною дикого края.

М.Салтыков-Щедрин.
Сборник
Рассказы, очерки, сказки
Санкт-Петербург, 1881 г.

Произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина представлены, в частности, сборником рассказов, очерков, сказок (СПб., 1881) с лаконичной дарительной надписью сочинителя своему другу, юристу В.И.Лихачеву, а также литографированным нелегальным изданием «Сказок для детей изрядного возраста» (М., 1884), куда вошли произведения, не разрешенные к публикации в журнале «Отечественные записки».

Драгоценный пушкинский романтический сюжет был переписан заново рукою автора «Войны и мира».

И Жилин занял в галерее образов, созданных Толстым, место рядом с героями его военных повестей и рассказов.

Художественное достоинство «большой Азбуки» Толстого благодаря таким произведениям, как «Кавказский пленник», поднималось до уровня его великой прозы.

И это тотчас же было замечено современниками Толстого.

Н.Н.Страхов прислал Толстому вырезку из газеты «Всемирная иллюстрация».

«Новый рассказ графа Л.Н.Толстого представляет собой в нашей литературе явление, выходящее из ряда вон,— говорилось в этой статье.— „Кавказским пленником" окончательно разрешается вопрос о том, как следует писать для народа...»

Автором этой статьи был, как об этом говорил Н.Н.Страхов, известный поэт К.К.Случевский, редактор журнала «Всемирная иллюстрация».

«„Кавказский пленник",— продолжает К.К.Случевский,— написан совершенно особым, новым языком. Простота изложения поставлена в нем на первый план... 'Невольно изумляешься этой невероятной, небывалой сдержанности, этому аскетически строгому исполнению взятой на себя задачи...»

К.К.Случевский угадал и верно определил чисто художественную задачу, которую поставил перед собой Толстой, принимаясь за «Азбуку».

«Если будет какое-нибудь достоинство в статьях Азбуки,— объяснял Толстой свою задачу в письме к Н.Н.Страхову,— то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка.»

«Рисунок без теней», как говорил Толстой о своей новой манере, особенно поражал после «Войны и мира», после ее глубокой живописи.

«Невольно изумляешься самоотвержению, с которым гр. Л.Н.Толстой отказался в своем произведении от всех обычных приемов своего творчества, всегда столь обаятельно действующих на читателя...»

Толстой был тронут участием и пониманием К.К.Случевского и благодарил Н.Н.Страхова за присылку статьи из журнала «Всемирная иллюстрация». «Я так готовился к тому, что никто ничего не поймет, что принимаю это как сюрприз»,— писал Толстой.

Но его ожидал еще больший сюрприз.

12 января 1873 года в заседании II отделения Академии наук известный славист И.И.Срезневский предложил избрать Толстого членом-корреспондентом Академии наук в уважение к его литературным и ученым трудам.

7 декабря того же года в общем собрании Академии было подтверждено избрание Толстого, и он получил соответствующий диплом и письмо, подписанное неперменным секретарем К.С.Веселовским.

В ответном письме Толстой просил К.С.Веселовского передать высокоуважаемому собранию, удостоившему его этой чести, его глубокую признательность.

Ф.Тютчев. Стихотворения Санкт-Петербург, 1854 г.

Второе издание книги И.А.Гончарова «Фрегат „Паллада"» (СПб., 1862) снабжено дарственной надписью писателя, адресованной Л.И.Стасюлевич. причем вместо подписи И.А.Гончаров изобретательно вклеил свой фотографический портрет. На первой публикации драматической хроники А.Н.Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (СПб., 1862) - дарственная надпись «отца русского театра» профессору Московского университета, историку литературы Н.С.Тихонову. Первый том своих «Сочинений» (М., 1880) И.С.Тургенев преподнес М.Е.Салтыкову-Щедрину, с которым всю жизнь находился в сложных личных и творческих отношениях.

В Музее книги Библиотеки хранится большая подборка книг Л.Н.Толстого. Из числа ранних изданий отме-

Казалось бы, академическое избрание достойно завершило и увенчало работу Толстого.

Это был блистательный эпилог «большой Азбуки».

Но Толстой испытывал тревогу и беспокойство.

Еще до выхода в свет «Азбуки» Толстой писал в одном из своих писем: «Имеют свои судьбы книги, и авторы чувствуют эти судьбы... Издавая „Войну и мир“, я знал... что она будет иметь тот самый успех, какой она имела; а теперь... не жду успеха именно того, который должна иметь учебная книга».

И предчувствие не обмануло Толстого.

«Большая Азбука» не была рекомендована Министерством народного образования для начальных школ.

Против Толстого соединились и выступили представители гимназической науки, которые обвиняли его в «нетребовательности»...

В журналах и газетах появилось множество отрицательных рецензий, которые, если и не могли уронить достоинства труда Толстого, то могли повлиять на его распространение.

«Если Азбука выйдет в ноябре, не разойдется вся к новому году,— пишет он Н.Н.Страхову в октябре 1872 года,— то это будет для меня неожиданное *fiasco*».

При этом он в скобках указывает цифру — 3600.

Очевидно, это и есть тираж «Азбуки» 1872 года, который сначала расходился понемногу, а потом лег на складе бесценным грузом.

П.А.Берс, брат Софьи Андреевны, наблюдавший за продажей книги, в феврале 1873 года сообщал Т.А.Кузминской: «Азбука приводит меня в отчаяние. До сих пор еще кое-как распродавалась, а в последнее время продажа совсем прекратилась, а у меня осталось нетронутыми 2000 экземпляров, которые я теряю надежду продать...»

Все это было известно и в Ясной Поляне.

Софья Андреевна прямо называла издание «Азбуки» неудачей Толстого.

«Азбука эта имеет страшный неуспех, который ему,— пишет Софья Андреевна о Льве Николаевиче,— очень неприятен...»

Особенно задевали его упреки в дороговизне книги.

Сложность ее печати удорожала издание, и цена вышла два рубля за книгу.

Упреки, критика, разговоры о неуспехе, пренебрежение со стороны Министерства народного образования — все должно было вызвать в душе Толстого желание одним решительным поворотом избавиться от груза накопившихся обид.

Толстой приказал разделить «большую Азбуку» на двенадцать самостоятельных книжек: «Азбука», «Первая русская книга для чтения», «Первая славянская книга для чтения» и т. д., вплоть до «Руководства для учителя».

Все эти разрозненные книжечки пошли в продажу по низкой цене и вскоре были раскуплены.

В 1874 году Толстой составил «Новую Азбуку» и переиздал «Русские книги для чтения» с дополнениями. Но это уже другая глава жизни и творчества Толстого.

Что касается «большой Азбуки» 1872 года, то он ее никогда больше не переиздавал.

тим повесть «Детство и отрочество» (Слб., 1856), экземпляр которой был вручен автором своей «любезной и дорогой тетушке» — П.И.Юшковой, под опекой которой рос будущий писатель. Среди более поздних изданий обращает на себя внимание экземпляр тома «Сочинений графа Л.Н.Толстого» (М., 1886), находившийся прежде в составе домашней библиотеки видного писателя и актера-декламатора И.Ф.Горбунова. На титульном листе имеется подтверждающая это обстоятельство надпись: «Старому приятелю Ивану Федоровичу Горбунову от автора».

«Новую Азбуку» с примыкающими к ней «Русскими книгами для чтения» Толстой, наученный горьким опытом, никогда не собирал под одним переплетом. И они разошлись по хрестоматиям.

но это не значит, что Толстой отрекся от своей книги.

И Софье Андреевне он сказал в ответ на ее слова о неуспехе: «Если б мой роман потерпел такой неуспех, я бы легко поверил и помирился бы, что он нехорош. А это я вполне убежден, что „Азбука“ моя есть необыкновенно хороша...»

Он передавал свою «Азбуку» на суд потомков как одну из заглавок своей писательской судьбы. Это был шедевр, разрушенный рукой автора. Толстой видел, как его разрозненные книги, составлявшие единое целое, обретают известность, расходятся огромными тиражами, несоизмеримыми с тиражом первого издания.

Что же представляет собой «Азбука» 1872 года в целом?

В архиве Толстого сохранилось составленное им самим объявление для печати о выходе в свет этой книги: «1-го ноября выйдет „Азбука“ гр. Л.Н.Толстого в 4-х отдельных книгах в 160—180 страниц каждая, содержащие: 1.Азбуку и руководство для обучения чтению и письму; 2.Статьи для русского чтения: басни, описания, сказки, повести и статьи научного содержания...; 3.Руководство к правописанию и грамматике посредством напечатания особым шрифтом различных грамматических форм; 4.Некоторые былины, изложенные правильным, по мнению автора, русским стихом; 5. Руководство для обучения славянскому языку с объяснением главных грамматических форм; 6. Статьи для славянского чтения с русским переводом: выбранные места из Летописи, Житии из Четьи-Миней Макария и Дмитрия Ростовского и из Священного Писания; 7. Арифметику, от счисления до дробей включительно и 8. Руководство для учителя».

Это была целая энциклопедия в одном томе.

Трудно переоценить значение «Азбуки» Толстого с исторической точки зрения. Ее можно рассматривать как «капсулу времен», в которой собрано многое, что было характерного для русской жизни середины XIX века. Если бы до нас дошла только одна эта книга, то по ней мы могли бы воссоздать облик целой цивилизации.

«Азбука» была создана до «перелома в мирозерцании» Толстого, и ее не коснулось веяние позднейшего «толстовства».

В 1894 году, отвечая одной из своих читательниц, удивленной отсутствием в этой книге его излюбленных религиозных идей в духе его «христианского учения», Толстой признавался: «Рассказы, помещенные в Азбуке, написаны мною... 17 лет назад, когда христианское учение было мне совершенно чуждо, и я руководствовался в выборе рассказов для Азбуки только их понятностью и интересом для детей».

Известно, что в позднейшие годы Толстой отрекался от многих своих произведений, написанных до «перелома». Но от «Азбуки» он не отрекался никогда.

С этой книгой у него были связаны воспоминания о лучших годах жизни в Ясной Поляне, об учениках его открытой для всех школы.

Альбом русских народных сказок и былин
Санкт-Петербург, 1875 г.

В фонде Библиотеки не мало книг в особо ценных художественных переплетах.

Переплет для «Памятной книжки на 1859 год» (Спб., 1858), сделанный московским мастером П.Р.Баррашем, выделяется своей экзотичностью. Он исполнен из дубовой фанеры с медальоном на передней крышке, украшенным резным узором.

Подносной экземпляр «Альбома русских народных сказок и былин» под редакцией П.Н.Петрова (Спб., 1875) имеет переплет, поражающий своей ювелирной работой. Его верхняя крышка представляет собою искусно сделанную чеканку по серебру с вкраплением полудрагоценных камней. Изобразительные сюжеты выполнены по мотивам пушкинских произведе-

В 1883 году Г.А.Русанов спросил Толстого, в каком возрасте можно дать детям для чтения его трилогию «Детство», «Отрочество» и «Юность». Толстой ответил, что он не считает «Детство» необходимым чтением для детей. «Вот „Кавказский пленник" — Жилин и Костылин — вот это я люблю,— сказал Толстой.— Это дело другое...»

Он любил свою «Азбуку» — и ту, что была издана в 1872 году, и ту «Новую Азбуку», которую составил позднее.

В 1908 году Толстой записал в своем дневнике: «Во-первых, хорошо бы, если бы наследники отдали все мои писания в общее пользование: если уж не это, то все народное, как-то „Азбука", „Книги для чтения"...»

Толстой ставил «Азбуку» выше «Войны и мира».

«Я знаю,— говорил Толстой в 1874 году,— что это останется одно из всего моего».

И оказался не прав.

«Война и мир», наряду с другими его художественными произведениями, осталась и вошла в число вечных книг русской литературы.

Что касается «Азбуки» 1872 года, то ее как раз почти уже и не осталось, разве что только в музеях.

Она была прочитана, перечитана и зачитана ее первыми ценителями. «Азбуку» Толстого постигла та же участь, какая была у «Басен» Крылова: она стала величайшей библиографической редкостью. «Дети рвут книги»,— смиренно говорил Крылов.

В 1911 году, во время «Толстовской выставки» в Москве, лишь Румянцевский музей представил «большую Азбуку» в двух ее вариантах, слитном и раздельном.

Слитный вариант особенно ценен, как первое, изначальное издание «Азбуки». Она состояла из четырех книг, и каждая книга называлась «Азбука».

Для раздельного, в двенадцати книжках, варианта «Азбуки», пущенного в продажу в 1874 году, были изготовлены новые обложки. И только первая из этих книжек называлась «Азбука» — все остальные получили собственные названия.

Что же касается «большой Азбуки» в целом, то она с 1872 года больше не переиздавалась.

И лишь в 1957 году она была факсимильно воспроизведена в 22-м томе полного, в 90 томах, собрания сочинений Толстого («Юбилейное издание»).

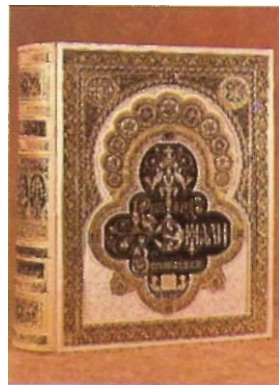
В 1978 году издательство «Просвещение» выпустило «Азбуку» (1872 года) и «Новую Азбуку» (1874—1875 годов) в одном томе.

Все эти издания известны и доступны читателю.

А сама «большая Азбука» 1872 года хранится ныне в Музее книги Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина.

...И вот я перелистываю прекрасные, не пожелтевшие от времени страницы, защищенные изящными темными переплетами, и думаю об удивительной судьбе этой великой книги.

«Читать я училась по Азбуке Льва Толстого»,— пишет в своей биографии Анна Ахматова. Ее слова могли бы повторить многие читатели «Азбуки», которых с годами становится все больше и больше.

Н.Кондаков.
История и памятники
византийской эмали
Санкт-Петербург, 1892 г.

ний. Уголки нижней, облаченной в кожу крышки имеют чеканные украшения, а по середине укреплен пластина со стихами из П.Берамже.

Самой роскошной книгой XIX в. обычно называют исследование Н.П.Кондакова «История и памятники византийской эмали» (СПб., 1892). Оно вышло на средства владельца эмалей — известного в России коллекционера А.В.Звенигородского, который поставил своей целью выпустить издание со всей возможной по тем временам роскошью. Все было сделано специально для этого издания — от шрифтов до закладки из шелка с вытканым золотыми и серебряными нитями рисунком. Рельефный цельнокожаный пере-

Детские рассказы и повести Толстого, от «Бульки» до «Кавказского пленника», издаваемые в наши дни миллионными тиражами на русском языке и на других языках народов нашей страны и мира,— это все дети «большой Азбуки».

В «Азбуке» Толстого много удивительных историй. Но самое замечательное в этой книге — интонация нескучного повествования, ликующая интонация избытка доброй силы в душе.

Басни в прозе из книги Толстого для детей принадлежат к числу лучших его произведений. Как писатель для детей Толстой не имел себе равных среди своих современников. Его имя в этом отношении уникально. Он занимает место рядом с Пушкиным и Крыловым как один из основоположников русской классической литературы для детей.

Конечно, и «Войну и мир» можно издавать отдельными главами («Петя Ростов», например, или «Капитан Тушин»). Эта книга хороша и в отрывках, но она имеет свой лад, свой строй и тяготеет к единству.

Без этого ощущения целостности нет и настоящего понимания частностей таких книг, как «Война и мир» или «Азбука».

Толстой был, конечно, не прав, когда ставил «Азбуку» выше «Войны и мира». Ее настоящее место не выше, но рядом с «Войной и миром», никак не ниже.

«Азбука» Толстого ждет (и вполне заслуживает) переиздания, например в академической серии «Литературные памятники», с тем чтобы эта книга вернулась из Музея в наши домашние библиотеки, где она так нужна и детям и взрослым.

«Ее оценят лет через десять те дети, которые по ней выучатся»,— говорил Толстой о своей «Азбуке».

И он оказался прав.

В наши дни можно составить целую библиотеку из работ, посвященных педагогическим идеям Толстого.

«Всякий, кому приходилось заниматься в народных школах,— пишет А.И.Елизарова,— с удовольствием, как старого знакомого, встречает книгу рассказов Толстого. Сколько воспоминаний связано с ними! Тех незабываемых воспоминаний, когда над этими книгами разгорались детские личики, когда от них поднимались глаза, горящие интересом и восторгом...»

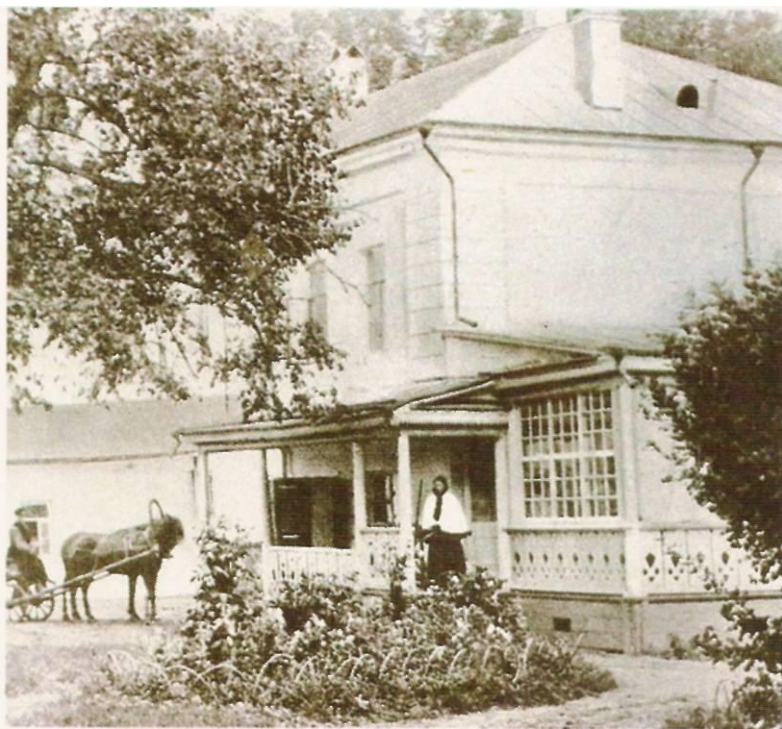
Мнение Елизаровой должно было сыграть роль «охранной грамоты» для детских рассказов Толстого.

«Рассказы эти не менее, чем все остальные его произведения, должны войти в сокровищницу нашего слова,— пишет А.И.Елизарова в письме, адресованном в Государственное издательство (1921).— Давая ощущение счастья, как всякое истинно художественное произведение, для того круга, для которого они назначены, они своей безыскусственной прелестью приохочивают к чтению...»

Именно это «ощущение счастья» является причиной и основной ныне возрастающего интереса к «большой Азбуке» Льва Толстого.

плет, обертка к нему, другие элементы книги выполнены с использованием византийской орнаментики. Издание оформил архитектор И.П.Ропет, а наблюдение за типографским процессом непосредственно осуществлял В.В.Стасов.

О.Гласунский

Ясная Поляна. Общий вид
усадьбы. Дом Л. Н. Толстого

Ясная Поляна. Кабинет
в доме писателя
Крестьянские дети

Л.Н.Толстой с учениками
яснополянской школы
Рисунок одного из
учеников Л.Н.Толстого

К. Циолковскій.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

МИРОВЫХЪ ПРОСТРАНСТВЪ РЕАКТИВНЫМИ ПРИБОРАМИ

(дополненіе къ I и II части труда того-же названія).

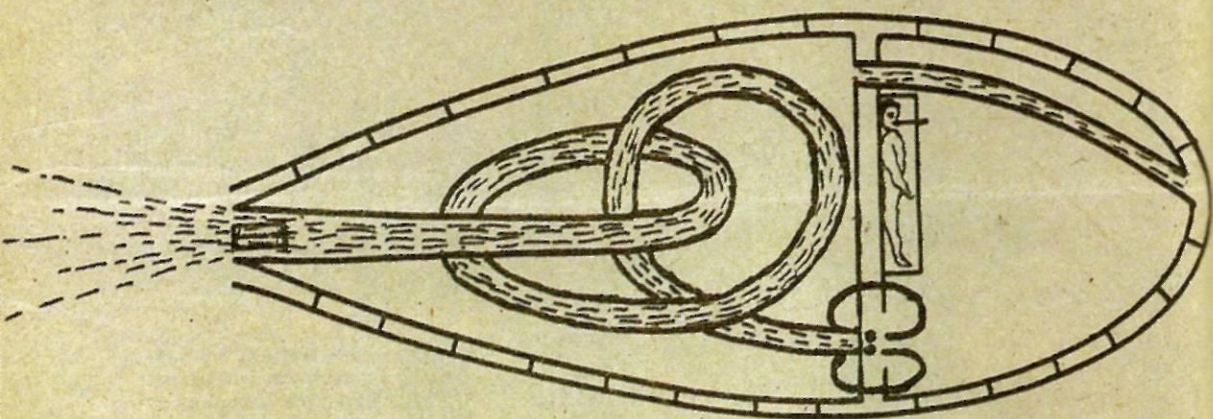

Схема „ракеты“.

ЦѢНА 15 КОП.

Калуга, Коровинская, д. № 61, К. Э. Циолковскому.

ИЗДАНИЕ И СОБСТВЕННОСТЬ АВТОРА.

КАЛУГА.

Типографія С. А. Семенова, Никитскій пер., соб. д.

Аркадий Бедеров

ИЗДАНО В КАЛУГЕ

Среди бесспорных раритетов Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина эта книжечка, пожалуй, самая неприглядная. Всего шестнадцать пожелтевших страничек, убористо заполненных текстом, который вторгся также на все четыре стороны бумажной обложки; одна физическая схема, одна математическая таблица, цена (15 копеек) и дата (1914 год) — вот, наверное, все внешние «характеристики» этой книги (?), брошюры (?). В выходных данных нет сведений о тираже, но зато подробно указан адрес автора: Калуга, Коровинская, д. № 61 — и подчеркнуто, что данное издание его собственное. Что еще добавить к сказанному? Название книги «Исследование мировых пространств реактивными приборами» наводит на мысль о ее ценности для специалистов, а имя автора — Константин Эдуардович Циолковский — о ее огромном вкладе в развитие всей человеческой цивилизации.

Обыкновенный, то есть специально не настроенный, не подготовленный посетитель музея, скорее всего, надолго у нее не задержится, ведь рядом столько издательских чудес. Ему для этого нужна не просто подсказка, а хоть единожды испытанный собственный восторг перед гениальностью великого ученого, выраженной, в частности, и парадоксальным несоответствием краткости и простоты изложенных на бумаге идей с их ошеломляющей универсальностью при настоящем и будущем воплощении в жизнь.

Мне повезло. В день двадцатилетия полета Юрия Алексеевича Гагарина участвовал в литературном вечере, устроенном в конференц-зале Библиотеки им. В.И.Ленина, вместе с четырьмя поднимавшимся в космос Олегом Григорьевичем Макаровым и летчиком-испытателем, участником подготовки первого отряда космонавтов, писателем Марком Лазаревичем Галаем. Их первое слово и за кулисами, и на сцене было о Циолковском, о том, что залы бывшего Румянцевского музея помнят его читателем, а фонды теперь хранят редчайшие экземпляры его гениальных произведений. «Не удивляйтесь,— сказал, обращаясь к залу, Макаров,— но Ленинка благодаря Циолковскому имеет самое прямое отношение и к первым, и к последующим шагам по дороге в космос». После этого как не заинтересоваться темой: история выпуска в свет первой в мире научной работы, посвященной теории реактивного движения, каковой и является «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Здесь К.Э.Циолковский также впервые высказал идеи об автоматическом управлении полетом с помощью гидроскопического устройства, о возможности использования солнечных лучей для ориентации ракеты, описал полет, перспективы развития реактивных летательных аппаратов.

**К.Циолковский. Исследование мировых пространств реактивными приборами
Калуга, 1914 г. Обложка
книги**

В фонде Музея книги Библиотеки немало книг конца XIX — начала XX в., многие из которых остались яркими памятниками научной и технической мысли в России. В 1879 г. в Русском техническом обществе была прочитана публичная лекция П. Н. Яблочкова «Об электрическом освещении». Выдвинутые в ней идеи были новаторскими и глубоко перспективными. Текст лекции тогда же отпечатали отдельной брошюрой (СПб., 1879). Библиотека располагает экземпляром, который написан автором известному публицисту А. И. Коше леву. Принципиально важное значение для отечественной биологии имел неоднократно переиздававшийся труд К. А. Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение». Экземпляр одного из томов шестого издания (М., 1908) снабжен дарственной надписью К. А. Тимирязева. Есть в фонде и книга с автографом «отца русской авиации» Н. Е. Жуковского. Первый том юбилейного издания его трудов (М., 1912) был подарен им Н. И. Иванову.

Исторический факт: Дом Пашкова тесно связан с именами нескольких классиков теории воздухоплавания. В первой половине XIX века в нем была расположена мужская гимназия, в которой учился Н.Е.Жуковский. В 1861 году это учебное заведение переехало. И здание было полностью предоставлено библиотеке Румянцевского музея, постоянным читателем которой был и К.Э.Циолковский.

Вспоминая свой приезд в Москву, Константин Эдуардович называет библиотеку, где работал, не Румянцеве кой, а Чертковской. В чем тут дело? Библиотека известного собирателя А.Д.Черткова, хотя и была размещена в Румянцевском музее, но не растворилась в его книжных фондах и, по традиции, еще многие десятилетия сохраняла свое старое название.

В Доме Пашкова юный провинциал попал в настоящее царство книги. Все, что можно пожелать, было к его услугам, ведь туда поступало «по экземпляру всего в России печатаемого, гравированного и литографируемого как частными лицами, так и казенными ведомствами... по экземпляру фотографируемых в России рукописей и книг... конфискуемых или удержанных цензурными учреждениями или таможенными заграничных изданий».

В библиотеках всегда расположены к тем, в ком виден непраздный интерес к книге. Известный биограф Циолковского М.С.Арлазоров описывает такой эпизод. Однажды Константин Эдуардович заметил, что к заказанным книгам добавилось несколько сверх списка. «Это прислал Николай Федорович!» — шепнул служитель, и в его голосе прозвучали почтительные нотки. Речь шла о Н.Ф.Федорове, библиотекаре Румянцевского музея, выдающемся просветителе и философе, удостоившемся такой, например, оценки Льва Толстого: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком!»

«Федоров раздавал все свое крохотное жалованье беднякам,— вспоминал Циолковский.— Теперь я понимаю, что и меня он хотел сделать своим пенсионером. Но это ему не удалось: я чересчур дичился». Юноша, живущий впроголодь, так и не взял у доброго старика ни копейки. Благодарность же к нему сохранил на всю жизнь и нравочение запомнил: «Не забывайте, что за книгой кроется человек... Уважайте книгу из-за любви и почтения к человеку. Библиотеки — это школы взрослых, следовательно, высшие школы...»

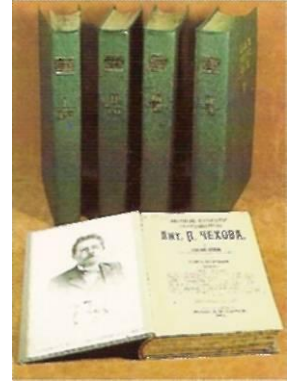
Три года жил К.Э.Циолковский в Москве, посвящая все время самообразованию. От элементарной математики перешел к высшей, к аналитической геометрии, к другим сложным наукам. Через много лет в книге «Простое учение о воздушном корабле и его построении» он так напишет о своем образовании: «Систематически я учился мало... читал только то, что могло помочь мне решить интересующие меня вопросы, которые я считал важными». Уже тогда он думал над тем, нельзя ли практически воспользоваться энергией Земли, устроить поезд вокруг экватора, в котором не действовала бы сила тяжести; построить металлические аэростаты, постоянно находящиеся в воздухе; попытаться эксплуатировать в паровых машинах высокого давления мятый пар? Но главным все-таки был вопрос о том, нельзя ли применить центробежную силу, чтобы подняться за атмосферу?

...Прежде чем рассказать об истории выхода в свет «Исследования мировых пространств реактивными приборами», стоит, наверное, хотя бы в нескольких словах коснуться других напечатанных к тому времени произведений ученого. В 1892—1893 годах вышла из печати брошюра К. Циолковского «Аэростат металлический управляемый», вскоре в приложении к журналу «Вокруг света» была опубликована фантастическая повесть «На луне», спустя два года — увидела свет книга «Грезы о Земле и небе». Первая из названных работ была окружена настоящим заговором молчания. И причиной тому были не только принципиальные научные расхождения ее автора с людьми, занимавшими высокое положение в официальной науке того времени. Выпущенная на заказных началах в московской типографии М. Волчанинова, книга была читателю практически неизвестна. В сборнике «У истоков космической эры». В. Зотов упоминает открытку, найденную в 1960 году на чердаке дома Циолковского. Она датирована 28 апреля 1893 года. Отправитель — известная книготорговая фирма М. Вольфа. Вот ее текст: «Милостивый государь! В ответ на Ваше почтенное письмо имеем честь сообщить, что со времени последнего расчета, то есть с 6/XI—92 г., продано нами Вашего издания 7 экз. ...Таким образом у нас имеется налицо: в Москве — 377 экз. В СПД — 10...» За год одна из крупнейших в России книжных фирм продала лишь мизерное число экземпляров «Аэростата металлического...».

Маленькая книжечка «Грезы о Земле и небе», отпечатанная на средства калужского мецената А. Гончарова, сразу же удостоилась рецензии в журнале «Научное обозрение». Рецензент не поставил своей подписи и только поэтому не вошел в историю. Вчитаемся: «Разбираемая книга производит довольно странное впечатление. Трудно догадаться, где автор рассуждает серьезно, а где он фантазирует или даже шутит... Если научные разъяснения К. Циолковского не всегда достаточно обоснованы, зато полет его фантазии положительно неудержим и порой даже превосходит бредни Жюль Верна, в которых, во всяком случае, больше научного основания...»

Чуть более благосклонно была воспринята если не критикой, то читателями фантастическая повесть «На Луне». В ней описаны волшебные сновидения героя. Для автора фантастика лишь средство популяризации реальных знаний и научных предположений. Но этого можно и не заметить, и тогда на первый план выступает лишь забавная, иногда смешная, а временами и страшная история о посещении человеком мертвого мира, где черный небесный купол отмечен синим солнцем и неподвижными звездами, где безводная пустыня, ни озера, ни кустика. Почему не почитать такую историю холодным зимним вечером? Так и было — читали «На Луне» с интересом во многих российских селениях.

...Между публикацией первой и последующих частей «Исследования мировых пространств реактивными приборами» прошло около десятилетия. Первую часть всего фундаментального труда Циолковский еще в начале нового века направил редактору журнала «Научное обозрение» Михаилу Михайловичу Филиппову. К этому времени история с публикацией в журнале оскорбительной рецензии на «Грезы о Земле и небе» была с

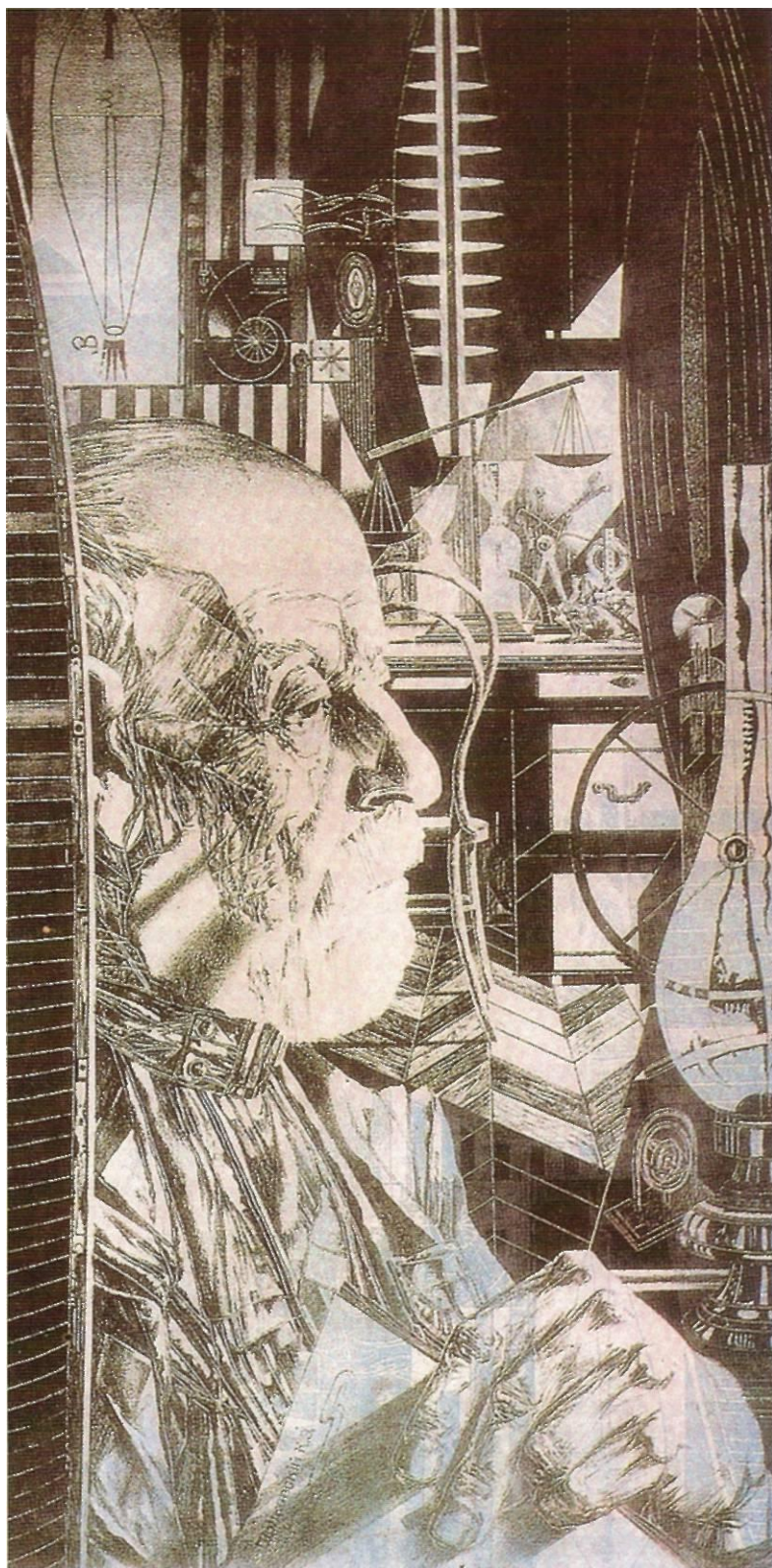

А. Чехов. Полное собрание сочинений, т. 1
Санкт-Петербург, 1900 г.

Среди изданий начала XX в., хранящихся в фонде Музея книги Библиотеки,— книги с автографами, что придает им особую ценность, делает экземпляры уникальным.

Второй том сочинений А. П. Чехова (СПб., 1900) имеет дарственную надпись автора известному книговеду, писателю-просветителю и библиографу Н. А. Рубакину: «Николаю Александровичу Рубакину на добрую память и в знак сердечного расположения от автора А. Чехова 1902 г. 15 авг.»

Константин Эдуардович
Циолковский

обеих сторон забыта, Константин Эдуардович стал сотрудничать в этом очень интересном печатном органе, считая за честь видеть свое имя рядом с Д.И.Менделеевым, В.М.Бехтеревым, Чарлзом Дарвином, Германом Гельмгольцем, Г.В.Плехановым. Всех их объединил на страницах журнала прогрессивно настроенный издатель М.М.Филиппов — социолог и экономист, филолог и историк, автор романа «Осажденный Севастополь»... и таинственного физического открытия, о котором продолжают спорить до сих пор.

11 июня 1903 года газетой «Русские ведомости» было получено письмо Филиппова об изобретении им способа электрической передачи на расстоянии в тысячи километров ударной волны взрыва. «Способ изумительно прост и дешев, — написано там, — подробности я опубликую в мемуарах Академии наук». Через день М.М.Филиппов погиб при таинственных обстоятельствах. Его записи не удалось разыскать. В последнем номере «Научного обозрения», который успел подписать редактор, напечатаны «Заветные мысли» Д.Менделеева и первая часть «Исследования мировых пространств...» К.Циолковского.

Начались долгие мытарства ученого с публикацией своего научного труда в полном объеме. Собственно, и Филиппов ему жаловался, что цензура с большим трудом разрешила печатать первую часть рукописи. В «Литературной газете» несколько лет назад были опубликованы воспоминания сына издателя — Б.М.Филиппова, где сказано: «Никакие доводы отца об огромном научном значении работы Циолковского не помогали. Тогда Михаил Михайлович решил посоветоваться со своим другом и учителем Д.И.Менделеевым, принимавшим активное участие в жизни „Научного обозрения“. Ознакомившись с работой Константина Эдуардовича и выслушав жалобы редактора на цензурный произвол, Менделеев сказал ему: „Ну, конечно, цензор есть цензор. Он ведь получает жалованье не за разрешения, а за запрещения. Но я вам дам совет не как химик, а как дипломат. Сведите все ваши доводы в защиту Циолковского к пиротехнике. Докажите им, что, поскольку речь идет о ракетах, это очень важно для торжественных праздников в честь тезоименитства государя и „высочайших особ“. Вот пусть тогда вам запретят печатать статью“. Отец воспользовался этим советом и, стараясь быть серьезным, изложил эти соображения самому ретивому цензору — А.Елагину. Разрешение было получено 31 мая 1903 года».

Но против чего могла возражать цензура, ведь труд Циолковского научный? А разве не таким же научным сочинением являлось «Происхождение видов путем естественного отбора» Дарвина, запрещенное цензурой как «отличающееся материалистическим характером»?! В те годы и роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли» специальным распоряжением попечителя Московского учебного округа изъяли из фондов учебных библиотек. А тут вдруг рассказ о возможности полета в космическое пространство — прямое вторжение в святая святых, в вотчину господ бога.

Из кабинета М.М.Филиппова вместе с его собственными документами жандармы изъяли и вторую часть научного труда Циолковского. Константин Эдуардович попытался получить рукопись обратно, но тщетно.

И. Бунин. Листопад
Москва, 1901 г.

И. А. Бунин экземпляром своего стихотворного сборника «Листопад» (М., 1901) направил с дарственной надписью В. М. Лаарову, редактору-издателю журнала «Русская мысль», где в начале 1900-х гг. писатель публиковал свои рассказы.

На первом томе «Рассказов» Л. Н. Андреева (Спб., 1903) — дарственная надпись автора: «Илье Ефимовичу Репину с глубоким уважением и признаньем. Леонид Андреев. Июль 1905».

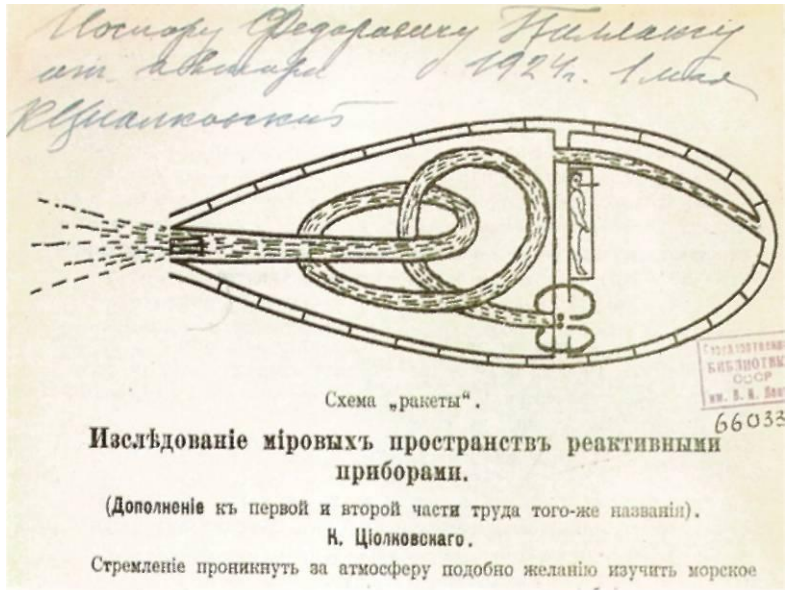
В шестой книге «Сборника товарищества „Знание“ за 1905 г.» (Спб., 1905) впервые был опубликован «Поединок» А. И. Куприна. Экземпляр имеет дарственную надпись автора историку литературы, другу писателя Ф. Д. Батюшковой.

Не смог он получить и причитавшееся ему определенное число оттисков уже напечатанной первой части работы, которыми обычно редакция расплачивалась с автором. «Оттиски (особые), как видно, были конфискованы,— писал ученый редактору и издателю журнала «Вестник воздухоплавания» Б.Н.Воробьеву,— я не мог получить их даже за деньги из типографии, и говорить со мной о них не стали, хотя они, несомненно, были, по словам сотрудников той же типографии». До наших дней дошел единственный из принадлежащих автору экземпляров

К. Циолковский. Исследование мировых пространств реактивными приборами Калуга, 1914 г. Страница книги с дарственной надписью автора

На титульном листе книги В. Г. Короленко «Сорочинская трагедия» (Спб., 1907) имеется дарственная надпись автора Г. А. Лопатину, русскому революционеру, переводчику «Капитала» К. Маркса на русский язык: «Дорогому Герману Александровичу Лопатину Вл. Короленко». В письме Г. А. Лопатину от 19 окт. 1907 г. из Полтавы В. Г. Короленко спрашивал: «Не увидимся ли в Питере?» Очевидно, скоро произошла встреча, и писатель подарил Г. А. Лопатину свою книгу.

Представляют интерес три переплетенные вместе тома десятилетнего собрания стихотворений К. Д. Бальмонта (М., 1908—1909) из личной библиотеки М. И. Цветаевой с ее пометами. Параллельно стихотворению К. Д. Бальмонта «Однодневка» М. И. Цветаева вписала текст стихотворения широко известной в конце XIX — начале XX в. поэтессы М. А. Лохвицкой «Лионель». Его раз-

той публикации, тщательно им переплетенный и снабженный надписью: «Прошу хранить, как зеницу ока, ибо единственный экземпляр, вырванный мною из журнала. К.Ц.».

Проходили дни, недели, месяцы, годы. Циолковский с трудом мирился с тем, что его фундаментальная работа не замечена в научных кругах России и зарубежных стран. Он долго подавлял в себе раздражение, до самой той поры, когда в «Иллюстрированных биржевых ведомостях» была опубликована информация о том, что в Америке изобретена и построена боевая ракета. Заметка взволновала и встревожила автора «Исследования мировых пространств реактивными приборами».

«Эта телеграмма навела меня на горестные размышления,— написал Циолковский редактору газеты.— Прошу позволения поделиться ими с читателями ввиду их поучительности.

Ровно два года назад... появилась моя математическая работа... В ней, в сущности, изложена теория гигантской ракеты, поднимающей людей и даже доносящей их, при известных условиях, до Луны и других небесных тел.

И вот всесветные акулы (как называет Эдисон похитителей чужих мыслей) уже успели отчасти подтвердить мои идеи и, увы, уже применить их к разрушительным целям. Я не работал никогда над тем, чтобы усовершенствовать способы ведения

войны. Это противно моему христианскому духу. Работая над реактивными приборами, я имел мирные и высокие цели: завоевать вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию, испускаемую солнцем. Но что же вы, мудрецы, любители истины и блага, не поддержали меня? Почему не разобраны, не проверены мои работы, почему не обратили, наконец, на них внимания? Орудия разрушения вас занимают, а орудия блага — нет.

Когда это кончится, пренебрежение мыслью, пренебрежение великим? Если я не прав в этом великом, докажите мне, а если я прав, то почему не слушаете меня?..

Общество от этого теряет бездну... Акулы распоряжаются и преподносят, что и как хотят: вместо исследования неба — боевые снаряды, вместо истины — убийство...»

К счастью, сообщение из США о «чудо-оружии» оказалось обыкновенной газетной «уткой». Не были тогда построены за океаном первые ракеты. Но разве от этого пафос письма Циолковского менее оправдан?

Лишь через восемь лет после того, как теория ракеты впервые появилась в печати, удалось ему опубликовать короткую статью — «Реактивный прибор как средство полета в пустоте и атмосфере». Это было лишь беглое резюме той части обширного труда, что увидела свет в «Научном обозрении».

А как же его продолжение? Прошло еще несколько месяцев, и в № 2 журнала «Вестник воздухоплавания» за 1910 год появились новые страницы рукописи ученого с редакционным уведомлением: «Ниже мы приводим интересную работу одного из крупных теоретиков воздухоплавания в России К.Э.Циолковского, посвященную вопросу о ракетных приборах и о полете в безатмосферной среде». Почти год из номера в номер шла публикация. Это не помогало читателям, а, наоборот, как отметил ветеран советского ракетостроения М.К.Тихонравов, затрудняло чтение и восприятие революционных идей ученого. Нужна была печатная монография, книга. А ее все не было.

И все же «резонанс получился большой, — вспоминал редактор «Вестника воздухоплавания» Б.Н.Воробьев. — Откликнулись и научно-технические и популярные журналы, и общая пресса, и изобретатели. Многочисленные авторы выдвигали проекты конструкций реактивных самолетов, популяризировали идею Циолковского о возможности завоевать пространства, выходящие за пределы воздушного слоя Земли, и фантазировали о полном преобразовании в связи с этим структуры человеческого общества».

Кто издаст отдельной книгой труд ученого? Этот вопрос оставался без ответа, и тогда сам автор обратился с призывом к будущим своим читателям: «Интересующиеся реактивным прибором для заатмосферных путешествий и желающие принять участие в моих трудах, продолжить мое дело, сделать ему оценку и вообще двигать его вперед так или иначе должны изучить мои труды, которые теперь трудно найти: даже у меня только один экземпляр. Поэтому хотелось бы издать в полном виде и с дополнениями „Исследование мировых пространств реактивными приборами“. Пусть желающие приобрести эту работу сообщают свои адреса. Если их наберется достаточно, то я сделаю издание с расчетом, чтобы каждый экземпляр (6—

А.Валуева-Мунт. Севастополь и его славное прошлое Санкт-Петербург, 1904 г.

мер точно соответствует размеру бальмонтовского стихотворения.

Экземпляр первого издания поэтического сборника «Пепел» А. Белого (Спб., 1909) имеет пространственный автограф автора, раскрывающий смысл заглавия. Книга подарена Э. К. Метнеру, музыкальному критику, руководителю издательства «Мусагет».

7 печатных листов) не обошелся дороже рубля. Предупреждаю, что это издание весьма серьезно и будет содержать массу формул, вычислений и таблиц. Для сближения с людьми, сочувствующими моим трудам, сообщаю им мой адрес: Калуга...»

Видимо, той финансовой поддержки, на которую рассчитывал Константин Эдуардович, он не получил. Тогда только на свои средства он выпускает небольшую брошюру, включающую лишь дополнения к ранее опубликованным первой и второй частям своего фундаментального труда.

Г.Нарбут. Украинська абетка
Санкт-Петербург, 1917 г.

«Украинська абетка» (Спб., 1917) — одна из последних работ художника-графика Г. И. Нарбута. Литографированные иллюстрации, отличающиеся большим мастерством, раскрашены от руки автором.

Страница книги с обращением автора к читателям

А.Соколов. На космических орбитах.

Исполнилась мечта Константина Эдуардовича Циолковского: человек исследует космическое пространство. Подтвердились смелые гипотезы ученого, его конкретные математические расчеты. Ракеты взлетели в космос, подняв мощные корабли с научными лабораториями на борту.

Интересующієся реактивнимъ приборомъ для заатмосферныхъ путешествій и желающіє принять какое либо участіє въ моихъ трудахъ, продолжить мое дѣло, сдѣлать ему оцѣнку и вообще двигать его впередъ такъ или иначе,—должны изучить мои труды, которые теперь трудно найти; даже у меня только одинъ экземпляръ. Поэтому мнѣ хотѣлось бы издать въ полномъ видѣ и съ дополненіями „Изслѣдованіе міровыхъ пространствъ реактивными приборами“.

Пусть желающіє приобрѣсти эту работу сообщать свой адреса. Если ихъ наберется достаточно, то я сдѣлаю изданіє съ расчетомъ, чтобы каждый экземпляръ (6—7 печатныхъ листовъ, или болѣе 100 страницъ) не обошелся дороже рубля.

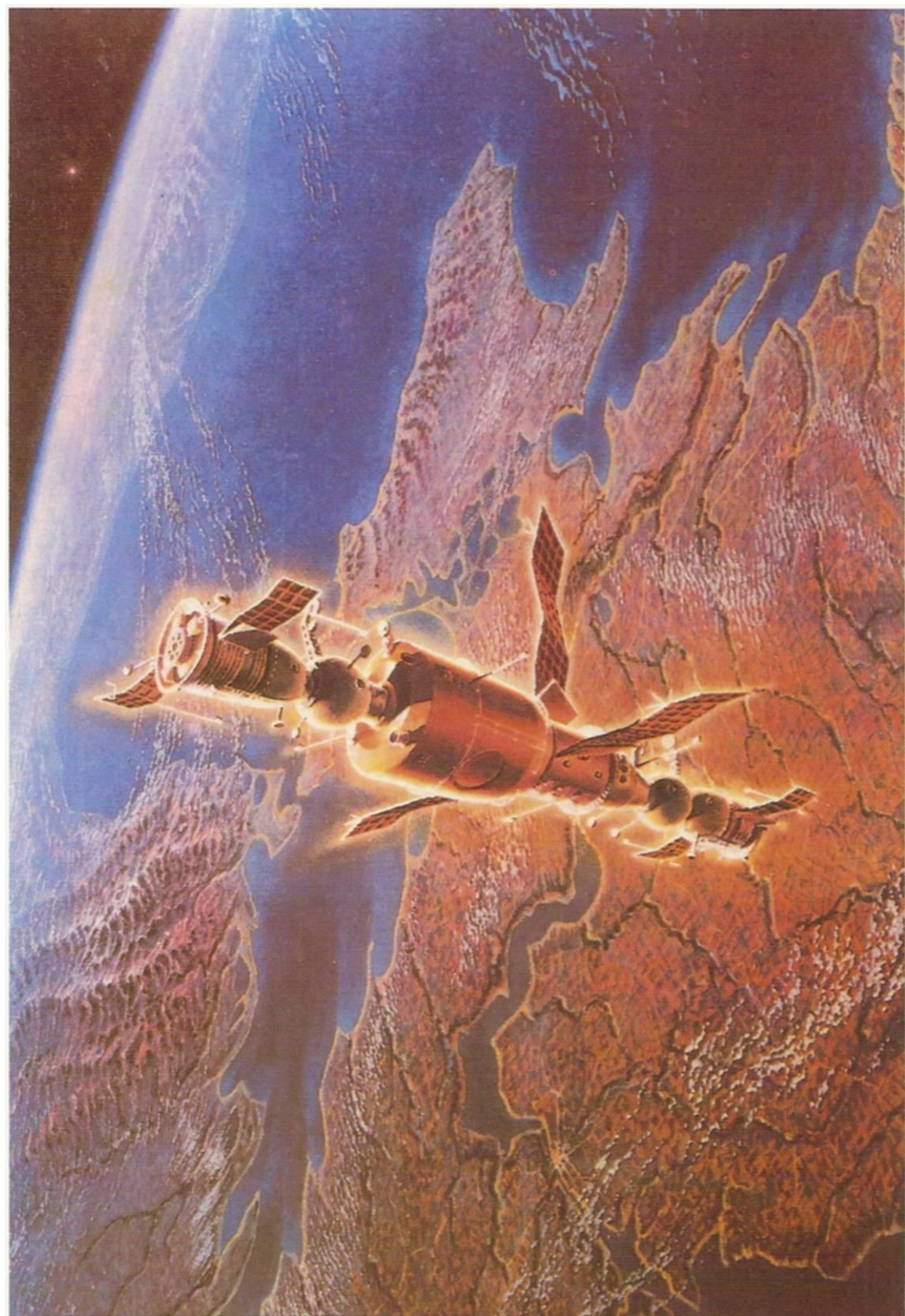
Предупреждаю, что это изданіє весьма серьезно и будетъ содержать массу формулъ, вычисленій и таблицъ. Для сближенія съ людьми сочувствующими моимъ трудамъ, сообщаю имъ мой адресъ:

Калуга, Коровинская, 61,

К. Э. Циолковскому.

Из считанного числа экземпляров этой уникальной публикации пять хранятся в Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, один — в Государственном музее космонавтики. Этот, последний, побывал в космическом полете, что удостоверено на его обложке автографами советских и американских участников программы «Союз» — «Аполлон».

...Когда Юрий Алексеевич Гагарин встретился после своего полета с советскими и иностранными корреспондентами, его, естественно, спросили о том, было ли для него в космосе что-либо совершенно неожиданным? Ответ прозвучал быстрый и однозначный: «В книге К.Э.Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета, и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличались от его описания».

ПОЛОЖЕНІЕ
РАБОЧАГО КЛАССА
ВЪ РОССІИ.

№ 5254

НАБЛЮДЕНІЯ И ИСЛѢДОВАНІЯ

Н. ФЛЕРОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1869.

Вячеслав Калмыков

СПЯЩИЕ, ПРОСНИТЕСЬ!

Призывным набатом, раздавшимся неожиданно в тиши глубокой ночи: спящие, проснитесь! — так восприняли современники книгу Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России». Она оказала сильное влияние на революционных народников. Ее горячо обсуждали на нелегальных собраниях. С ней представители первых революционных кружков конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века собирались «идти в народ».

В чем же заключалась сила этой книги? Как вспоминал один из участников демократического движения тех лет О. В. Аптекман, «Положение...» обнажило сущность реформы 1861 года. «Впервые мы узнали доподлинно,— писал Аптекман,— что она действительно дала народу. И потрясающая картина народного разорения, обнищания, пауперизма встала перед нами... Молодежь была потрясена до глубины души».

А народник В. Рейнгард признавался, что именно под влиянием этой книги он начал вести в Петрозаводске пропаганду среди крестьян. На допросе Рейнгард говорил о том, какое впечатление произвела на него работа Флеровского: «Какими ужасными красками он обрисовал положение крестьян и положение всего вообще чернорабочего люда! Как искренно, как горячо сочувствовали мы им! Строили планы, перебирали все средства улучшить их настоящее положение; нам казалось, это нетрудно... стоило только возбудить в них недовольство».

Сам Флеровский в своей книге никаких революционных выводов не делал. Но факты, цифры и наблюдения, которые он приводил, говорили сами за себя. Не случайно передовая молодежь после прочитанного сама поднималась на борьбу. Не все взгляды автора, наверное, можно было принять. Но книга Флеровского одной из первых поставила народ в центр внимания всей мыслящей интеллигенции России.

В конце 60-х годов мало кто знал, что передовая молодежь во многом «питает» творчество бывшего юриста Василия Васильевича Берви (Н. Флеровский — его псевдоним). Лишь посвященным было известно и то, что молодежь сама издает труды своего кумира. Революционно настроенные студенты Петербургской Медико-Хирургической академии — создатели так называемого кружка «чайковцев» — были инициаторами знакомства с Флеровским. Произошло это в 1870 году. Флеровский только что освободился после двух арестов и ссылок от надзора полиции и поселился в двух с половиной часах езды от Петербурга на станции Любань Новгородской губернии.

Встреча помогла ему понять цели «чайковцев». Огромное значение члены этого кружка, созданного в 1869 году, придавали книжному делу. С этого, собственно, почти все и начиналось. Одни из основателей кружка В. Александров и М. Натансон,

Н.Флеровский. Положение рабочего класса в России Санкт-Петербург, 1869 г. Титульный лист книги

Царская цензура наложила запрет на многие прогрессивные издания конца XIX — начала XX века. Их тиражи были чуть ли не полностью уничтожены. До наших дней дошли считанные экземпляры многих уникальных изданий. Некоторые из них хранятся в Библиотеке.

будучи библиотекарями легальной студенческой библиотеки Медико-Хирургической академии, имели тесные связи с книгопродавцами, у которых нередко знакомились с литературой политического характера. Они решают организовать обсуждение сочинений передовой русской интеллигенции в своей, студенческой среде. Так возник «книжный кружок». На первых порах он содействовал развитию кружков самообразования и распространению демократической литературы в Петербурге, а затем и в других городах. А к началу семидесятого года «чайковцы» задумали наладить печатание книг.

Впрочем, вот что писал о встрече с «чайковцами» в своих воспоминаниях «Три политические системы», изданных в 1897 году в Лондоне, Н. Флеровский: «По приглашению молодежи я секретно приехал в Петербург, и на собрании в частной квартире мы решили, что они будут впредь издавать все мои сочинения. Так как первое издание „Положения рабочего класса“ было уже почти распродано, то они предложили мне сделать второе издание».

Н. Флеровский становился одним из идейных вдохновителей общественного движения в России на рубеже 60—70-х годов. Так считали сами народники. С. Л. Перовская, например, утверждала, что Флеровский — «прирожденный народный пропагандист и агитатор... Куда бы он ни явился — народ льнет к нему. У него много связей, много преданных в народе... Он полусерьезно, полусхутом считает себя первым революционером в России... Пожалуй, он имеет право на это... Он не засиделся среди интеллигенции и выбрал (отчасти, конечно, невольно) благую честь... народ, народную среду... Он предтеча наш... Он стоит на почве народных идеалов». А ведь Перовская, как известно, о людях судила чрезвычайно строго. Она редко о ком говорила в столь возвышенных тонах.

Второе издание «Положения рабочего класса в России» «чайковцы» осуществили через типографию Ф. С. Сушинского весной 1872 года. 20 мая книгу представили в Санкт-Петербургский цензурный комитет. Читать ее взялся цензор Н. А. Ратынский.

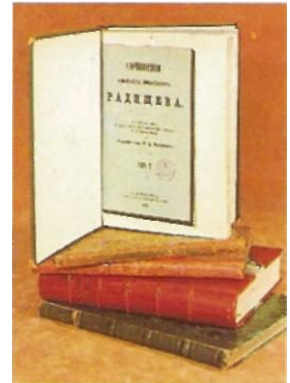
Цензор насторожило уже предисловие. В нем оговаривалось, что автору не удалось внести в данное издание все новые материалы, и поэтому некоторые главы так и остались без изменений. Флеровский отмечал, что все изменения можно будет «сделать при более благоприятных условиях». Этот-то намек и не понравился Ратынскому.

Цензор навел справки. Выяснилось, что первое издание «Положения рабочего класса в России» вышло всего три года назад и практически сразу же попало в каталог книг, запрещенных для публичных библиотек. Правда, это запрещение не помешало книге разойтись не только по крупным городам России, но и по столицам многих стран Европы. Дошла она и до Карла Маркса. 24 марта 1870 года Маркс писал членам комитета Русской секции I Интернационала: «Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника... Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века». В то же время Маркс от-

мечал в книге Н. Флеровского и черты, свойственные утопическому социализму. Вот почему новое издание «Положения...» Ратынский стал читать с особым вниманием. Начиная с сороковой страницы, цензор только тем и занимался, что отчеркивал на полях книги сомнительные, на его взгляд, места. Цензорские пометки обрушились на 52—54, 70, 74, 76, 131, 217, 233—244 и десятки других страниц.

В своем докладе Ратынский отмечал, что «положение рабочих изображено в книге Флеровского самыми мрачными крас-

ОГЛАВЛЕНИЕ.		СТР.
Предисловіе		1
Часть первая. Работникъ Сибири, сѣверной и пустынной Россіи.		
Глава I. Работникъ-бродяга		3
— II. Сибирскій земледѣлецъ		34
— III. Зауральскій рабочій		59
— IV. Положеніе работника на сѣверѣ		90
— V. Астраханская губернія. Національности		121
Часть вторая. Работникъ земледѣльческой Россіи.		
Глава I. Земледѣлецъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Вологодской губерніи		157
— II. Примѣры анархіи въ поземельныхъ отношеніяхъ		176
— III. Вліяніе помѣщичьихъ земель на благосостояніе Россіи		191
— IV. Земледѣлецъ степной полосѣ между Ураломъ и Волгою		222
— V. Земледѣлецъ черноземной полосѣ		250
Часть третья. Работникъ промышленной Россіи.		
Глава I. Работникъ прискаатель		281
— II. Горный рабочій		307
— III. Впечатлѣніе, которое производятъ промышленныя губерніи и данныя статистики		336
— IV. Фабричное и мелкое производство. Хожденіе на заработки		378
— V. Нравственное настроеніе работника въ промышленныхъ губерніяхъ и въ цивилизованной Европѣ. — Русскій пролетарій		403
Заключеніе		449

А. Радишев. Сочинения, т. I
Санкт-Петербург, 1872 г.

Особую ценность имеет так называемое ефремовское издание «Сочинений А.Н.Радишева», выпущенное в двух томах в 1872 г. Как известно, «Путешествие из Петербурга в Москву» было запрещено в России еще в 1790 г. по указу Екатерины II. Только в 1868 г. последовала отмена запрещения. Министр внутренних дел А.Е.Тимашев признал тогда знаменитое «Путешествие...» Радишева «интересным

Н.Флеровский. Положение рабочего класса в России
Санкт-Петербург, 1869 г.
Оглавление книги

ками; они выставляются жертвами эксплуатации хозяев-капиталистов, поземельных собственников и казны — там, где заводы казенные». Хозяева же «представляются погрязшими в роскоши и разврате тунеядцами, живущими за счет закабаленных ими рабочих, изнурительный труд которых не вознаграждается даже настолько, чтобы они имели возможность на получаемую

памятником языка и понятий того времени, бесполезным для истории отечественной литературы». Однако не прошло и пяти лет, как он же своей рукой подни-

плату пропитывать своих детей». В заключительной части доклада говорилось: «Дух крайнего социализма, которым она [книга] проникнута, и самая страстность и резкость изложения автора придает его сочинению характер скорей революционного памфлета, чем серьезного трактата о предметах политической экономии».

Уже через два дня после представления второго издания «Положения рабочего класса в России» в Цензурный комитет на книгу был наложен арест. Против Флеровского возбудили судебное преследование. В ход пошло «Уложение о наказаниях». Автор книги обвинялся сразу по трем статьям: 1035, 1036 и 1045.

Впрочем, Флеровскому к этому было не привыкать. Почти полгода назад Александр II выразил свое неудовольствие его «Азбукой социальных наук». Она печаталась в типографии В.Нусвальта, но фактически ее издателями являлись «чайковцы». «Азбука» и создавалась по их заказу.

Еще в 1870 году при встрече «чайковцы» попросили Флеровского взяться за книгу о революционной этике. Флеровский согласился. Меньше чем за год он написал две части. На примерах из истории европейских государств Флеровский показал процесс закабаления трудящихся, реакционную роль духовенства. «Азбука» доказывала, что рабство и насилие отнюдь не способствуют прогрессу человечества и что только общественные начала ведут к развитию цивилизации. А через двадцать лет была написана и третья часть этой книги.

Первого ноября 1871 года Александр II распорядился конфисковать «Азбуку». Но «чайковцы», предвидя отношение властей к «Азбуке», пошли на небольшую хитрость. Когда типография отпечатала весь тираж — а это две с половиной тысячи экземпляров, — они не стали спешить со сдачей книг в магазины. Книгопродавцам была отдана лишь самая малая толика — приблизительно восьмая часть. Основную часть тиража «чайковцы» разместили по студенческим квартирам. Властям удалось собрать и уничтожить всего 612 экземпляров.

Теперь же Цензурный комитет решил проявить оперативность и попытаться, не дожидаясь, когда высохнет типографская краска на втором издании «Положения...», сразу весь тираж пустить, что называется, под нож. Однако прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Половцов неожиданно отказался от обвинения в адрес книги Флеровского. Цензурный комитет воспринял этот отказ как личное оскорбление. Он стал добиваться права уничтожения книг сразу по соглашению с Комитетом министров без какого-либо суда и следствия. Представлять книгу Комитету министров взялся лично сам министр внутренних дел А.Е.Тимашев.

В своем представлении 7 декабря 1872 года министр, во многом опираясь на замечания цензора Н.А.Ратынского, писал: «Дух крайнего социализма, которым она [книга! проникнута, и самая страстность и резкость изложения придают этому сочинению характер скорее революционного памфлета, чем серьезного трактата о предметах политической экономии. Все приведенные в книге статистические данные, все рассуждения и выводы, в ней заключающиеся, имеют очевидно целью, во-первых, подорвать уважение как к системе личного владения,

А.Герцен. Письма из Франции и Италии
Лондон, 1855 г.

сала представление Комитету министров о запрещении сочинений писателя. 11 июня 1873 г. оба тома сочинений в количестве 1960 экз. из 2 тыс. выпущенных были уничтожены «посредством обращения в массу» на картонной фабрике Крылова.

По данным «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века», цензура в разное время наложившая запрет на десятки книг великого русского писателя и публициста А.И.Герцена. Особый интерес представляет книга «Колокол», которую составили избранные статьи Герцена за 1857—1867 гг. Ее в 1887 г. издала в Женеве группа распространения социальных зна-

охраняемого нашими законами, так и вообще к экономическим началам, принятым во всех благоустроенных государствах, и, во-вторых, возбудить ненависть одного класса граждан-работников и земледельцев — к другому — капиталистам и поземельным собственникам. Вред этой книги еще усиливается, если принять в соображение, что она есть оригинальное русское сочинение, имеющее предметом своим исключительно Россию, и что в подкрепление превратных учений, в ней изложенных, приводятся данные официальных изданий, каков Военно-статистический сборник. Это обстоятельство может послужить неопытным читателям, не знающим, как легко для предвзятой цели играть статистическими цифрами».

19 декабря 1872 года Комитет министров вынес постановление. Книгу запретили за «резкое и страстное, проникнутое учением крайнего социализма суждение об экономическом положении рабочего класса». Ее ждала участь «Азбуки социальных наук». 24 января 1873 года почти весь тираж второго издания «Положения...» — 2465 экземпляров — жандармы привезли на картонажную фабрику Крылова, где его истребили «посредством обращения в массу». Удалось спасти только 35 экземпляров. До наших дней дошло и того меньше. Один из уцелевших экземпляров сейчас находится в фондах Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина.

«Чайковцы» убеждались, что легально, без всяких ухищрений печатать в России литературу революционно-просветительского характера невозможно. А без книг они просто не мыслили широкой пропаганды в народе главных своих идей — общинного социализма и крестьянской революции. В январе 1871 года в Петербурге по инициативе «книжного кружка» прошел съезд делегатов студенческих организаций самообразования. Этот съезд показал, что уже нельзя ограничиваться в кружках лишь самообразованием, настала пора вести практическую работу в массах. Но для этого требовалась литература. Без книг «чайковцам» трудно было представить деятельность рабочих кружков, в которых слушателей предполагалось обязательно знакомить с русской историей и политической экономией. Считалось также, что без книг сложно будет налаживать и отношения непосредственно с крестьянскими массами.

В этих условиях у «чайковцев» появилась идея попробовать наладить издательское дело за рубежом. Ранней весной 1871 года было решено послать за границу доверенного человека. Выбор пал на студента Медико-Хирургической академии Виталия Александрова. Ему на первый раз поручили купить уже изданные за границей сочинения Чернышевского, приобрести шрифты и подготовить в Цюрихе выпуск первых книг. Для организации типографского и издательского дела Александрову дали две с половиной тысячи рублей.

Не стали «чайковцы» отказываться и от подготовки к печати книг в самой России. В их петербургском кружке был создан Литературный комитет, в который вошли П.А.Кропоткин, С.М.Кравчинский, Л.А.Тихомиров и Д.А.Клеменц.

Отбор и подготовка произведений к печати занимал у Литературного комитета немного времени. Не так уж много имевшихся тогда книг отвечало целям «чайковцев», доходчиво рас-

Н. Лесков. Собрание сочинений, т. 6
Санкт-Петербург, 1889 г.

В фондах Библиотеки хранится экземпляр с записью С.Торжевского на польском языке об истории издания сборника. Представляет значительный интерес и второе лондонское издание сборника Герцена «Письма из Франции и Италии» (1858), включающего статьи 1847—1852 гг. В Библиотеке имеется экземпляр этого издания с автографом автора.

В 1893 г. Главное управление по делам печати по требованию духовной цензуры настояло на уничтожении тиража шестого тома собрания сочинений Н.С.Лескова, выпущенного типографией А.С.Суворина в

сказывало человеку труда о прошлом страны и ее современном экономическом положении. Среди них особенно заинтересовала Литературный комитет драматическая хроника о Степане Разине, опубликованная в 1871 году в журнале «Вестник Европы» за подписью «Н.А.Вроцкий».

«Чайковцам» удалось узнать, что на самом деле автор хроники — поэт Александр Навроцкий. Чтобы хроника была понятна и крестьянским массам, Литературный комитет подверг ее некоторой переделке. Вышла она в 1872 году уже в виде

Н.Флеровский. Положение рабочего класса в России Санкт-Петербург, 1869 г. Страница книги

/889 г. Цензура усмотрела в произведениях, составивших этот том, дерзкий памфлет «на церковное управление в России и на растление нравов низшего духовенства». Экземпляр этого тома, хранящийся в Библиотеке, особенно ценен тем, что имеет авторскую запись Н.С.Лескова, содержащую резкую характеристику «Лампадоносцев», т. е. обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева, и начальника Главного управления по делам печати Б.М.Феоктистова.

220

РАБОТНИКЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ РОССИИ.

Что может быть естественнѣе подобнаго результата, какую помощь можетъ оказать наука тамъ, гдѣ у народа одною рукою отнимаютъ то, что ему даютъ другою; создавать товаръ и мѣшать въ тоже время появленію покупателей, это значитъ работать въ убытокъ, убивать ту отрасль производства, которую мы силится создать и распространить. Собственность, которая вырываетъ изъ рукъ работника большую часть его произведеній и дѣлаетъ его

Губерніи		Процентъ населенія, живущаго на частныхъ, помещичьихъ и удѣльныхъ земляхъ	Процентъ увеличенія населенія съ 1851 года по 1863 годъ	Число жителей въ губерніи, приходящее на одну квадратную милю	Количество безземельныхъ крестьянъ относительно всего пространства губерніи.
1.	Архангельская	20	21	20	64% ^a
2.	Астраханская	4	уменьшилась	94	93
3.	Бессарабская	меньше процента	50	1,619	2
4.	Владимирская	64	4	1,415	4
5.	Вологодская	34	13	135	4
6.	Воронежская	26	20	1,600	12
7.	Вятская	13	19	852	3
8.	Екатеринбургская	31	34	983	19
9.	Войско Донское	30	20	338	10
10.	Казанская	15	20	1,440	7
11.	Калужская	64	2	1,720	10
12.	Костромская	69	5	741	8
13.	Курляндская	58	6	1,166	28
14.	Курская	40	10	2,228	14
15.	Лифляндская	72	12	1,120	18
16.	Московская	51	14	2,598	12
17.	Нижегородская	64	14	1,392	5
18.	Новгородская	62	14	481	20
19.	Олонекская	23	13	125	16
20.	Оренбургская	20	8	384	44
21.	Орловская	53	9	1,785	12
22.	Пензенская	40	12	1,711	7
23.	Пермская	41	23	353	8
24.	Полтавская	37	16	2,117	16
25.	Псковская	59	9	901	10
26.	Рязанская	55	9	1,864	12
27.	Самарская	30	28	584	56
28.	Саратовская	51	17	1,137	18
29.	Сибирская	82	15	1,340	11
30.	Смоленская	69	6	1,117	10
31.	Таврическая	6	уменьшилась	548	27
32.	Тамбовская	40	19	1,643	10
33.	Тверская	54	11	1,311	14
34.	Тульская	70	5	2,069	10
35.	Харьковская	41	17	1,610	11
36.	Херсонская	41	50	1,018	15
37.	Черниговская	37	9	1,514	14
38.	Ветляндская	87	8	872	39
39.	Ярославская	57	3	1,561	11

анонимной брошюры. «Чайковцы» не стали подвергать риску автора. Изменили они и название. Брошюра называлась так: «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин». На 69—71 страницах издатели опубликовали стихотворение Навроцкого «Есть на Волге утес», ставшее затем народной песней. А напечатали брошюру «чайковцы» в своей женеvской типографии, однако в выходных данных место издания указывать не стали. Это была первая нелегальная пропагандистская брошюра для народа, выпущенная «чайковцами». Книгой о Разине они предполагали начать издание целой серии брошюр о крестьянских восстаниях.

Гораздо труднее было Литературному комитету решить другую проблему — создать своими силами совершенно особые брошюры, специально рассчитанные на чтение рабочими и крестьянами. Кравчинский, например, считал, что в изданиях «чайковцев» необходимо основные проблемы революции и социализма излагать просто и понятно, учитывая, что главный их читатель малоразвит и малограмотен. Особо Кравчинский обращал внимание на то, что все брошюры должны быть написаны в занимательной форме и доходчивым языком. Убежден он был и в том, что книги для народа должны преследовать, помимо агитационных, и чисто познавательные цели.

А вот что писал в своих мемуарах «Три политические системы» Н.Флеровский: «Одни [рабочие] стояли, так сказать, на уровне сказки, для них и писались сказки... Другие с первого приема презирали сказки и всякое беллетристическое изложение, они прямо требовали серьезного чтения, серьезных знаний и идей... Из последних скоро стали вырабатываться ораторы, люди мысли и дела».

Но первых, кому требовались сказки и беллетристика, было больше. Члены Литературного комитета сами составляли брошюры для народа. Например, Л.Тихомиров уже в 1873 году подготовил очерк о Пугачеве (конец к нему дописал П.Кропоткин). Книга, изданная под названием «Емельян Иванович Пугачев, или Бунт 1773 года», продолжила серию «чайковцев» о крестьянских восстаниях. А С.Кравчинский в 1874 году написал «Сказку о копейке» (также выпущенную в зарубежной типографии «чайковцев») о бесправном положении русского крестьянина, обязанного заработанную тяжелым трудом копейку отдавать своему хозяину.

Типография «чайковцев» была переведена Александровым весной 1872 года из Цюриха в Женеву. Но до Петербурга все чаще доходили слухи, будто он не слишком отягощен типографскими заботами. Для проверки «чайковцы» послали в Женеву своих представителей. Слухи подтвердились. Никакого отчета о расходовании выданных ему средств Александров не дал. В начале 1873 года типография была передана Л.Б.Гольденбергу, который продолжил печатание книг.

«Чайковцам» было ясно, что на книги, изданные за границей и не прошедшие цензуру, может быть наложен арест. Тогда издатели на книгах стали печатать вымышленные выходные данные. Например, на брошюре «Емельян Иванович Пугачев, или Бунт 1773 года» на обороте титульного листа было указано: «Дозволено цензурой. Москва, 2 мая 1871».

Л.Толстой. Жизнь и учение Иисуса. 1900 г.

Постоянно подвергались цензурным преследованиям и сочинения Л.Н.Толстого. Так, власти наложили запрет на брошюру «Жизнь и учение Иисуса» (1900 г.). В фонде Библиотеки имеется экземпляр брошюры, принадлежавший П.А.Кропоткину, с его замечаниями.

Для усыпления бдительности жандармов «чайковцы» часто помещали в своих изданиях и ложные сведения о том, что та или иная книга выходит вторым или третьим изданием. Вымышленные указывались на титуле и типографии. Как правило, в выходных данных сообщалось, что книги печатались в московских типографиях, на самом деле они выходили в Цюрихе или Женеве.

Одно из таких изданий — «Сборник новых песен и стихов». В выходных данных читаем: «Издание пятое. Москва, отпеча-

К. Каутский. Очерк политической экономии. По учениям новейших экономистов. 1897 г.

Естественно, особенно ревностно цензура отнестись к сочинениям, в которых содержалась критика экономической системы буржуазного общества. Об этом свидетельствует судьба книги Карла Каутского «Очерк политической экономии». Ее издал Ф. Павленков в 1897 г. За безобидным названием читателю представлял перевод сочинения Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», приспособленный к условиям царской цензуры. Так, имя Маркса в книге ни разу не упоминалось. Тем не менее 20 мая 1897 г. Комитет министров издание запретило. Библиотека хранит экземпляр как раз с пометками цензора.

Въ городахъ Вологодской губернии, по двухлѣтней сложности 1863 и 1864 годовъ, оказалось всюду безъ исключенія уменьшеніе населенія; въ трехъ городахъ: Вологдѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ воздержаніе сравнялось съ воздержаніемъ англійскихъ графствъ, зато же уменьшеніе населенія было такое страшное, что въ Устюгѣ было на 33%⁰, а въ Вологдѣ на 25%⁰ болѣе умершихъ. Въ половинѣ ярославскихъ городовъ, т. е. изъ десяти въ пяти, число рожденій было такое же, какъ въ англійскихъ графствахъ, зато же въ трехъ населеніе уменьшилось, ни въ одномъ изъ уѣздовъ не замѣтно было подобнаго воздержанія и ни въ одномъ населеніи не уменьшилось. Еслибы городъ Никольскъ отличался англійскимъ воздержаніемъ, то въ теченіе 1863 и 1864

въ Лондонѣ холостыхъ и вдовыхъ въ 1851 г. считалось 233,921, женатыхъ 396,624 мужины старше двадцати лѣтъ; въ Ланкастерѣ хол. и вд. 203,927, женат. 335,148; въ Йоркширѣ хол. и вд. 174,229, женат. 298,984; въ Глоустерѣ и Монмутѣ хол. и вд. 60,982, женат. 98,782; въ Буестерѣ, Варвика, Портгамтона, Бедеордѣ, Оксфордѣ, Бовингампѣ, Салопѣ хол. и вд. 156,832, женат. 277,399; въ Девонѣ и Корнваллѣ хол. и вд. 83,410, женат. 147,135; въ Соссексѣ, Гампширѣ и Вилтѣ хол. и вд. 100,957, женат. 158,648; въ Ливольнѣ, Дерби, Ноттингамѣ и Лейстерѣ хол. и вд. 114,334, женат. 201,088, въ Стывордѣ и Честерѣ хол. и вд. 102,394, женат. 176,718; въ Сомерсетѣ и Дорсетѣ хол. и вд. 55,108, женат. 103,734; въ Нортумберландѣ, Дорамѣ, Комберландѣ и Вестморландѣ хол. и вд. 103,665, женат. 151,995; въ Кембриджѣ, Норфолькѣ, Соффолькѣ и Десексѣ хол. и вд. 120,784, женат. 221,608.

Въ тридцати семи губерніяхъ Европейской Россіи въ 1863 г. приходилось:

	На одного рождающаго- ся жителей		На одного рождающаго- ся жителей		На одного рождающаго- ся жителей
1. Архангельской	21	2. Астраханской	22	3. Бессарабской	24
4. Владимирской	18	5. Вологодской	24	6. Воронежской	18
7. Вятской	20	8. З. Войска Донск.	19	9. Екатеринбургск.	19
10. Казанской	21	11. Калужской	21	12. Костромской	21
13. Курской	19	14. Нижегородской	18	15. Московской	20
16. Новгородской	21	17. Олончской	20	18. Оренбургской	17
19. Орловской	18	20. Пензенской	19	21. Пермской	19
22. Петербургской	23	23. Подольской	20	24. Псковской	19
25. Рязанской	19	26. Самарской	16	27. Саратовской	16
28. Сибирской	19	29. Смоленской	18	30. Таирчской	19
31. Тамбовской	20	32. Тверской	21	33. Тульской	17
34. Харьковской	19	35. Херсонской	19	36. Черниговской	18
37. Ярославской	22				

При сравненіи двадцати губерній, въ которыхъ всего болѣе и всего менѣе было рожденій, оказывается:

Губернія, гдѣ всего болѣе было рожденій	Процентъ рождающихся надъ умерш. 67% ⁰ 50% ⁰	Губернія, гдѣ всего менѣе было рожденій	По списку этому означено, что населеніе увеличилось, такъ какъ, утѣ было больше рожденій, и что наименѣе оно имѣло убавленій.
1. Саратовская	67% ⁰ 50% ⁰	Астраханская 1	
2. Самарская	47 48	Бессарабская 2	
3. Черниговская	40 31	Казанская 3	
4. Оренбургская	33 27	Калужская 4	
5. Владимирская	28 22	Новгородская 5	
6. Смоленская	27 20	Архангельская 6	
7. Орловская	25 13	Костромская 7	
8. Тульская	25 9	Тверская 8	
9. Нижегородская	16 2	Вологодская 9	
10. Воронежская	10 умерш. болѣе	Ярославская 10	

Вотъ сравненіе между ярославскими городами и селеніями за 1861 годъ:

тано в типографии Борисова. 1873». Для убедительности на обороте титульного листа издатели сделали ложную помету: «Дозволено цензурой. Москва, апреля 14-го дня, 1873 г.». А фактически сборник печатался в женевской типографии «чайковцев».

Для нас эта книга ценна еще и тем, что она написана в основном участниками революционного движения 70-х годов. Из включенных в сборник пятнадцати стихотворений семь принадлежит перу «чайковцев». Среди авторов есть и член Литера-

Н.Флеровский. Положение рабочего класса в России Санкт-Петербург, 1869 г. Страницы книги

Представляет интерес гектографированное издание «Манифеста Коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса в переводе Г.В.Плеханова, с предисловием авторов к русскому изданию 1882 г. Отпечатанное на копировально-множительном аппарате небольшим тиражом (как правило, тираж таких изданий не превышает 100 экз.), оно представляет большую редкость. Один экземпляр (из собрания В.А.Десницкого) находится в Библиотеке.

ПРОМЫШЛЕННЫЯ ГУБЕРНИИ И ДАННЫЯ СТАТИСТИКИ. 37

г. въ немъ вымерла бы, можетъ быть, четвертая часть жителей. Въ Кунгурѣ перевѣсъ умершихъ въ 1861 году составлялъ 29%, хотя тамъ приходилось одно рожденіе на девятнадцать жителей, а Екатеринбургъ и Пермь спаслись отъ уменьшенія населенія только тѣмъ, что тамъ было одно рожденіе на семнадцать жителей, при этомъ въ Пермь населеніе даже не увеличилось. Изъ всѣхъ сравниваемыхъ нами губерній только въ одной Бессарабской области въ 1863 г. былъ значительный перевѣсъ рождающихся надъ умершими, хотя тамъ приходилось только одно рожденіе на двадцать четыре че-

Название городовъ	На одного рождающагося приходилось жителей	Перевѣсъ рождающихся надъ умершими	На одного рождающагося приходилось жителей	Название уездовъ	
1. Молога	15	43%	37%	19	Мышкинскій 1
2. Любимъ	27	40	33	21	Углицкій 2
3. Мышкинъ	17	35	32	19	Ростовскій 3
4. Ром.-Борисоглабскъ	25	28	31	17	Модовскій 4
5. Ростовъ	25	18	29	18	Ярославскій 5
6. Ярославль	21	16	22	22	Рыбинскій 6
7. Угличъ	23	6	19	21	Ром.-Борисоглабскій 7
8. Пошехонскъ	23	18	22	21	Даниловскій 8
9. Рыбинскій	28	болѣе ро- дилось	17	22	Пошехонскій 9
10. Даниловъ	40	лишился	8	22	Любимскій 10

Вотъ свѣдѣнія о рождающихся въ 1861 году въ городахъ Пермской губерніи:

Название городовъ	На одного рождающагося приходилось жителей	Перевѣсъ рождающихся надъ умершими	Название городовъ	На одного рождающагося приходилось жителей	Перевѣсъ умершихъ надъ рождающихся
1. Пермь	17	0,6%	1. Кунгуръ	19	29%
2. Екатеринбургъ	17	15	2. Верхотурье	24	20
3. Алашскій	17	24	3. Оханскъ	15	50
4. Ирбитъ	16	5	4. Соликамскъ	11	15
5. Камышловъ	17	15			перевѣсъ рож- дающихся надъ умершими
6. Оса	32	40	9. Шадринскъ	13	6%
7. Дедюхинъ	26	0,1	10. Далматовъ	17	34
8. Чердынь	18	11	11. Красноуфимскъ	22	15

Свѣдѣнія о рождающихся въ городахъ Вологодской губерніи по двухлѣтней сложности 1863 и 1864 годовъ:

Название городовъ	На одного рождающагося приходилось жителей	Перевѣсъ умершихъ надъ рождающихся	Название городовъ	На одного рождающагося приходилось жителей	Перевѣсъ умершихъ надъ рождающихся
1. Вологда	27	25%	6. Вельскъ	24	1%
2. Устюгъ	35	33	7. Тотма	13	22
3. Соликамскъ	38	22	8. Никольскъ	7	8
4. Грязовецъ	17	5	9. Яренскъ	17	9
5. Кадниковъ	19	11	10. Устьемосольскъ	16	8

Въ Никольскѣ въ 1864 году считалось жителей 1706 челов., умерло 183, родилось 234 челов., въ 1863 г. умерло 307, родилось 221 челов. Относительно свѣдѣній о количествѣ рождающихся и умершихъ въ малыхъ городахъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ приходимъ городскихъ церквей иногда принадлежать окрестныя селенія и это дѣлаетъ свѣдѣнія объ отношеніи рождающихся и умершихъ къ числу жителей невѣрными.

турного комитета петербургского кружка «чайковцев» — Д.Клеменц. А самим «чайковцам» сборник был дорог потому, что на страницах 11—15 удалось поместить «Железную дорогу» Некрасова и другие стихи их любимого поэта.

Женевская типография наращивала мощности. Но не все выпускаемые ею издания доходили до России. Сказывались огромные расстояния, трудности, связанные с доставкой нелегальной литературы через границу.

А потребность в книгах революционного и просветительского характера резко увеличилась. «Чайковцы» заметно окрепли. С 1869 по 1873 годы им удалось в различных городах Российской Империи создать свои кружки и начать плодотворную пропаганду среди рабочих. С осени 1873 года передовая молодежь начала готовиться к массовому «хождению в народ». Многие руководители революционных кружков стали предлагать возобновить попытки печатания нелегальной литературы в центральных районах России.

Одним из первых взялся за это дело Ипполит Никитич Мышкин. Выходец из народа (мать его — бывшая крепостная, а отец — николаевский солдат), он учился в школе военных писарей. Закончив школу, Мышкин смог определиться в Петербургское военное училище. Там он в совершенстве овладел типографией и стенографией, что позднее пригодилось ему в типографском деле. В 1864 году началась его служба в войсках. Но офицерская карьера Мышкина уже не прельщала, слишком часто он сталкивался в армии с беззаконием и офицерским произволом. Через шесть лет ему удалось выйти в отставку. Благодаря своим недюжинным способностям и огромному трудолюбию он сумел скопить деньги и совместно с Э.Вильде открыть в 1873 году в Москве на Тверском бульваре небольшую типографию.

В числе первых книг Мышкин хотел выпустить сборник о деле Енкен. О нем тогда шумела почти вся российская пресса. А суть дела была такова. Жена сына провизора Енкен допустила самоуправство по отношению к своей прислуге Ульяновой, выгнав ее из дома. Прислуга подала жалобу мировому судье. Надежд на решение дела в пользу прислуги было мало. И вдруг судья признал Енкен виновной. Теперь оскорбилась Енкен, подав жалобу мировому съезду. И пошла тяжба. Этим делом заинтересовались «Московские ведомости» М.Н.Каткова. «Московские ведомости» обрушились на мирового судью. «Отечественные записки» возмутились акцией «Московских ведомостей». Пресса развернула целую дискуссию о том, кто прав и виноват. В полемику вступили «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Новое время», «Биржевые ведомости» и другие издания.

Мышкин собрал все публикации по делу Енкен и составил сборник «Об отношениях господ к прислуге и о мировом институте». В подготовленных им материалах явно проскальзывало сочувствие мировому судье, попытавшемуся осудить произвол.

В предисловии к сборнику Мышкин, рассказывая о цели издания, писал: «В 320-м № „Московских ведомостей“ за 1873 г. напечатана статья по поводу разбирательства у одного из московских мировых судей дела по обвинению г. Енкен в оскорблении своей горничной. Эта статья, в которой „Москов-

Первая попытка легального издания в России избранных произведений В.И.Ленина была предпринята в 1907 г. (на обложке первого тома указан 1908 г.). Том вышел в издательстве «Зерно» под названием «За 12 лет». В сборник вошли: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Земская кампания и план „Искры“», «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Вскоре после выхода в свет сборник был конфискован, но значительную часть тиража удалось спасти, и книга продолжала распространяться нелегально.

ские ведомости" коснулись двух весьма важных вопросов об отношениях господ к прислуге и о мировом институте, — вызвала такую бурю в русской печати, какой уже давно не возбуждали статьи московской университетской газеты. Я счел не бесполезным сгруппировать и издать в одной брошюре отзывы русской печати по поводу этой статьи, чтобы дать читающей публике возможность, сопоставив эти отзывы, решить, на чьей стороне правда и на чьей — ложь, кто друг и кто враг общества». Мышкин хотел, чтобы книга была издана по очень низкой цене и дошла до масс.

У цензоров рукопись сборника вызвала большие возражения. Московским цензурным комитетом книга была запрещена, а сама рукопись на основании статьи 71 устава цензуры — задержана. Но это не остановило Мышкина. Он решил книгу все же печатать. На четвертой странице обложки сборника Мышкин поместил, что книга «Об отношениях господ к прислуге и о мировом институте» якобы цензурой дозволена, и даже поставил дату — 9 января 1874 года, хотя цензура ему выдала разрешение только для публикации объявлений о продаже напечатанных в его же типографии различных брошюр.

Но этот трюк с грифом «Дозволено цензурой» вскоре был разоблачен: в цензуру поступил донос. Сборник, как и следовало ожидать, вызвал у властей приступ ярости. Они усмотрели в материалах книги революционную направленность.

Цензура отмечала: «Книга Мышкина имеет целью: 1. Группировкой статей произвести на читателя сильнейшее впечатление, 2. Пропагандировать уравнивание прав и отношение двух классов и 3. Вселить в читателей недоверие к мировому институту».

Прочитав сообщения цензоров, министр внутренних дел А.Е.Тимашев приказал немедленно книгу задержать «по вредному направлению». Но окончательно судьбу сборника решал Комитет министров. Приговор был самый суровый: за «возбуждение прислуги против нанимателей и пропаганду враждебности низших классов к высшим» книгу запретить. Собрав несброшюрованные листы книги в девять пачек, полицейские чиновники доставили «революционный груз» в Басманную часть, где предали его сожжению. Сохранилось, как утверждают документы, всего семь экземпляров книги «Об отношениях господ к прислуге и о мировом институте». Один из них попал в собрание известного артиста Н.П.Смирнова-Сокольского, являющееся сейчас частью фондов Библиотеки им В.И.Ленина. На этом экземпляре сохранилось два штампа: «Величайшая редкость» и «Книга, отпечатанная без предв. цензуры в колич. ... экз., но до выхода в свет уничтоженная и к переизданию, по цензурным условиям, воспрещенная».

Акция властей повлияла на дальнейшую судьбу Мышкина. Позже, в ноябре 1876 года, находясь после ареста в Петропавловской крепости, он в своем заявлении товарищу обер-прокурора Сената В.А.Желеховскому писал: «Если даже распространение подобных взглядов, удостоившихся уже санкции законодателя, признается вредным, то, разумеется, не остается ничего более, как отказаться от всяких попыток действовать на легальном пути и вступать на путь нелегальной деятельности».

А в 1877 году во время известного «процесса 193-х» И.Мышкин на заседании Особого присутствия правительствующего Сената, отвечая на вопрос — признает ли он себя виновным в составлении, печатании и рассылке сочинений, «по содержанию своему направленных к явному возбуждению и неповиновению власти верховной», — прямо заявил: «Я признаю, что считал своей обязанностью в качестве содержания типографии печатать и распространять книги [запрещенные правительством], и прошу позволить мне объяснить причины, которые побудили меня совершить это. Мысль о печатании этих книг созрела во мне постепенно, уже давно, и только в 1874 году я решился привести ее в исполнение, потому что окончательно убедился, что печать наша находится в безнадежно жалком положении, не соответствует ни массе (потребностям народа), ни интеллигенции. У нас каждый неподкрашенный рассказ из жизни русского народа (трудящегося люда), освещающий его страдания, каждая статья, указывающая на язвы в организме народной жизни (на русском государственном и общественном организме), все это воспрещено и строго преследуется».

Вот почему сразу же после наложения ареста на еще несброшюванный сборник «Об отношениях господ к прислуге и о мировом институте», отделившись от компаньона и открыв на Арбате собственную типографию, Мышкин взялся за выпуск нелегальной литературы. Он знал, как ждут эти издания товарищи по борьбе. Но еще больше, верил Мышкин, эти книги нужны простому народу. Он был убежден в успехе книг, которые собирался нелегально печатать в своей типографии, среди рабочих и крестьянских масс: «Может быть, в подпольной печати и встречаются произведения незрелые, недодуманные, но, во всяком случае, она стремится разрешить текущие жизненные вопросы, в ней читатель находит искренние советы, честные мысли, в которых он не имеет никакого повода заподозрить ни лакейства, ни продажности, ни двусмысленности».

О том, как и что конкретно собирался печатать Мышкин в своей типографии, свидетельствуют документы. В архивах сохранился доклад III отделения Александру II о деятельности братьев Аркадакских (они помогли Мышкину в выпуске книг) и о печатании нелегальной литературы в типографии Мышкина. Авторы доклада сообщали, что с Войнаральским (в основном на его средства Мышкин печатал запрещенную литературу) К.Аркадакский познакомился у Мышкина и потом принял предложение их обоих помогать изданию запрещенных книг. Прежде всего, как известно Аркадакскому, в типографии Мышкина началось печатание «Истории одного французского крестьянина», рукопись которой он получил для прочтения от Мышкина еще в 20 числах апреля 1874 г.; затем началось печатание брошюр из первого тома и всего второго тома сочинений Лассаля. Тогда же, сообщалось в докладе, была получена откуда-то по почте брошюра в лист, без оглавления, весьма резко, хотя и без связи, развивающая историю крепостного права, бунты Разина и Пугачева и эксплуатацию рабочих фабрикантами, также отпечатанная одновременно с выдержками из журнала «Вперед» (видимо, речь идет о брошюре «Что-то, братцы», которая печаталась в типографии Мышкина).

Была продумана и технология выпуска книг. Набор осуществляла в основном конспиративная «женская наборная». В ней работали Е.Ф.Ермолаева, Е.И. и Ю.И.Прушакевич, Е.В.Супинская и другие. Почти все они в 1873 году приехали учиться в Москву из Архангельска. К выпуску нелегальной литературы их привлек Мышкин. Брошюровали отпечатанные листы К.Аркадакский и Л.Г.Заруднева. «К ней, — как свидетельствует доклад III отделения Александру II, — он [Аркадакский] в половине мая принес из типографии Мышкина большую кипу отпечатанных листов, завернутых в одеяло, такие же листы носил к ней и Мышкин, и сама она приходила за ними в типографию. Отпечатанные и сброшюрованные листы упаковывались в ящики и отправлялись в разные города империи как из его квартиры, так и из самой типографии».

В этом докладе сказано также, что в брошюровальне Аркадакского упаковывались, в частности, ящики со вторым томом сочинений Лассаля. Отправлялись книги в основном в Петербург, Пензу и Саратов. Любопытна, например, такая строка из доклада жандармов: «Для Пензы было упаковано 100 экземпляров „Истории одного французского крестьянина“».

Как видим, в докладе фигурируют названия брошюр, которые нелегально печатал в своей типографии Мышкин. На основании этих названий можно предположить, что Мышкин занимался в основном переизданием книг «чайковцев». Вот, скажем, судьба издания «Истории одного французского крестьянина». Мышкин предполагал назвать эту книгу несколько иначе: «История одного из многострадальных».

«Чайковцы» за основу своей брошюры взяли роман французских литераторов Э.Эркмана и А.Шатриана «История крестьянина», а если быть более точным — русский перевод, выполненный писательницей М.Вовчок (первый том издан в 1870 году, второй — в 1872). Французские литераторы обращались к эпохе Великой французской революции, к событиям, так волновавшим умы всей передовой молодежи. А построен роман был в форме воспоминаний старого крестьянина, который встретил 1789 год совсем еще мальчишкой, но на всю жизнь запомнил, как развивались революционные события. Оригинал занимал почти тысячу страниц. Крестьянам осилить такой объем было бы, конечно, нелегко. «Чайковцы» решили сократить текст романа и усилить в нем идеи, близкие русскому крестьянству. Переделанный роман они в 1873 году выпустили в своей женовской типографии под названием «История одного французского крестьянина», сопроводив подзаголовком: «Книга сия написана французским крестьянином в знак братской любви к русским крестьянам».

К сожалению, Мышкину довести переиздание этой книги до конца не удалось. Он только осуществил набор текста. Затем почти все набранные листы были перевезены в Саратов, где его товарищи собирались брошюровать книгу в созданной специально для этих целей фиктивной сапожной мастерской И.Пельконена. А уж из мастерской планировалось наладить распространение нелегальной литературы по районам Поволжья. Однако в сапожную мастерскую неожиданно нагрянула с обыском полиция. Она быстро нашла напечатанные листы «Истории...». Листы эти были забраны и впоследствии

уничтожены. От Саратовской мастерской след привел полицию и в московскую типографию. Но Мышкин тогда успел скрыться.

Позже, в 1877 году, на «процессе 193-х», Мышкина пытались обвинить в том, что он выпускал книги, проповедовавшие невежество. На это Мышкин ответил: «Нас обвиняют, что будто мы возводим невежество в идеал. Я считаю это клеветой, и опровергнуть эту клевету мне не стоит труда: кого скорее можно считать невежественными — тех ли, кто печатает, например, книги Лассаля, или тех, кто их сжигает?» Вопрос не в бровь,

---

Н.Касаткин. Решение

а в глаз.

Немного изданий выпустил Мышкин. Но он был убежден, что это только начало. Через два года после разгрома московской типографии, находясь в Петропавловской крепости, он напишет: «Ссылка нескольких десятков и даже сотен человек на поселение... не остановит успехов подпольной печати, а приучит только к хитрости, к осторожности...»

Так оно и оказалось. Мы знаем, что на рубеже 70—80-х годов нелегальные типографии различных групп, кружков и организаций народнического направления были созданы в Петербурге, Минске, Новочеркасске, Таганроге, Туле и других городах. Очень точную характеристику этого периода дал видный революционер-народник С.М.Степняк-Кравчинский. Он писал: «Устроить тайную типографию, дать свободной мысли, борющейся против деспотизма, такое могучее орудие, как печатный станок,— это было страстным желанием всех организаций, лишь только они чувствовали себя в силах предпринимать что-нибудь серьезное». А самое главное — книги, презирая царский террор и запрещения цензуры, которая, по самым скромным подсчетам историков, покушалась почти на двести названий печатных изданий, вышедших в XIX веке, и на 2300 названий 1905—1917 годов выпуска, продолжали пробивать себе дорогу, рваться к своему читателю.

Да, цензура сделала свое дело. Многие прекрасные издания дошли до нас буквально в считанных экземплярах. Некоторые из них хранятся теперь только в фондах главной библиотеки страны — Библиотеки им. В.И.Ленина. Но мысли, заложенные в этих книгах, остались в сознании миллионов людей, поднимая их на борьбу за справедливость.

ВЪ ПОЛЗУ СОЮЗА УВѢЧИХЪ ВОИНОВЪ БОРИСОГЛѢБ-
СКАГО УѢЗДА.

Выставка Декабристовъ

Первыхъ Борцовъ

за Свободу.

КАТАЛОГЪ.

Борисоглѣбскъ. Апрель 1918 г.

Евграф Кончин

СУДЬБА ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина хранится, возможно, единственный сохранившийся до наших дней экземпляр удивительного издания — каталога «Выставки декабристов», устроенной весной 1918 года в небольшом уездном городке Борисоглебске Тамбовской губернии (ныне Воронежская область). Ценность, а точнее — бесценность этой книжечки не только в том, что она уникальна в полном смысле этого слова, но и в том, что связана она с историей спасения в годы гражданской войны замечательной исторической и художественной коллекции, с героизмом и самоотверженностью музейных и библиотечных работников, с риском для жизни сохранивших ее и доставивших в Румянцевский музей. Экспонаты этой коллекции не только обогатили Библиотеку им. В.И.Ленина и до сего времени являются одной из удивительных ее редкостей, но и украшают ряд крупнейших музеев страны.

Осторожно я беру в руки эту тоненькую двадцатистраничную книжечку в серой обложке. С волнением читаю надписи на ней: «В пользу Союза увечных воинов Борисоглебского уезда. Выставка декабристов, первых борцов за свободу. Каталог. Борисоглебск. Апрель 1918 г.». Каталог предпослано небольшое предисловие: «Настоящая выставка вызвана желанием использовать в виде общественного интереса тот богатый и разнообразный материал истории декабристов, который по счастливой случайности находится в Борисоглебском уезде. Это первая в России „Выставка декабристов“. Да послужит она назиданием для тех, кому дороги настоящие и будущие судьбы нашей Родины. Она знакомит народ с одной из самых трогательных страниц русского революционного движения и послужит посильной данью уважения первым в России борцам за свободу».

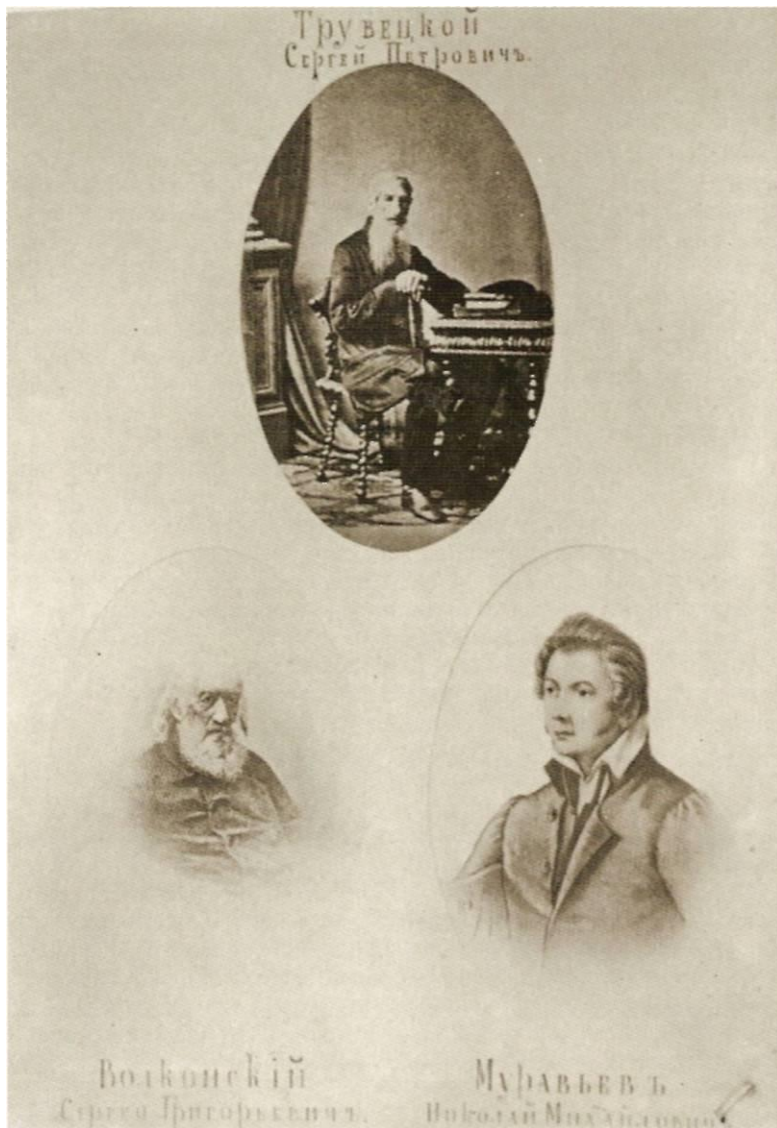
Действительно, это была *первая в России* выставка, посвященная декабристам. И состоялась она не в Петрограде, не в Москве, не в ином большом российском городе, а в уездном городке Борисоглебске! Почему именно здесь? И что означает «счастливая случайность», указанная в каталоге? Правда, я бы не назвал это случайностью. Дело в том, что близ Борисоглебска располагалось имение Волконских — Павловка. Его последним владельцем был Сергей Михайлович Волконский, внук декабриста Сергея Григорьевича Волконского. Он чтит память своего славного деда, его соратников по восстанию на Сенатской площади. Собирал о них и бережно хранил книги, рукописи, картины, гравюры, акварели, рисунки. Во флигеле усадьбного дома — задолго до революции — устроил своеобразный «Музей декабристов».

Выставка декабристов,
первых борцов за свободу
Каталог. Борисоглебск,
1918 г. Обложка книги

Осенью 1917 года имение национализировали, поэтому Сергей Михайлович перевез свой музей в Борисоглебск и разместил его, уже как «Выставку декабристов», в нескольких залах библиотеки Народного дома. Экспозиция состояла из четырех разделов: «До Сибири», «Сибирь», «Официальная Россия», «Возвращение». Вскоре в местной типографии был издан каталог в количестве двухсот экземпляров. Ныне известен лишь один — тот, с которого я и начал рассказ.

Вскоре Волконский покинул Борисоглебск и уехал в Москву.

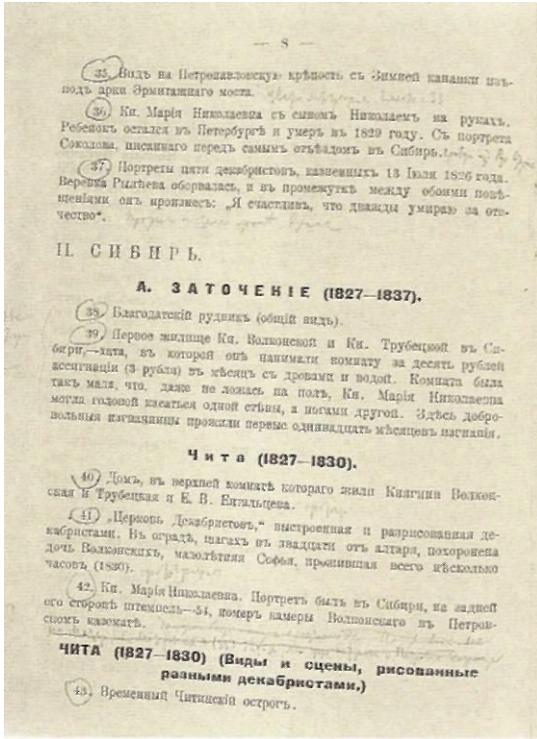
Портреты декабристов
С.П.Трубецкого, С.Г.Волконского и Н.М.Муравьева

Выставку закрыли, ее экспонаты передали школьному музею. Дальше события разворачивались так. 12 сентября 1918 года из Борисоглебской ЧК в Москву на имя Председателя Совнаркома В.И.Ленина пришло письмо. В нем говорилось:

«Глубокоуважаемому Товарищу, вождю русской революции В.И. Ленину.

В архиве кн. Волконских, потомков декабриста кн. Волконского, обнаружено много исторических документов, среди которых особо важные: 2 подлинника за подписью Робеспьера и Бонапарта, таковые при сем и препровождаются Вам, так как мы затрудняемся решить, в какое из научных учреждений эти документы направить. Много документов из русской истории переданы местной библиотеке при Коммунистическом клубе,

Выставка декабристов, первых борцов за свободу. Каталог. Борисоглебск, 1918 г. Страница книги

некоторые, чисто семейного характера, оставлены Волконским.

Просим Ваших указаний, не следует ли все документы передать в исторические музеи Петрограда или Москвы.

Пользуемся случаем, выражаем горячее пожелание скорейшего выздоровления для блага республики.

С товарищеским приветом.

Товарищ председателя Чрезвычайной комиссии (Артамонов).

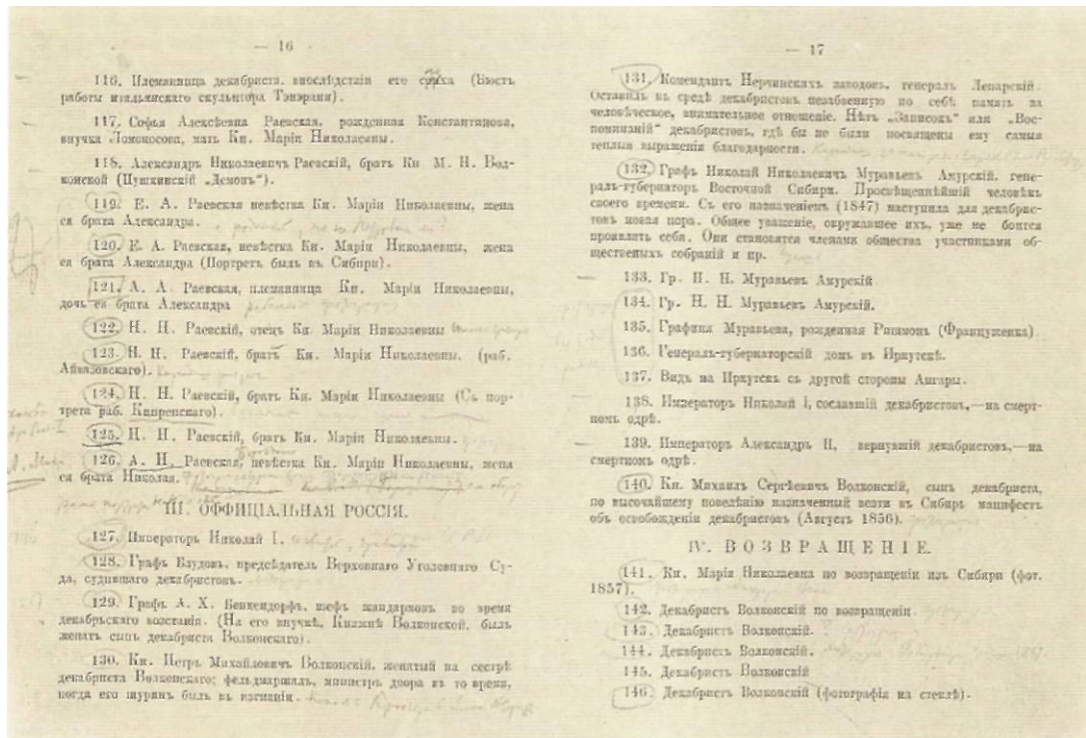
Секретарь (М.Кальвин).

г. Борисоглебск, Тамбовской губернии».

Сразу уточняю, в этом и других документах имеются в виду архив Волконских, находившийся в борисоглебском их доме, бумаги и вещи, вывезенные из усадьбы Павловка, наконец, экспонаты «Выставки декабристов».

25 сентября 1918 года председателю Борисоглебской ЧК направляется ответ за подписью Управляющего делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевича:

«Председатель Совета Народных Комиссаров В.И.Ульянов (Ленин) распорядился благодарить Вас за присланные Вами документы Робеспьера-младшего и Бонапарта, взятые Вами, как видно из Вашего сообщения, из архива кн. Волконских. Владимир Ильич просит Вас совершенно немедленно и особенно бережно переслать весь этот архив, помещенный Вами при библиотеке местного Коммунистического клуба и в других местах, кроме тех, которые оставлены Вами Волконским, в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Мы поместим

Выставка декабристов, первых борцов за свободу Каталог. Борисоглебск, 1918 г. Страницы книги

все эти документы в одном из наших музеев, сделав предварительные описи всего. Предполагаем, что в скором времени все это будем издавать в научных трудах Особой комиссии. Владимир Ильич просит передать Вам свой привет».

31 октября 1918 года председатель Борисоглебской ЧК оповестил Управляющего делами Совнаркома: «Борисоглебская Чрезвычайная комиссия препровождает Вам заметки декабриста князя Волконского (Сергея), найденные в его доме в г. Борисоглебске. Приложение: вышеуказанные заметки на тридцати пяти листах».

Но несколько ранее, 6 октября 1918 года, С.М.Волконский направил наркому просвещения А.В.Луначарскому письмо, в котором просил принять все меры к сохранению фамильного архива, оставшегося в Борисоглебске, и экспонатов «Выставки декабристов». Среди них, сообщал он, «есть коллекция исключительной художественно-исторической ценности. Разумею собранный и устроенный мною „Музей декабристов“. Тут есть портреты работы Бестужева, карандашные портреты Мазера,

виды острогов, камеры, сцены острожной жизни, вещи, принадлежавшие моему деду-декабристу, вывезенные из Сибири...»

На письме С.М.Волконского — резолюция А.В.Луначарского: «Прошу переслать эту копию тов. Предсовнаркома Ленину».

Вероятно, эта копия дошла до В.И.Ленина, ибо 13 декабря 1918 года Управляющий делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевич направляет в Музейный отдел Наркомпроса документ за номером 15693, в котором предлагает принять срочные меры по письму С.М.Волконского. А точнее, незамедлительно вывезти в Москву историко-художественные ценности «Выставки декабристов» и фамильный архив Волконских.

17 декабря 1918 года распоряжение В.Д.Бонч-Бруевича передается в подотдел провинциальной охраны Музейного отдела Наркомпроса. В тот же день состоялось заседание коллегии подотдела, на котором было решено срочно командировать в Борисоглебск эмиссара с большими полномочиями. Кто же поехал туда? И поехал ли вообще?

Мои сомнения были вызваны сообщением, опубликованным в третьем номере журнала «Среди коллекционеров» за 1922 год. В нем говорилось: «Для истории декабристского движения невозвратимой утратой является гибель архива князя С.Г.Волконского, хранившегося в имении Павловка, Борисоглебского уезда, и заключавшего обширные материалы, частью появившиеся в печати. Невыясненной остается судьба миниатюр и реликвий, тщательно берегавшихся внуком декабриста Сергеем Михайловичем Волконским, переданных им в уездный музей города Борисоглебска, где они подвергались всем превратностям гражданской войны».

Да, драматических «превратностей гражданской войны» на долю Борисоглебска выпало предостаточно. Несколько лет город пребывал на военном положении, поскольку находился то во фронтовой полосе, то в эпицентре антоновского мятежа. Уже в октябре 1918 года в городе произошло контрреволюционное выступление, которое было подавлено с большим трудом. 20 декабря Борисоглебск захватили части белогвардейского генерала Гусельникова и удерживали его две недели. В 1919 году вспыхнули крестьянские восстания — бои шли у самого города. С 2 по 17 июля 1919 года Борисоглебск вновь оказался под властью белых. Третий раз город заняли казаки 12 августа, пробыли в нем тринадцать дней.

Антоновское восстание продолжалось в Тамбовской губернии до осени 1920 года. Пожары, разрушения... Не щадили повстанцы и бывшие помещичьи усадьбы. Антоновцы ворвались в Павловку, где в то время размещился дом отдыха для крестьян, и подвергли его разгрому. Какая страшная участь ожидала экспонаты «Музея декабристов», если бы они там оставались!..

Но где же они тогда пребывали? Вероятнее всего, в Борисоглебске. Но и здесь они подвергались не меньшей опасности. Неужели они действительно погибли, как о том писал журнал «Среди коллекционеров»? К счастью, его информация оказалась неверной, хотя основания так предполагать были серьезные.

Что же произошло с экспонатами «Выставки декабристов»? Долго я не мог этого узнать. Наконец, в государственном архи-

Н.Ленин. Удержат ли большевики государственную власть?

Петроград, 1917 г.

Среди книг, изданных в первые годы Советской власти,— книга В.И.Ленина «Государство и революция» (77г., 1918). В Библиотеке хранятся 3 экземпляра первого издания, вышедшего в издательстве «Жизнь и знание» (один из экземпляров — из собрания В.А.Десницкого).

Книга В.И.Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» была издана в Государственном издательстве (77г., 1920). Она была роздана делегатам II Конгресса Коммунистического Интернационала (два из имеющихся в Библиотеке экземпляров — из собрания В.А.Десницкого).

В Библиотеке также хранятся две книги, подаренные В.И.Лениным Библиотеке Румянцева-

в Тамбовской области отыскал я отчет о работе борисоглебского школьного музея и опись экспонатов «Выставки декабристов», в этом музее сохранных. Документы составлены заведующим школьным музеем Алексеем Петровичем Ефимовым. «Когда денкинские войска заняли город, — пишет он, — то ни о какой деятельности музея не могло быть и речи. Само его существование пришлось тщательно скрывать. Удалено было все, что так или иначе могло его выдать: стерты надписи, сняты объявления и плакаты. На вопросы расквартированных в зда-

Вид каземата
С.Волконского
Церковь, могила
А.Муравьевой

ского музея в 1919 г. во время работы в Москве VIII съезда партии. Это переводы на немецкий и французский языки работы В.И.Ленина «Очередные задачи Советской власти», вышедшие в 1918 г. в Цюрихе и Женеве.

2 октября 1920 г. В.И.Ленин выступил на III съезде РКСМ с исторической речью «Задачи союзов молодежи». Она была напечатана в «Правде», затем вышла в 1920 г. в Государственном издательстве отдельным изданием. Его редактировал сам

В.И Ленин. Затем брошюра была выпущена в различных городах страны (эти издания представляют большую редкость). Очень интересны и издания первой половины 20-х гг., выходявшие под разными заглавиями и в красочном оформлении: «Как молодежи учиться коммунизму» (1920), «Чему учиться и как учиться» (1923), «Заветы Ильича» (1924) и т. д.

нии школы казаков, что находится в запертой на замок части помещения, отвечали, что там сложены лишняя школьная мебель, старый школьный хлам и прочее. Поверили они, и музей остался невредимым. Скоро казачьи войска оставили город-

Потом Борисоглебск вновь попал в руки казаков — музею снова пришлось скрывать свое существование. Лишь осенью музей возобновил свою работу...

Именно Алексею Петровичу Ефимову и хранителю музея Ивану Авксентьевичу Овцыну, упомянутому в отчете, мы обязаны сохранением декабристских реликвий. Сохранением с

риском для их жизни. Узнай белогвардейцы, что они прячут в запертых комнатах, им несдобровать бы...

Но приезжали ли за ними эмиссары Музейного отдела из Москвы? Да, приезжали. О них я узнал от... Сергея Михайловича Волконского! Он в своей книге «О декабристах. (По семейным воспоминаниям)», вышедшей в Петрограде в 1922 году, пишет: «Часть вещей, художественные ценности были затребованы и вывезены коллегией охраны памятников (Все-союзной коллегией по делам музеев и охраны памятников ис-

Могила В.Кюхельбекера
Петровский завод

куства и старины Музейного отдела Наркомпроса.— Е.К.) и сейчас находятся в подвалах Румянцевского музея... Самый архив в подлинниках и в копиях был мною заблаговременно переслан в Академию наук, а оттуда заботами Б.Л.Модзалевского переправлен в Румянцевский же музей...»

Итак, эмиссары Музейного отдела в Борисоглебске побывали и вывезли «Выставку декабристов». Но кто ездил туда? Кто выполнил при столь сложных и опасных обстоятельствах задание Управделами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевича? Снова архи-

Город Чита

вы. Снова просматриваю сотни и сотни старых бумаг. Снова месяцы и месяцы поиска.

Наконец находка! В протоколе заседания коллегии подотдела провинциальной охраны, состоявшегося 30 июня 1919 года, встречаю короткую запись: «Заслушан доклад эмиссара Н.Н.Лебедева о совместной с А.В.Лебедевым поездке в Тамбовскую губернию. Он представил коллегии опись документов, картин и других вещей, вывезенных из Борисоглебска и относящихся к „Выставке декабристов“».

Удача к удаче! В другом протоколе заседания коллегии подотдела нахожу пометку о том, что решено все эти картины и вещи передать в Румянцевский музей.

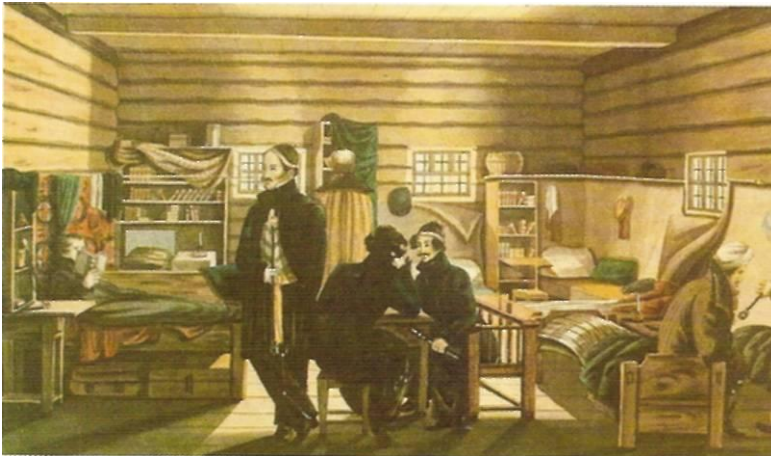
А.В.Лебедеву и Н.Н.Лебедеву (но прежде всего отечественной культуре) повезло! Ведь они побывали в Борисоглебске между двумя нашествиями на него белогвардейцев. Буквально

за несколько дней до вторжения в город казаков. Опоздай они немного — не уверен, что мы имели бы исторические и художественные ценности «Выставки декабристов». Да и сами московские эмиссары вряд ли остались бы живы.

А антоновщина! Ведь представители Музейного отдела Наркомпроса побывали в Борисоглебске в самый разгар кровавого мятежа! Восставшие блокировали город, перекрыли все дороги, нападали на красноармейские части, а работников партийных и советских учреждений убивали на месте. Видный му-

Читинский острог. Декабристы в камере Читинского острога

зейный деятель того времени Н.С.Моргунов писал в статье «Итоги и задачи», опубликованной в первом номере «Казанского музейного вестника» за 1922 год, что спасение историко-художественных и книжных богатств в Тамбовской губернии проходило «в обстановке очень сложной и опасной, в обстановке борьбы с бандитизмом», что вывоз этих ценностей

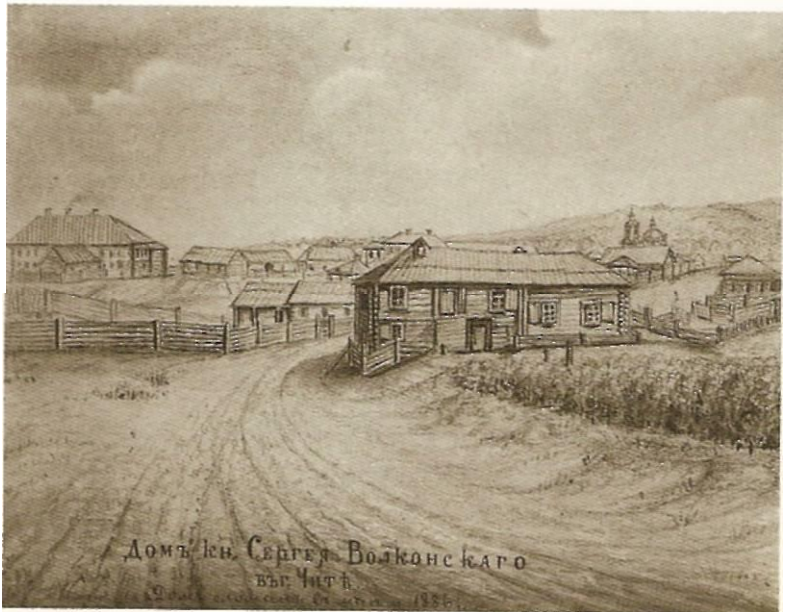
в Москву подчас проходил «благодаря счастливой случайности».

Уверен, что он имел в виду и эвакуацию экспонатов «Выставки декабристов» из Борисоглебска. И не со слов ли самого Алексея Васильевича Лебедева? С ним Моргунов был хорошо знаком по работе в Музейном отделе Наркомпроса, а позже — и в Третьяковской галерее.

Итак, по счастливой, будем считать, случайности декабристские реликвии все же попали в Румянцевский музей. Но преж-

Н.Крупская. Народное образование и демократия Москва, 1918 г.

Чита. Дом С. Волконского

Большим событием было издание в 1918 г. огромным для того времени тиражом — 500 тыс. экземпляров — «Конституции (Основного Закона) РСФСР». «Конституция» была выпущена издательством ВЦИК в красочной обложке, хорошо оформлена. В этом же издательстве вышла и брошюра Н.К.Крупской, разъясняющая содержание Конституции широким массам трудящихся.

В 1918 г. в небольшом городке Весьегонске Ярославской губернии вышла книга А.Тодорского «Год с винтовкой и плугом». Автор книги,

де считаю своим долгом сказать, кто же такие были А.В.Лебедев и Н.Н.Лебедев. Однофамильцы. Алексей Васильевич Лебедев — личность в советском искусствоведении примечательная. По словам академика И.Э.Грабаря, он «принадлежал к числу лучших знатоков и исследователей русского искусства XVIII — первой половины XIX веков». Автор ряда интересных научных трудов, в частности о творчестве Рокотова. Много лет — с 1921 до 1944 года — сотрудник Государственной Третьяковской галереи. Один из организаторов и руководителей созданного в мае 1918 года Музейного отдела Наркомпроса и его коллегии. Алексей Васильевич очень много сделал для сохранения в первые годы Советской власти культурного достояния страны. Был человеком незаурядным, ярким, своеобразным, богато одаренным.

Николай Николаевич Лебедев свою профессию записал в анкете, которую я отыскал в архиве, несколько странно: «студент-техник». До революции работал помощником архитектора. Был молод, старателен, легок на подъем. Также принимал активное участие в сохранении историко-художественных ценностей в 1918—1920 годах.

...Ящики с экспонатами «Выставки декабристов» пролежали в подвалах Румянцевского музея пять лет — до конца 1924 го-

да. Затем были открыты, просмотрены, составлена была опись их содержимого. Занимаясь этой работой заведующий Толстовским кабинетом только что организованной на основе Румянцевского музея Библиотеки им. В.И.Ленина А.Е.Грузинский, известный литературовед, переводчик и поэт. В 1926 году в сборнике «Декабристы. Материалы» он поместил публикацию о тринадцати акварелях и рисунках «Выставки декабристов», снабдив ее интересным комментарием.

А единственный экземпляр каталога, который хранится в Отделе рукописей библиотеки, послужил Грузинскому для сверки того, что было показано на выставке в Борисоглебске, и того, что из ее состава попало в Румянцевский музей. Оказалось, что из 182 экспонатов удалось спасти 157. Неплохо, учитывая драматические обстоятельства, при которых эти вещи были сохранены. Утеряно было лишь 25 предметов, картин и гравюр.

Каталог хранит карандашные пометки Грузинского, который проделал большую исследовательскую работу по атрибуции картин, рисунков, гравюр и акварелей. Он уточнил их авторство, технику исполнения, фамилии портретируемых.

В 1972 году коллекция декабристских материалов была описана в 33-м выпуске «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Но к тому времени часть их уже разошлась по музеям и библиотекам страны.

Ныне наиболее значительные экспонаты борисоглебской «Выставки декабристов» широко известны. Они показываются в постоянных экспозициях крупных музеев страны, часто демонстрируются на выставках и, конечно же, во множестве репродуцируются в книгах, альбомах, журналах. Тем не менее, кто теперь знает, что они некогда входили в легендарную коллекцию С.М.Волконского? И составили первую в России выставку, посвященную декабристам? Кто ведает, как, кем и при каких сложных и опасных обстоятельствах они спасены были?..

Где же теперь находятся эти вещи, картины, акварели, гравюры, рисунки? Особо хочу выделить работы талантливого художника-декабриста Н.А.Бестужева. В Государственном Историческом музее хранится чудесный портрет М.Н.Волконской, выполненный художником в 1837 году, портрет С.Г.Волконского, сделанный им в Читинском остроге в 1828—1830 годах, «Камера С.Г.Волконского на Петровском заводе». Во Всесоюзном Музее А.С.Пушкина в Ленинграде — портрет С.Г.Волконского в арестантской куртке, портрет декабриста М.С.Лунина. В Пушкинском Доме — акварель «Бурятские юрты по дороге из Читы в Петровский завод». В Государственном Эрмитаже — «Церковь и склеп А.Г.Муравьевой на Петровском заводе». Кое-что с «Выставки декабристов» попало в Государственный Литературный музей.

Но основная часть коллекции С.М.Волконского — более ста работ — хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Среди них — несколько акварелей Н.А.Бестужева; зарисовки дачи Волконских на Ангаре, прозванной «камчатником», с пояснительными заметками М.Н.Волконской; портреты детей Волконских, сделанные их учителем К.Т.Бушиным; портрет С.Г.Волконского, исполненный в Иркутске в 1853 году академиком К.Рейхелем; рисунки и акварели с видами Петровского завода, его окрестностей,

А.Тодорский. Год с винтовкой и плугом
Весьегонск, 1918 г.

впоследствии видный советский военачальник, в то время был редактором уездной газеты «Известия» и получил задание написать отчет о работе уездного комитета партии за год его работы.

«Никто в точности, — вспоминал много лет спустя А.Тодорский, — не мог сказать о числе людей, участвовавших в подготовке этого отчета. В движение пришел весь партийный и общественный актив». По форме это были скорее очерки, чем отчеты различных ведомств.

На заседании Весьегонского укома партии и уисполкома было решено издать отчет отдельной брошюрой.

Книга Тодорского произвела большое впечатление на В.И.Ленина.

«Из нее надо извлечь, — писал Владимир Ильич, — серьезные уроки по самым

тюремных казематов, видами Читы и Иркутска, местами сибирской ссылки и поселений декабристов, множество литографий, старинных гравюр, рисунков, фотографий.

Такова судьба легендарной «Выставки декабристов».

В Отделе рукописей Библиотеки им. В.И.Ленина хранится и архив Волконских, вывезенный из Борисоглебска, о чем упоминает С.М.Волконский в своей книге. Это — фонд 56, насчитывающий 870 единиц хранения — 6700 листов.

...Главным инициатором охраны книжных и архивных богатств страны был В.И.Ленин. Известно, что он говорил Управляющему делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевичу о необходимости собирать и сохранять брошенные архивы и библиотеки. В начале ноября 1917 года В.И.Ленин поручил А.В.Луначарскому организовать охрану культурных ценностей. В обращении «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России» нарком просвещения призвал их рачительно относиться к унаследованным от прошлого историческим памятникам и культурным ценностям, в том числе библиотекам, тщательно охранять и беречь это достояние народа.

В 1918 году были изданы декреты Совнаркома «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» и «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов книг вообще».

Основной поток реквизируемых книг шел в Библиотеку Румянцевского музея. За 1918—1920 годы сюда было передано более 1,5 млн книг. Поступило около 400 библиотек. Наиболее значительные: библиотека Шереметевых из села Михайловское Московской губернии, насчитывающая около 40 тысяч томов, Барятинских — из села Ивановское Курской губернии — 25 тысяч томов, Юсуповых из Архангельского — 18 тысяч томов, Воронцовых-Дашковых из села Новотомниково Тамбовской губернии — 5 тысяч томов, собрание П.П.Шибанова — около 100 тысяч книг, библиотеки Александровского военного училища, бывшего Епархиального дома — 150 тысяч томов, Общества русских врачей — 50 тысяч томов, весьма ценные собрания Мензбира, Ключевского, Кожевникова, Бирукова, Ульянинского, Корсакова, Орлова-Давыдова и др.

Все эти богатства привозились из многих городов эмиссарами Музейного и Библиотечного отделов Наркомпроса, сотрудниками Румянцевского музея. Так, будущий популярный писатель А.К.Виноградов, который был директором Румянцевского музея в 1921—1924 годах, много сделал для сбережения книжных собраний. В частности, он лично перевез в музей библиотеку Александровского военного училища, несколько коллекций из Калужской губернии. Выдающийся книговед Н.П.Киселев, организатор Музея книги и Отдела редких книг, вместе с эмиссаром Музейного отдела Наркомпроса В.И.Раевским в августе 1918 года в непосредственной близости от фронта эвакуировал в Москву богатейшую библиотеку, редкий архив, историко-художественные ценности князей Барятинских из села Ивановское Курской губернии. Киселев принимал участие в сохранении книжных собраний Воронцовых-Дашковых, Оптиной пустыни, нескольких подмосковных имений.

Сотрудники Румянцевского музея С.О.Долгов, П.С.Воскресенский и Г.В.Сергиевский несколько раз ездили в Рязанскую

Дж. Лондон.
Железная пята
Москва, 1918 г.

важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами... Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта...»

27 марта 1922 г. в Политическом отчете ЦК РКП (б) XI съезду партии В.И. Ленин вновь возвращается к книге Тодорского. Он ставит в пример правильное понимание отношений «между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией», проявленное на практике в Вьесьгонске в 1918 г.

губернию и эвакуировали из национализированных усадеб ценные книги и архивы, в том числе принадлежавшие декабристу М.С.Лунину. Известный книговед А.С.Петровский вывез книжные собрания и архивы из таких подмосковных имений, как Архангельское (бывш. Юсуповых), Леваново (Зубаловых), Ольгово (Апраксиных), Отрада (Орловых-Дашковых).

Эти книги и архивные документы вошли в золотой фонд отечественной культуры.

Томас Мор. Утопия
Петроград, 1918 г.

В первые годы Советской власти в труднейшее для Советской республики время издавалось много произведений отечественной классики. Было выпущено собрание сочинений А.С.Пушкина под редакцией В.Я.Брюсова, соб-

Сергей Григорьевич
Волконский

Хочется привести малоизвестный документ, являющийся знаком огромного уважения к труду сотрудников Румянцевского музея. В начале мая 1923 года библиотеку музея посетил нарком просвещения А.В.Луначарский. А 12 мая в газете «Известия ВЦИК» он с большой похвалой отозвался о ее старейших работниках:

«Герои труда.

Во время недавнего посещения мною Румянцевского музея я имел случай познакомиться с необыкновенно тяжелым, высоко квалифицированным и успешным трудом целого ряда подлинных героев труда, глубоко интеллигентнолизированного, настолько высоко, что без помощи их, вероятно, весь слаженный механизм гигантской библиотеки запутался бы.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить мою глубокую благодарность этим пролетариям, труженикам науки...»

рание сочинений Н.А.Некрасова под редакцией К.Чуковского. Были изданы произведения В.А.Жуковского, И.А.Крылова, А.С.Грибоедова, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и др. Широко издавались и зарубежная литература.

Усадьба в Павловке. Интерьер усадьбы в Павловке

Вид старого Борисоглебска
Здание в Борисоглебске, где в 1918 году была открыта выставка декабристов

Алексей Васильевич
Лебедев

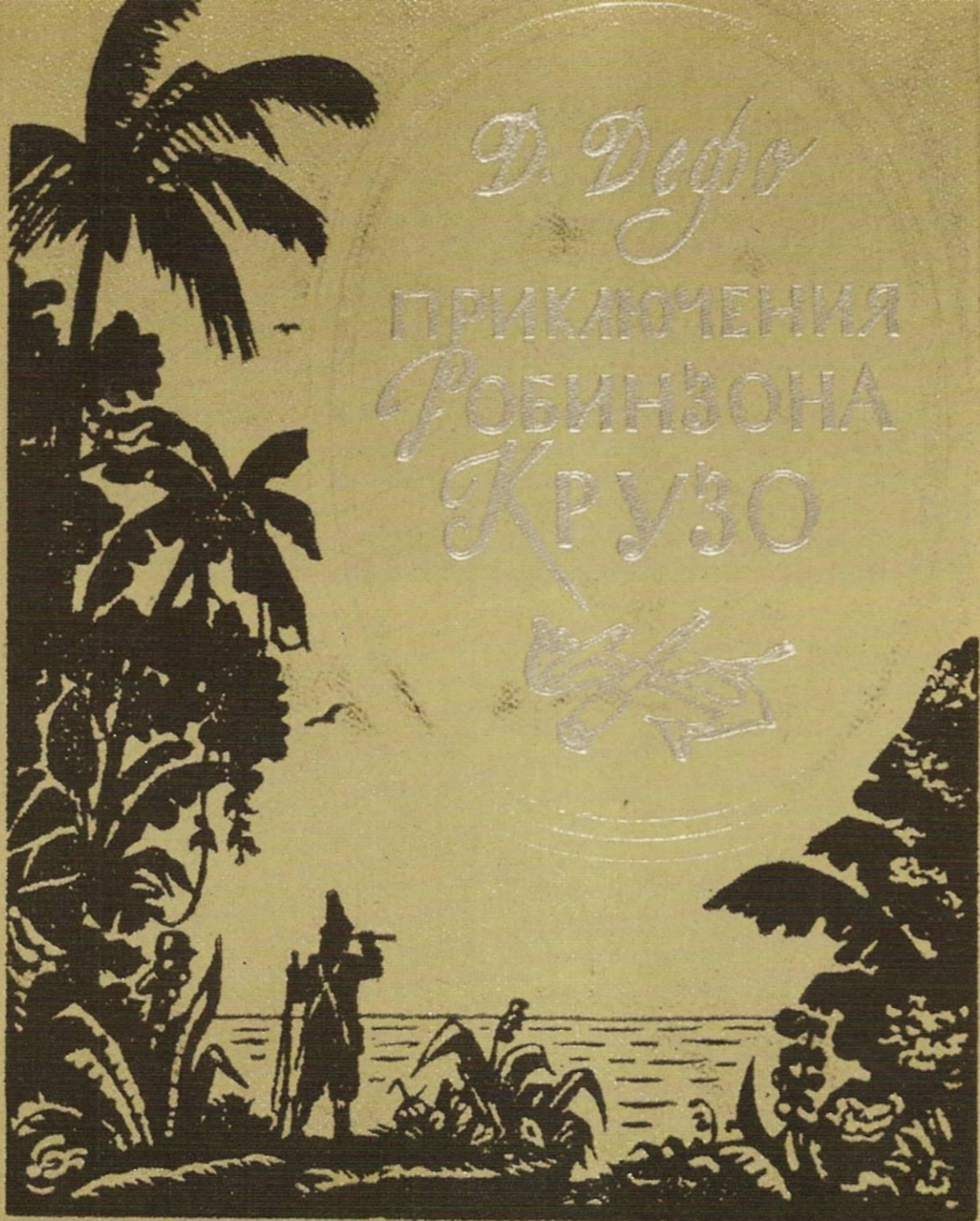
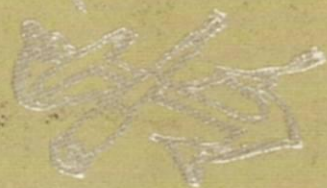

Д. Дефо

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
РОБИНЗОНА
КРУЗО

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДЕТГИЗ - 1955

Дмитрий Урнов

БЕСПРИСТРАСТНАЯ ИСТОРИЯ

Будь, читатель, настороже, когда имеешь дело с книгами этого автора. Ведь это — Дефо, чей принцип был «выдумывать достовернее правды». Он способен провести кого угодно, он может обмануть вас на каждом шагу. Он выдает факт за вымысел и вымысел — за факт. Читая его, вы никогда не скажете с уверенностью, говорит ли он всерьез или с иронией. Нельзя даже сказать, говорит ли он своим или чужим голосом. Однажды он прикинулся собственным врагом и в результате попал к позорному столбу: ему поверили!

Явление призрака он описал с такой детальностью, что не возникает сомнения: кому-то что-то померещилось. Один остров провалился под землю, и когда Дефо об этом рассказал, это приняли за выдумку, а полтора века спустя установили, что действительно было землетрясение, и какой-то островок Тихого океана исчез в пучине морской. Вот и пойми его! Определить, чью сторону поистине держал этот Дефо в печатной полемике, которую он вел всю жизнь, практически невозможно: у него одна сторона выступает убедительнее другой, потом — наоборот, а сам он вроде и не высказывается.

Когда на Лондон надвигалась чума, ему поручили предостеречь жителей. Как же он выполнил поручение? Написал «Дневник» — отчет от лица «очевидца», который будто бы уже испытал чуму за несколько лет до этого. Составленные им же записки «участника» гражданской войны тех времен числились среди подлинных мемуаров до самого последнего времени. Да и в самое последнее время попросите у какого-нибудь исследователя хотя бы палец на отсечение как гарантию его уверенности, если речь идет о Дефо, и едва ли вы этот палец получите.

Работая над биографией Дефо для серии «Жизнь замечательных людей», я старался поставить себя в положение читателя-современника. Наилучшие условия для такого эксперимента, конечно, в Музее книги Библиотеки им. В.И.Ленина. Там хранятся первоиздания нескольких книг Дефо. В том числе есть, вероятно, и такие экземпляры, которые могли побывать не только в руках современников, но и его самого: ведь первый тираж книги, которая его прославила, составлял примерно тысячу экземпляров.

Впрочем, о какой же книге идет речь? Стихотворная сатира Дефо «Чистопородный англичанин» была распродана в количестве чуть ли не восьмидесяти тысяч экземпляров! Но кто знает эту поэму, за исключением англичан, которых она, конечно, в первую очередь касается? Нет, мы говорим о той книге, что прославила Дефо далеко за пределами Англии — на весь мир, — разумеется, о «Робинзоне Крузо».

Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Обложка книги

Одно из первых изданий имело формат карманный, удобный для того, чтобы книга могла поместиться в кармане купеческого камзола. Именно для такой публики, деловой, торговой, книга и предназначалась. И впечатление от книги, когда держишь ее в руках, соответственно — деловое. Не роман какой-нибудь, не басни и не выдумки. Нет, «написано им самим». Кем же? «Моряком из Йорка».

Написано, как мы теперь знаем, человеком, который в открытом море почти не бывал. Во-первых, он страдал морской бо-

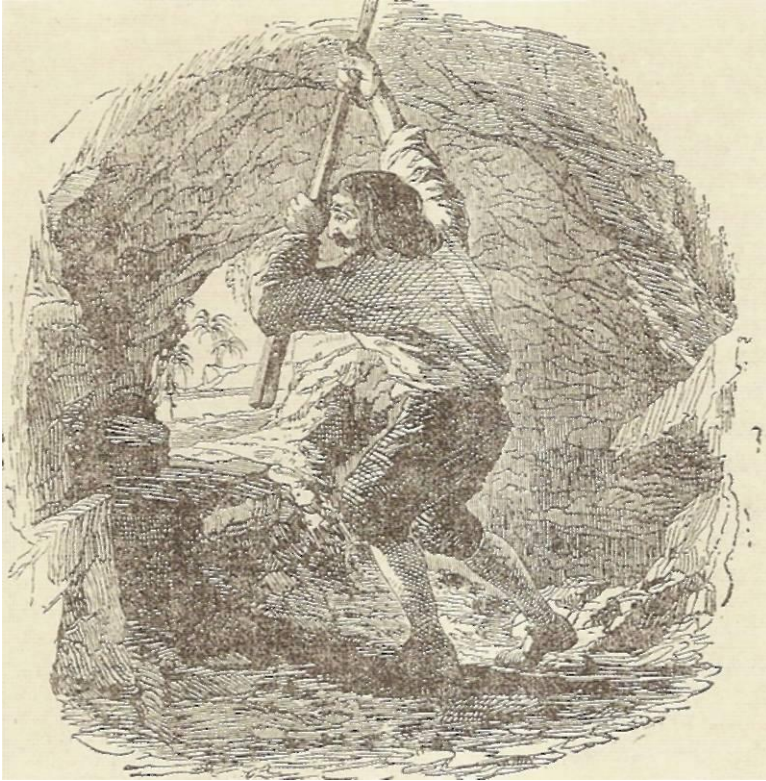
Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Титульный лист книги

Среди редких и ценных зарубежных изданий, хранящихся в фонде Библиотеки, — собрание публицистических произведений Дефо, принесших ему громкую, скандальную и даже опасную славу. Оно вышло задолго до появления «Робинзона Крузо», первого его романа. Это издание в двух томах (под одним переплетом), выпущено в 1703—1705 гг. под названием «Подлинное собрание сочинений автора „Чистопородного англичанина“». «Чистопородный англичанин» — стихотворная сатира, она сделала имя Дефо широко известным. Впрочем, не имя — толком и не знали, кто же автор? Авторского имени нет и на титульном листе сборника, зато на фронтисписе помещен портрет, под которым значится — Даниэль Де Фо («Дефо» стали писать уже после его смерти).

лезню, и ему даже в лодке на реке становилось плохо. Во-вторых, он как-то попробовал выйти в море и почти тут же попал в руки к пиратам; ему удалось спастись, но уж больше в подобных предприятиях он не участвовал. Однако «исповедь моряка» была им составлена с такой убедительностью, что, говорят, прототип, реальный моряк (только не из Йорка, а из Ларго, в графстве Файф), послуживший образцом для Робинзона, стал к нему подлаживаться.

И в самом деле, ничто в этой книге не намекает на вымысел,

Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Страница книги. Здесь и далее рисунки Ж.Гранвиля

«Подлинное собрание» — это значит, его готовил сам автор в отличие от вышедшего ранее «Собрания произведений „Чистопородного англичанина“, которое было, скорее всего, делом рук разбойников книжного рынка, так называемых «пиратов».

В Библиотеке имеется пятое издание «Приключений Робинзона Крузо», выпущенное менее чем через год — в 1720 г.— после первого тем же издателем Тейлором, державшим свою контору «Под знаком корабля» в Отчешенском ряду неподалеку от собора Святого Павла в старом лондонском Сити.

Текст тот же, что и в первых четырех изданиях, однако набор несколько изменен, улучшен, и, кроме того, приложена географическая карта, на которой обозначен маршрут Робинзона. Очевидно, что Тейлор уверовал в успех книги и стремился сделать ее еще более привлекательной, в том числе придать ей на вид максимум «достоверности». Начиная с первоиздания 1719 г.,

начиная с фронтисписа и кончая стилем повествования. На фронтисписе — портрет моряка в полный рост и в одеянии, которое он носил на необитаемом острове, т. е. в козлиной шкуре. А само повествование просто, конкретно, насыщено всевозможными географическими сведениями. В нем есть ошибки и несуразности? Позвольте, а кто же не ошибается? Кроме того, есть здесь и предисловие редактора, который поясняет, что он хотел было кое-что исправить, но потом решил, пусть ради достоверности все останется в своем первоизданном виде. Так что даже нелепости не умаляют, а только еще усиливают впечатление подлинности и достоверности.

В этом и заключается та сила писательства, которую можно условно назвать «силой Дефо», подобно тому, как именами Ампера или Кулона обозначают электрическую энергию: рассказчик открывает рот, а мы его слушаем, попросту говоря, развесья

уши, что бы он нам ни внушал. Конечно, этому рассказчику прекрасно ведомы границы убедительности, и он их искусно придерживается.

Вот еще одна его книга — «Радости и горести Молль Флендерс», предложенная читателям уже не от лица моряка и даже не от лица мужчины — от лица женщины, и опять предисловие редактора, и вновь уверения в том, что ничего не придумано и не исправлено...

У нас имеется лишь несколько первоизданий Дефо: далеко

Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Страница книги

«Робинзон Крузо» продолжал издаваться фактически непрерывно и, по данным книговедов-социологов, занял к настоящему моменту по числу изданий и общему тиражу первое место среди книг за последние 350 лет (см.: Коле, правда. 1987. 4 авг. С. 4).

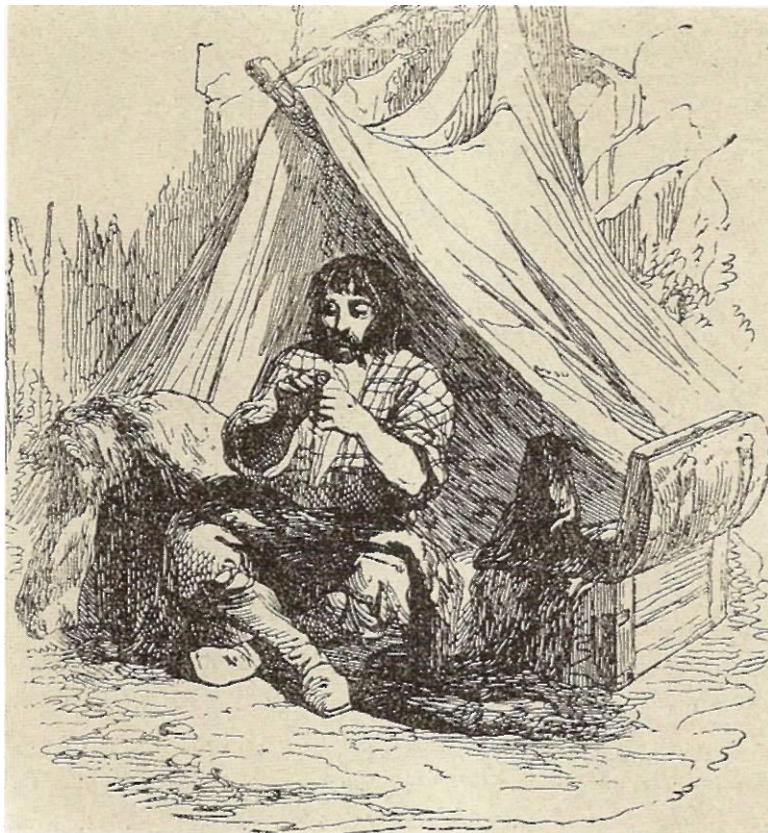
не все. А всех нет и в библиотеке Британского музея! Вернее, ситуация такова. Чего-то просто нет, а что-то из имеющегося, может быть, принадлежит, а может быть, и не принадлежит автору «Робинзона Крузо», ибо абсолютное большинство из его многочисленных сочинений были опубликованы анонимно и написаны все так же — на разные «голоса», от имени самых различных лиц. Где Дефо? Даже я помню время, когда имеющийся у нас в Библиотеке им. В.И.Ленина «Очерк о литературе» 1729 года издания значился без имени автора. Потом как-то заказываю эту книгу, смотрю: на титуле поставлено карандашом — Даниэль Дефо. А установил это даже не англичанин, а один американский ученый, который погрузился в эпоху Дефо до такой степени, что, как он сам говорил, стал узнавать родственников Дефо даже лучше, чем своих собственных.

Или, например, личная библиотека А.С.Пушкина. В ней сохранился ряд книг Дефо, в том числе некоторые первоиздания. Но именно потому, что это первоиздания, на них автор не указан и, надо добавить, в пушкинские времена еще не всегда был известен. Читая описание чумы, сделанное от лица шорных дел мастера, Пушкин знал, что это Дефо. Но «История пиратов», которая тоже у него была, так, я думаю, и оставалась для наше-

го поэта анонимной, хотя впоследствии ее столь же определенно, как и «Очерк о литературе», приписали Дефо.

Удивительно, но автор «Робинзона Крузо» как бы продолжает писать и печататься, поскольку обнаруживаются все новые его произведения: либо из тех, что были известны, однако до самого последнего времени оставались анонимными, либо только что найденные.

При жизни Дефо за ним твердо числилось буквально три-четыре книги, за которые его и к позорному столбу ставили, и

Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Страница книги

В издании «Робинзона Крузо» 1720 г. изменен по сравнению с первым изданием и фронтиспис — гравюра Пайка, изображающая Робинзона. Сам Робинзон, одетый в костюм из козляной шкуры, под остроконечной шапкой из того же материала, при шпаге и с двумя ружьями на плечах, остался прежним, но по-другому выглядит фон у него за спиной — корабль, море и облака. Все это, по выражению исследователя, изучавшего историю изданий «Робинзона Крузо», улучшено по заслугам книги, в соответствии с ее возрастающим успехом у читателей. Робинзон в изображении Пайка сохраняет исторический интерес, но, конечно, этот первоначальный образ оказался заслонен иллюстрациями Гранвилля, сделанными в 1830-х гг. Даже памятник Робинзону Крузо был воздвигнут «по Гранвиллю». Что же касается «реального Робинзона», то есть Александра Селькирка, заочно послужившего моделью для Дефо, то он, говорят, опять облачился в шкуру под воздействием все того же успеха

осыпали цветами (то и другое — буквально). В десятках случаев авторство его только подозревали, что, впрочем, не мешало для профилактики и за эти сочинения отправлять его под арест. После смерти Дефо за ним стали числить десятки, а затем и сотни названий. Полного собрания сочинений Дефо до сих пор не издано, однако списки их составлены, и в этом библиографическом списке — в хронологическом порядке — сам «Робинзон Крузо» числится под номером 416-м. И множество номеров следует за ним. В общей сложности, порядка пятисот!

В этой массе текстов, увы, очень немного имеет живой интерес для нынешних читателей, хотя писал Дефо неизменно с энергией и страстью. Положим, страсть нередко таилась под покровом холодно-объективных слов и даже только цифр, но количество цифровых данных, которые Дефо приводит, напри-

мер, желая запугать соотечественников размерами смертности в случае чумной эпидемии, чрезвычайно красноречиво.

Чуме, читая Дефо, и мы способны ужаснуться, однако те религиозно-политические схватки, в которых он провел большую часть своей жизни и на которые потратил львиную долю своей энергии, нас уже захватить не могут. Куда там захватить: их и понять очень часто нельзя! Дефо был сектантом, сект было множество, и у меня буквально опускались руки, когда я пытался понять подоплеку их яростной вражды. Кто против кого?

Д. Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Страница книги

книги «про него». Когда же ему говорили, что Дефо, который и не встречался с ним, «украл» историю его приключений, Селькирк вроде бы отвечал так: «Ладно, пусть его пользуется за счет бедного моряка».

И почему? Мне стало немного легче, когда я прочитал, что в этом подчас не мог разобраться сам Дефо.

Маленький человек в большой политике — так можно определить его общественное положение. С ним советовались первейшие сановники государства, советовались, но как с человеком, как с личностью не считались. Однажды попал он в кабальную зависимость от «больших людей», которые вызволили его из долговой тюрьмы, и с тех пор уже больше не поднялся до уровня уважаемого гражданина, хотя имел и успех, и состояние.

Дефо оказался обречен на двуличность, на маскировку, которая как повествовательный прием стала его открытием (которым по сию пору пользуется каждый пишущий). Утратив свое собственное лицо, он должен был с полнейшей убедительностью говорить от лица других, в том числе и таких, которые спорили между собой.

Но каким бы он голосом ни говорил, Дефо сохранял свою позицию, что, в свою очередь, стоило ему множества недоразумений и неприятностей. А позиция эта — трудового, смыш-

Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Москва, 1955 г. Страница книги

ленного, способного человека из народа, который как бы просит политиканов не мешать ему заниматься своим делом.

Конечно, так прямо это у него прочтешь далеко не всегда. Он надевал иногда не одну, а две или даже три маски. Он писал против католиков, выступая вроде бы в защиту католиков. Разоблачал ли он масонов или, напротив, сотрудничал с ними?

Этого пока ни один исследователь сказать не может: Дефо вступил в масонскую ложу своего околотка, в пригороде Лондона, но ведь он же из нее и вышел; он поддерживал масонство, он же и протестовал против него. Если учесть, что и то и другое делал Дефо по заданию, проводя при этом и какую-то свою линию, то, простите, не только палец, тут ногтя не дашь как гарантию какой-либо версии.

А как же при всех этих сложностях устанавливается авторство Дефо? Не вводит ли он нас опять-таки в заблуждение? Одним из источников, вполне надежных, закрытых для современников, но открытых теперь, являются регистрационные списки издательской гильдии: туда автор должен был занести рукопись под своим собственным именем, если он хотел хоть как-то защититься от плагиаторов и других «пиратов» книжного рынка. Из этих списков узнали, например, что не «Приключения Робинзона Крузо» явились первым опытом Дефо в этом роде, а — признания глухонемого, хотя такого успеха, как исповедь моряка, они не имели.

Сервантес. Дон Кихот
Барселона, 1617 г.

Прижизненное издание «Дон Кихота» — едва ли не самая редкая из иностранных книг в Библиотеке. Во всяком случае, ее не только нельзя взять в руки, на нее даже трудно посмотреть: среди величайших книжных редкостей она хранится в сейфе при особом температурном режиме, нарушать который без крайней необходимости не рекомендуется. Это — шестое издание прославленного романа, вышедшее тогда же, что и первое, в 1605 г., только в отличие от самого первого не в Мадриде, а в Валенсии. Большой редкостью является и вышедшее в 1617 г., уже после смерти Сервантеса, первое издание обеих частей «Дон Кихота». Как известно, Достоевский говорил, что «Дон Кихотом» человечество мог-

Скрывал свое имя Дефо не только по причинам полемическим. Вообще, когда берешь в руки его первоиздания, то, как они ни малы, кажется, будто держишь красугольные камни массового книжного мира. В них как явлениях и орудиях культуры заключено нечто фундаментальное, на чем воздвигалось уже все остальное здание литературы с ее многочисленными «этажами» и подразделениями. И вот видишь, особенно ясно видишь, когда в руках книги: анонимность — авторитетность, одно из старейших и важнейших условий повествовательной убедительности. Кто поверит выдумкам? Верят преданиям, услышанным к тому же от верных людей. И Дефо, устранившись, оставляя за собой только лишь роль «редактора», передатчика рукописи, разыгрывает роль «верного человека», создает видимость «предания». Мы-то знаем, как знали или догадывались о том и многие современники, что это все написано им самим — Дефо, но тем не менее механизм «чужого голоса», заложенный в повествовании, действует неотразимо. (Дефо занимал положение, противоположное современному авторству, которое должно сигнализировать о себе на каждом шагу, на титуле и контртителе. Иначе автор не получит не только славы, но и гонорара, поскольку выходные данные играют роль документа.)

После «Приключений Робинзона Крузо», которые Дефо написал, когда ему было уже под шестьдесят, он публиковал книгу за книгой, роман за романом (до этого он занимался в основном журналистикой и писал преимущественно статьи или памфлеты). Сегодня те же повествования отнесли бы к художественно-документальной прозе, но все-таки на романы больше похожи те его книги, которые сам Дефо называл «Приключениями», вроде книги о Робинзоне или о Молль Флендерс; повествования другого, более документального свойства он называл «Историями». Таковы «Записки кавалера», таков «Дневник чумного года», такова «История пиратов», которую даже сегодня иные авторы принимают за документ.

Такова и еще одна «История», о которой мне хотелось бы рассказать специально. Когда в библиографии Дефо я впервые увидел ее название, то прежде всего не поверил своим глазам. Неужели Дефо и об этом писал? Я имею в виду книгу Дефо о Петре I. Называется она «Беспристрастная история царя Петра Алексеевича». В составе фонда Музея книги эта «История», к счастью, числилась, и когда в ответ на читательское требование мне ее принесли, я поставил перед собой, естественно, два вопроса:

— знал ли эту книгу Пушкин?

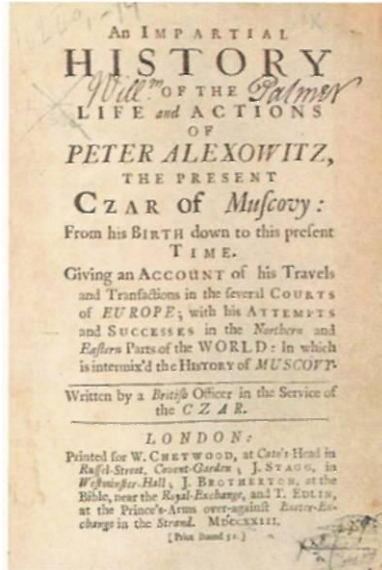
— изучал ли ее академик М.П.Алексеев, написавший еще в 1920-х годах работу о Дефо и России?

Так сказать, по первому разу на оба вопроса пришлось ответить отрицательно:

— об интересе Пушкина к «Беспристрастной истории» ничего не известно;

— М.П.Алексеев о той же «Истории» не писал.

Прошу учесть, что было это довольно давно, задолго до появления фундаментального труда М.П.Алексеева «Русско-анг-

лийские литературные связи XVIII — первой половины XIX в.» (1982). И даже в этом труде, который, к тому же, вышел уже после кончины автора, сказано, что исследование «Беспристрастной истории» еще остается делом будущего.

Следующий вопрос был: почему? Допустим, как и в отношении «Пиратов», авторство «Истории Петра» в пушкинские времена не было установлено, однако ведь сама книга могла быть известной! А если уже в наши дни той же книгой не заинтересовался крупнейший научный авторитет, то, может быть, все выяснилось, и книга почему-то потеряла всякую цену?

Не желая ломиться в открытые двери, я позвонил своему соавтору по серии «Жизнь замечательных людей», биографу Петра I — Н.П.Павленко.

Павленко говорит: «Немедленно напишите об этой книге». Я говорю: «Я не историк. Я не могу в ней правды от вымысла отличить». Павленко: «Я пришлю к Вам своего аспиранта».

Пришел Сергей Громов, молодой человек, и через некоторое время документальные источники «Беспристрастной истории» были выявлены. Их оказалось ровным счетом четыре — сочинение некоего Крэлла, а также дневники людей, приезжавших в Россию по дипломатической или какой-либо другой части. Однако помимо сведений, почерпнутых из источников, там, совершенно очевидно, упоминались факты и ситуации, которые стали известны автору не из вторых рук. Откуда же?

Д.Дефо. Беспристрастная история жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени. С описанием его путешествий и переговоров в разных европейских странах. Его действий и восточных частях света. Во взаимосвязи с историей Московии. Написано британским офицером, находившимся на царской службе. Лондон, 1723 г. Титульный лист книги

ло бы оправдать свое существование перед судом вечности. Это суждение нашего великого соотечественника вспоминается особенно по контрасту с форматом этих двух книжек, в сущности миниатюрных, изданных на бумаге размером в одну восьмушку печатного листа. Однако шрифт достаточно крупный и очень отчетливый, читается легко, и вот эти слова, оправдывающие в повествовании мелкие погрешности против логики: «Это и не важно. Главное, ни на шаг не отдаляться от истины». Из прижизненных изданий Сервантеса, хранящихся в Библиотеке, еще одно могло бы находиться в том же сейфе или под каким-нибудь стеклянным колпаком. Это его первый — пасторальный — роман «Галатее».

В числе стран, которыми постоянно интересовался Дефо и которые он, составляя книгу «Образцовый коммерсант», советовал посетить молодому торговцу, была и Россия. Если учесть, что все прочие называемые им страны Дефо посетил сам, то логичным будет допущение, которое иные биографы и делали: автор «Робинзона Крузо» (и «Беспристрастной истории», добавим) бывал в нашей стране.

И все же исследователи, признавая за Дефо подчас детальное знание российских дел, такую возможность отвергают.

Петр I

В 1584 г. Сервантес продал рукопись романа издателю за 1336 реалов. В 1585 г. «Галатея» впервые вышла в свет и была при жизни автора переиздана только дважды — в 1590 и в 1611 гг. В Библиотеке — издание 1590 г., выпущенное в Лиссабоне. На титуле указано: «Отпечатано по разрешению Святой Инквизиции». И тут же, очевидно гусиным пером, приписано: «1611 год в П[ариже]».

Древность дала нам имя Гомера, создателя «Илиады» и «Одиссеи». Но как воспринимался современниками Гомер? Как сочинитель или же только исполнитель эпических поэм? Согласно преданию, Гомер был слеп и «спорили семь городов о его рождении чудном». Один исследователь сказал так: сам Гомер не мог родиться в семи городах, но поэмы, которые ему приписываются, могли... Иными словами, под именем «Гомер» и в исполнении Гомера выступало коллективное творчество. Все это совершалось не только на более или менее обширных пространствах, где могли разместиться семь городов, но и на

Ему, безусловно, можно верить, когда он говорит, что враждовал среди москвитов. Но их тогда немало было и в Лондоне! И становилось, на глазах у Дефо, все больше. Деловое сближение между Россией и Англией, установившееся в шекспировские времена, шло полным ходом. Уж если Шекспир в одной из своих пьес вывел «русский маскарад», то все русское и русские попадались на пути Дефо еще чаще. А приняв во внимание, что Великое посольство во главе с самим Петром прибыло в Лондон как раз тогда, когда политическая карьера Дефо достигла наивысшей точки и был он близок к королю, приняв все это во внимание, мы поймем, откуда у него знание таких деталей, как головной убор русского царя.

Конечно, если бы то был формальный или официальный головной убор, то и это могло попасть в «Беспристрастную историю» из вторых рук. Но Петр явился в Англию, согласно Дефо, в «монмутской шапке». Какая такая шапка? Интерес тут

двойной: откуда на голове у Петра убор, названный по имени герцога Монмута? И почему на эту шапку обратил особое внимание Дефо?

К счастью, на оба эти вопроса ответить можно почти с полной определенностью.

Джеймс Скотт Монмут был незаконным сыном английского короля Карла (Чарльза) II и претендентом на английский престол. У него имелись сторонники, в том числе — Дефо. Как мог Дефо не заметить на русском госте такой же шапки, что носил его покровитель?

После смерти отца и воцарения Якова (Джеймса) II герцог Монмут решил предъявить свои права (положим, весьма сомнительные) и поднял восстание. В рядах его немногочисленного войска, и к тому же верхом на коне, находился Дефо. Восстание было подавлено, герцог — захвачен в плен и казнен.

Как избежал преследований Дефо, мы не знаем, но многие люди Монмута скрылись за границей, в том числе в России. От англичан, виданных им в Москве, Петр, вероятно, и узнал про монмутскую шапку.

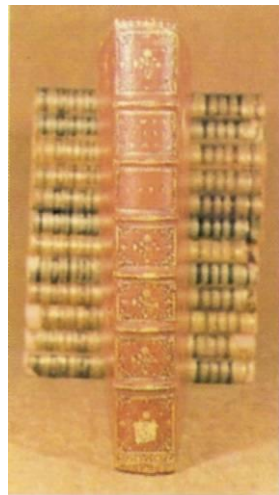
Может возникнуть еще один вопрос: как же так, направляясь в Англию, Петр нарядился в шапку бунтовщика? Тут ничего нельзя сказать с уверенностью, но, видимо, роль сыграли английские внутренние обстоятельства. Монмут поднял восстание при Якове, а Петр прибыл со своим посольством уже при следующем короле, при Вильгельме (Вильяме) III. И это был не только другой король, но и другая политика: прежние враги английского престола, в том числе Дефо, оказались к нему приближены.

Итак, кое-что касательно России Дефо видел и слышал сам, кое-что взял из книг. Конечно, написанное им про нас нередко производит впечатление не серьезных сведений, а скорее сказки.

Поэтому некоторые исследователи считали, что Дефо не только у нас не бывал, но ничего толком о нас и не знал. В эти разноречия внес ясность М.П.Алексеев, внимательно разобравшись в «русских страницах» или в «русском эпизоде» второй части «Робинзона Крузо». Вот его вывод: о нашей стране Дефо знал столько, сколько тогда можно было узнать, а уж если нам что-то кажется необыцией, то ничего не поделаешь: это уровень представлений той эпохи.

Интересовались нашей страной современники Дефо, как я уже сказал, настойчиво, потому что она была торговым партнером. Двухтомное сочинение Крэнла, на которое мне указал Сергей Громов, следовало за книгами о Московии, которые были написаны Флетчером, Мильтоном, и все это были в сущности деловые справочники или путеводители по нашей стране.

Флетчер, шекспировский современник, написал о нас неблагоприятно, так о запрещении его книги старались сами же английские купцы, не желавшие портить отношений с Москвой. Еще бы! Дипломатическим и деловым связям с Россией англичане, начиная с эпохи Ивана Грозного, придали исключительное значение, приравняв «открытие России» к подвигу Колумба.

Гомер. Илиада
Флоренция, 1488 г.

протяжении длительного времени. События Троянской войны, отраженные в гомеровских поэмах, ученые относят к XIII в. до н. э., возникновение поэм и существование самого Гомера датируется IX—XIII вв. до н. э., первая запись поэм была осуществлена в VI в. до н. э., а известный поныне текст восходит ко II в. до н. э. В Библиотеке можно видеть гомеровский эпос в одном из первых книжных изданий нового времени, вышедшем в 1488 г. во Флоренции.

И Дефо, современник петровской России, внимательно при-
сматривался к нашей стране. Если ему и не удалось побывать у
нас, то о степени его интереса все же говорит тот факт, что
он, по его собственным словам, знал «славянский язык». По-
ложим, его собственным словам следует верить с осторож-
ностью, но зачем бы ему было выдумывать? И даже если это
выдумано, то с целью подчеркнуть свой интерес все к тому
же — к славянским соседям. М.П.Алексеев держался той точ-
ки зрения, что русского языка Дефо все-таки не знал. Но есть

Петр I

ведь еще степень знания или незнания. Дефо неверно писал русские имена, фамилии и названия, однако это в любом языке — трудная часть, и даже хорошо знающие иностранный язык делают ошибки в именах.

«Открыли дверь в Европу» — так оценивал Дефо позицию русских. Тут мы совсем близко подходим к Пушкину, к знаменитой строке из «Медного всадника», той, что в поэме произносит именно Петр: «В Европу прорубить окно...». Однако Пушкин сам указал на первоисточник этого выражения: Франческо Альгаротти. Но итальянец сказал про «окно» в 1739 году, а Дефо про «дверь» — еще в 1710-м. И по существу между этими репликами нет противоречия: все та же мысль о выходе России на мировую авансцену, будь то через «дверь» или через «окно». О нас тогда, видимо, вообще так говорили, в этом духе, и Дефо лишь отчеканил и запечатлел символ, носившийся в атмосфере времени. А услышать про «дверь» он мог и от самих русских, приезжавших в Лондон, и от англичан, побывавших в России.

Опубликовал эти слова Дефо не в какой-либо книге, а в периодическом «Обзрении», которое он еженедельно выпускал в течение нескольких лет. Академик Адишеев считал, что эту хронику событий, написанную исключительно одним Дефо (которого так и прозвали «господин Ревью», т. е. Обзорение), целесообразно просмотреть на предмет упоминаний о России.

Там, конечно, не одна эта фраза про «открытую дверь» содержится! Дефо зорко наблюдал за нашей страной, так сказать, по двум темам: торговля с Англией и война со Швецией. О битве под Полтавой Дефо сообщил в «Обзрении» 18 августа 1709 г., а сражение состоялось, напомним, в конце июня. Причем тогда он дал первое сообщение, «по слухам», затем 3-го сентября поместил всевозможные сведения и донесения.

Судил Дефо о нашей победе с той интонацией, которой он особенно любил пользоваться: «А что я говорил?!» А он, действительно, сначала страшил нас Карлом, но потом все чаще стал говорить, что «русские еще себя покажут».

В наших библиотеках «Обзрения» Дефо, к сожалению, нет, и даже в Британском музее предпочитают выдавать не само «Обзрение», а его факсимильное переиздание, которое в свою очередь является раритетом. Это издание изготовили американцы в конце 1930-х годов, оно составляет двадцать два тома, и я, например, имея по условиям командировки считанные часы, не мог их все просмотреть. Но стоит, пользуясь указателем, открыть в этих книгах «русские страницы», как, должен вам сказать, начинается легкое головокружение: слышишь шум боевых схваток на полях России, лязг лебедек на торговых кораблях, пришедших из Мурманска или Архангельска, и все это запечатлено одним пером, все это написано также им самим — Дефо.

В 1715 году Дефо выпустил «Историю войн Карла XII, короля Швеции». Сами войны в то время еще не закончились, «Историю» Дефо писал прямо, как репортаж, по следам событий, он составлял то, что Пушкин называл «Записками о коротком времени». Находясь в такой близости к описываемым событиям, Дефо, по обыкновению, держался от них как бы в стороне, уходил за кулисы, скрывал свое авторство: эта «История»

В. Шекспир. Отелло
Лондон, 1735 г.

Прижизненные издания Шекспира, а также первое собрание его пьес, «первое фолио» (формат в полный лист), вышедшее в 1623 г., через семь лет после смерти драматурга — наперечет. В Библиотеке имеется комплект первого научно подготовленного собрания сочинений Шекспира, вышедшего под редакцией Николаса Роу в шести томах в 1709 г. Роу считается «отцом шекспироведения», первым биографом и первым текстологом Шекспира. Составляя жизнеописание Шекспира, Роу опирался на сведения ранних собирателей английской старины и даже на некоторые изустные сведения, хранившиеся по традиции в актерской среде. Его очерк стал основой всех после-

предложена читателям от лица «шотландского офицера», вроде бы находящегося на шведской службе. Ради той же видимой объективности Полтавский бой описан в этой книге даже дважды: один раз предлагается просто рапорт, а другой — свидетельство очевидца. Сегодня такой способ повествования, с разных «точек зрения», назвали бы «контрапунктом».

После «шотландского офицера» Дефо отправил в Россию «моряка из Йорка» — Робинзона, который проделал путь от Аргуня через всю Сибирь до Архангельска. Первое издание

Петр I

дующих биографий Шекспира. Столь же общепринятыми оказались некоторые его редакторские нововведения и исправления: он снабдил пьесы списками действующих лиц, поставил ряд ремарок, устранил очевидные опечатки, словом, начал работу над шекспировскими текстами, которая ведется до сих пор.

Есть в Библиотеке и сравнительно раннее издание шекспировской трагедии «Отелло», вышедшее в 1735 г. с указанием — «как исполняется в театре». В частности, как и в «первом фолио», Отелло здесь в заключительной трагической сцене «душит» Дездемону, хотя обозначается это другим словом по сравнению с более ранним изданием, где несчастная Дездемона оказывается, скорее, «удавленной». Дополнительное же указание на то, что обезумевший мавр действовал еще и кинжалом, появилось гораздо позднее, в основном под впечатлением от исполнения роли Отелло знаменитым трагическим актером Дэвидом Гарриком.

этой второй части «Приключений Робинзона Крузо» у нас, разумеется, есть, но на меня наибольшее впечатление произвело одно наше издание перевода этой книги, на полях которой кем-то был поставлен большой восклицательный знак. Слов нет, это безобразие, но и неводержанного читателя можно, мне кажется, понять. Он портил книгу, а в то же время сигнализировал: «Да вчитайтесь же!». И в самом деле, даже исследователи не уделили должного внимания отмеченному эпизоду: Отшельник Острова Отчаяния, Робинзон, беседует по душам со ссыльным «царским министром».

Кто этот «министр», не сказано, хотя некоторые другие лица в сибирской колонии названы. Да, некоторые имена невероятны и нелепы, как, например, какой-то «воевода Робостиский». Но подобно приключениям, которые Дефо преображал по своему, но все же использовал какую-то реальную основу, — и «воевода» мог быть соединением многих лиц и имен, о которых слышал Дефо: Ромодановский, Ростовский, Рагузинский, который, кстати, и привез в Москву Ганнибала, будущего «ара-

па Петра Великого». А с князем Голицыным, здесь же названным, Дефо не расстался и в «Истории Петра»: он предстает у него вдохновителем стрелецкого бунта. Собственно, туда, где повстречался с ним Робинзон, т. е. в Сибирь, Голицын попал именно как вдохновитель бунта.

Книгу о Петре Дефо выпустил, когда книга, точнее, книги о Робинзоне (три части) уже вышли в свет и обрели шумный успех, особенно первая часть. Как и в «Робинзоне», как и в других книгах Дефо, название «Истории Петра» пространно и занимает титульный лист целиком. Теперь такое название мы бы приняли за аннотацию — краткое изложение содержания. Читаю по титулу имеющегося у нас экземпляра: «Беспристрастная история жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени. С описанием его путешествий и переговоров в разных европейских странах. Его действий и достижений в северных и восточных частях света. Во взаимосвязи с историей Московии. Написано британским офицером, находившимся на царской службе» (Лондон, 1723. 420 с.).

Книгу эту выпускали три печатника сразу, выдержала она два издания подряд, причем второе, 1725 года, стало называться «Подлинной, достоверной историей...» и т. п.

«Написано британским офицером» — это, пожалуй, уже и объяснять не нужно, написано точно так же, как были описаны необычайные приключения «моряком из Йорка», войны Карла XII — «шотландским офицером» и т. д. Впрочем, в нашей Исторической библиотеке «Беспристрастная история» так и значилась за «офицером» в числе будто бы реальных записок, между тем в Музее книги она уже стояла под именем Дефо, — это расхождение первым делом установил, взявшись мне помогать, Сергей Громов.

Но на чем же все-таки основывался тот, кто все это в самом деле написал?

Помимо книги И.Крэнла, на которую мне указал Сергей Громов и которая называлась «Древнее и нынешнее состояние Московии», с продолжением «Нынешнее состояние Московии до 1699 года», им же были указаны — сочинение капитана Джона Перри, вызванного Петром в Россию и прожившего у нас более пятнадцати лет, до 1715 года, затем архивные документы — в общей сложности Сергей Громов насчитал 160 страниц цитат, примерно четверть всего текста.

Открывается «Беспристрастная история» буквально апологией Петра, впрочем, вовсе не восторженной взახлеб, а, как обычно у Дефо, деловитой, с перечислением по пунктам, что же сумел совершить и чего смог добиться Петр. Даже если Дефо пользовался чужими сведениями, то чувства у него были, несомненно, свои, не говоря уже о том, что еще прежде он выражал те же чувства на страницах «Обозрения».

Делать из Дефо апологета или хотя бы союзника Петра не следует, он был защитником прежде всего собственных интересов — своей страны, а точнее, своей среды. Например, он не советовал ввозить в Россию табак. Почему? Что, ему было дорого здоровье русских? Нет, скорее всего, патент на торговлю табаком перехватили его конкуренты или же конкуренты тех, чью выгоду он защищал. Или, скажем, Дефо поздравил Петра с

Еще одно очень редкое издание, связанное с Шекспиром и имеющееся в Библиотеке, следовало бы считать антишекспировским. Это вышедший в 1693 г. трактат драматурга Томаса Раймера, убежденного в неприкосновенности классических, идущих еще от античности правил трагедии. Поэтому трагедии Шекспира, в частности «Отелло», представлялись ему не трагедиями, а просто кровавыми фарсами. Разбор или, вернее, разгром, учиненный Раймером «Отелло», — это в сущности такая же антишекспировская классика, как и появившаяся двести лет спустя толстовская критика «Короля Лира». Еще одно редкое издание, направления противоположного, сугубо апологетического, — это книга «Смысл драм Шекспира», принадлежащая Элизабет Гриффит и вышедшая в 1775 г., в то время, когда многого в шекспировских пьесах действительного не понимали, а Элизабет Гриффит старалась это объяснить.

В Библиотеке есть все собрания сочинений Шекспира, подготовленные текстологами уже после Роу, в том числе несчастного Мэлона. Несчастливого

Полтавской победой, но при вступлении русских войск в Ливонию он же обругал царя «медведем» и «нехристом». За что? До него дошли сведения, что его единоверцы в тех краях, протестанты, вроде бы подверглись гонениям, вот Петр и получил от него «медведя» (а Дефо получил тогда указание извиниться перед русским посольством).

Но вначале мы уже говорили: о чем бы и за кого бы, каким бы голосом и под какой бы маской ни судил Дефо, неизменно сквозь все повествовательные условности пробивается его соб-

Петр I

потому, что одним своим поступком он буквально испачкал, смазал свою высокую репутацию редактора шекспировских пьес. Сторонник классической строгости, он настоял на том, чтобы шекспировский бюст над могилой был выкрашен в белый цвет, под мрамор: исчезли живые краски, хранившиеся с шекспировских времен! Этого Мэлону не могли простить. В памяти последующих поколений остались не тонкие наблюдения проницательного шекспироведа над шекспировскими строками, а его надругательство над шекспировской святыней — «варварство Мэлона!» Урок на все времена тем, кто и по сию пору старается «как лучше», переделывая памятники поэтам, перетаскивая их с места на место, а что касается иностранных имен и названий — перекраивая их, вопреки традиции, на свой вкус. Пусть вспомнят о Мэлоне!

Данте представлен в Библиотеке целым рядом изданий, из которых два выделяются прежде всего по контрасту между собой. Это «Божественная коме-

ственный голос, если только научиться его распознавать. А это голос приязни к людям инициативы и дела. И как, действительно, сочувствует Дефо преобразовательной деятельности Петра в принципе!

У меня, несмотря на помощь очень знающего, хотя и молодого историка, тогда не было и сейчас нет никаких доказательств знакомства с этой книгой Пушкина. Но чтобы дать нашим читателям краткое и ясное представление об отношении Дефо к Петру, я бы решился назвать его пушкинским, точнее, предпушкинским. Хотя, повторяю, следов пушкинского знакомства с «Беспристрастной историей» нет, но по тенденции и даже по формулировкам, вплоть до отдельных слов, в характеристиках, которые Петру дают Пушкин и Дефо, многое совпадает, а именно сочувствие к тому, что у нас в пушкинские времена обобщенно называлось «делом Петра», размах которого Дефо, современник наблюдательный и зоркий, сумел увидеть и оценить по достоинству. Читая «Беспристрастную историю», невольно повторяешь про себя, как отвечающий смыслу этой «Истории», рефрен: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат...»

«Покажите мне в Европе еще одного такого государя,— говорит Дефо,— который бы, не имея прежде ни одного корабля, за три года построил целый флот». Он же не находит в дея-

тельности Петра целого ряда особенностей, характерных для подъема других государств, а именно политики чисто колониальной — грабежа и захвата. Войны Петра Дефо оценивает как стратегические и на первых же страницах своей «Беспристрастной истории» говорит: «Не за счет завоеваний прежде всего преобразовывал страну Петр, а перестройкой экономики, обычаев, нравов и торговли».

Имел Дефо свои представления и о той цене, что была заплачена за петровские преобразования. Надо отметить, что сам

он, когда давал рекомендации соотечественникам по части преобразований, советовал ввозить невольников и использовать каторжников на тяжелых работах. Других ресурсов для изыскания многочисленных и дешевых трудовых рук Дефо не находил. Но ни по тому, ни по другому пункту Дефо не послушались. Ввоз рабов на сравнительно небольшие Британские острова грозил, по мнению властей, эпидемиями. Каторжников, по мнению тех же властей, было надежнее отправлять за океан. Изыскали, когда потребовались рабочие силы, другой способ: обезземеливание крестьянства. Лишенные земли и крова сельские труженики составили армию пролетариата, необходимую для прокладки дорог, строительства и т. п. Такие меры, при всем богатстве его фантазии, не могли прийти в голову Дефо.

Что же касается России, то Дефо прямо, хотя и суммарно, говорит о «жестоких методах» Петра.

Словом, я думаю, если бы эту книгу прочел Пушкин, он нашел бы на ее страницах немало созвучного своей собственной «Истории Петра». А если представить себе Дефо читающим заметки Пушкина, то, надо полагать, и он не стал бы спорить с таким, например, суждением: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного,

Петр I

дня», но одно издание крупноформатное, как бы настольное, другое — карманное. Формат большого издания, выпущенного в 1491 г., определяется обилием комментариев. На каждой странице помещены один-два стиха Данте, а вокруг пояснительный текст. Все три части «Комедии» — «Ад», «Чистилище» и «Рай» — были завершены поэтом в 1321 г., поэтому первые «издания» ее были рукописными. Так что издание 1491 г. следует считать очень ранним, одним из первых. Другое — карманное — относится к 1551 г., и здесь комментарии сделаны уже иначе, на первом плане — основной текст, комментарии на полях, под строкой или в конце книги. Комментированием Данте занимались и читатели, о чем свидетельствуют поясняющие пометы на полях миниатюрного издания. В конце же книги вклеены листки, на которых, видно, ученический читатель вынес всю свою «экзегезу» — пояснения текста.

Некоторое время скрывал свое авторство еще один великий писатель — Бальзак. Скрывал или же не считал

исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом».

Если бы «Беспристрастная история» в самом деле попала в руки Пушкина, он увидел бы на ее страницах, среди прочих лиц, своих же родственников, в частности Федора Матвеевича Пушкина, которого Дефо называет и который, по словам нашего поэта, «уличен был в заговоре против государя и казнен». И Дефо вполне правильно пишет это имя — Федор Пушкин, сын боярина Матвея Пушкина.

О.Бальзак. Код благородных людей, или Искусство не быть обманутым мошенниками
Париж, 1825 г.

Петр I

нужным объявить о нем. Во всяком случае, от тех произведений, которые он выпустил анонимно, Бальзак со временем отрекся, извывая готовность нести ответственность лишь за те произведения, на которых стоит его имя. В Библиотеке есть, безусловно, представляющие собой большую редкость и его ранние произведения, вышедшие без авторского имени. Это, например, вышедший в 1825 г. в Париже «Код благородных людей, или Искусство не быть обманутым мошенниками». Это изданная там же в 1829 г. «Физиология брака», пре-

Интригующим моментом, связанным с «Беспристрастной историей», является еще и тот факт, что Дефо выпустил эту книгу как раз в то время, когда в Европе на учении находился еще более непосредственный предок Пушкина — А.П.Ганнибал. Например, в Париже они, судя по датам, находились с Дефо в одно и то же время. Разве нельзя себе представить их встречи где-нибудь в книжном магазине, где Ганнибал приобретает книги (на что Петр выдал ему особые средства), а Дефо наблюдает, как продаются его сочинения? В духе «правдоподобной выдумки», приемы которой нам всем завещал Дефо, я попробовал описать такую воображаемую, но возможную сцену, тем более что «арап Петра Великого» в самом деле привез с собой в Россию целую библиотеку. Откуда у Пушкина было первое издание «Дневника чумного года»? Откуда «История пиратов»? Разве не могла попасть к нему тем же путем и «Беспристрастная история Петра Алексеича»?

В «Беспристрастной истории» условно пять частей, причем последняя, пятая, непропорционально велика по сравнению с остальными согласно своему содержанию. Идет в ней речь, собственно, не о Петре, а о петровском посланнике в Лондоне А.А.Матвееве. Это фактически история в истории: подробно повествуется о том, как русский посол был в Лондоне оскорблен словом и действием, — не менее подробно, чем говорится в

той же книге про Азовский поход или даже про Полтаву. Что за притча? Откуда такое пристрастие?

Положим, подмена темы служила Дефо столь же постоянным повествовательным приемом, как и разговор на разные голоса. На пятидесятой странице из трехсот Робинзон Крузо попадает на остров и далее он пилит, шьет и сеет хлеб, чем он мог бы заниматься не за тридевять земель, а у себя дома. Того же Робинзона Дефо отправил в Россию, а «полковника Джека» — нет, хотя, судя по титулу и названию «Истории полков-

В.Гете. Фауст
Лейпциг, 1787 г.

Петр I

ника», которое столь же пространно, как и название книги о Робинзоне, «полковник» должен был, путешествуя, в конце концов оказаться в нашей стране. В отношении «Беспристрастной истории» М.П.Алексеевым были поставлены такие вопросы: «Почему Дефо довел жизнеописание Петра только до 1714 года? Почему, обещая рассказать все вплоть до „настоящего времени“, т. е. до 1723 года, оборвал свою повесть чуть ли не на десять лет раньше?» (Вопросы эти появились в печати, к сожалению, когда М.П.Алексеева уже не было в живых.) А мы добавим: почему у Дефо жизнеописание Петра вдруг отклонилось в сторону и стало жизнеописанием посла?

За время работы над жизнью и творчеством Дефо у меня сложилось такое правило: ищи его самого под маской любого «беспристрастия»! И, представьте себе, это правило оправдалось на примере книги о Петре, но прежде чем это показать, надо напомнить, в чем заключалась так называемая «Матвеевская история».

Опытнейший в дипломатических делах Андрей Артамонович Матвеев вел с англичанами длительные и, как он все больше убеждался, бесплодные переговоры о возможности английского посредничества между Россией и Швецией. Это происходило за год до Полтавы. Англичане заверяли, обещали, медлили, уходили от прямого разговора и. в конце концов, Матвее-

дисловие к которой, правда, помечено О. де Б...к. Уже по названиям видно, что книги не художественные, их нельзя назвать и публицистикой. Это — дидактика, поучения и наставления читателям, касающиеся всего на свете, вплоть до того, как соблюдать «гигиену в семейной жизни». Здесь есть и правоучительный роман «Аннета и преступник». По этим произведениям видно, как определяется если не стиль, то сфера интересов будущего автора «Человеческой комедии».

К числу раритетов относится и хранящееся в Библиотеке одно из первых прижизненных изданий «Фауста» Гете. Эта небольшого формата книга еще не весь «Фауст», а только его фрагмент. На титульном листе так и значится: «Фауст. Фрагмент сочинения фон Гете» (Лейпциг, 1787 г.). Рукопись этого фрагмента была обнаружена лишь столет спустя, в 1887 г., но он неоднократно перепечатывался и входил в собрание сочинений Гете, изданное в восьми томах еще в конце XVIII в., задолго до завершения великой драматической поэмы «Фауст».

Петр I Великий... Не только активная внешняя политика этого первого российского императора, выведшего свою страну на арену мировой истории, приковала к себе внимание Европы, не только внутренняя политика царя-преобразователя, закладывающего иные, чем до сих пор, основы устройства и уклада общественной жизни, но и его личность, его человеческие особенности и способности государственного деятеля...

ев был отозван из Англии по его же собственной просьбе. И вот в день, когда Матвеев отправился в экипаже, чтобы перед отъездом рассчитаться по всем счетам (долг его составлял порядка 50 фунтов), на него набросились какие-то неведомые люди, они кричали, что русский посол хочет сбежать от уплаты долгов, и они потащили его в суд, который тут же сработал, признав Матвеева виновным. И наш посол оказался под стражей.

Эта история, неслыханная по своей дерзости, тянулась долгое время, вызвала длительную дипломатическую переписку, которую Дефо приводит в своей «Беспристрастной истории» с еще большими подробностями, чем реляции о сражениях. Что касается судьбы Матвеева, то я к этому отклоняться не буду, об этом можно прочитать в работах того же Н.П.Павленко или Н.Н.Молчанова: после всех препирательств Матвеев так и уехал. А что все-таки привлекло к этой истории самого Дефо?

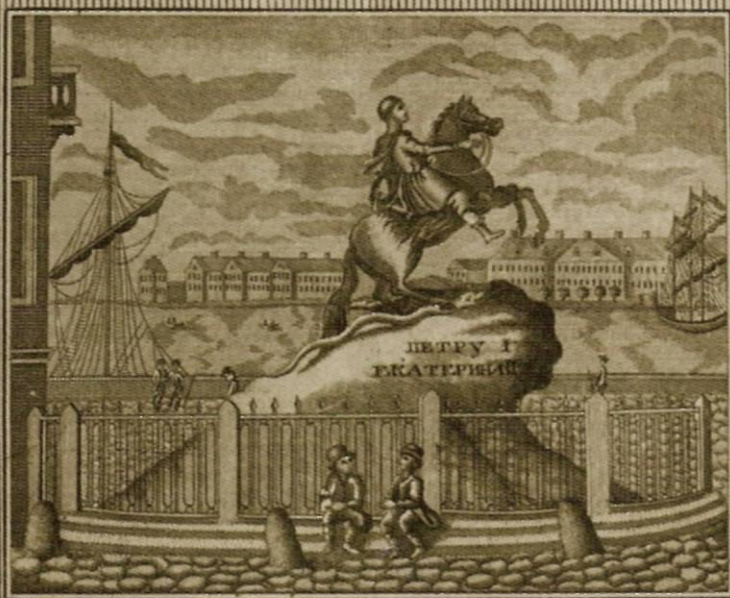
Ответ обнаружился в одной фамилии, попадающейся на страницах книги. Свидетелем (конечно, «свидетелем») против Матвеева выступал некто Бенсон, а мне этот Бенсон уже попадался, когда, изучая жизнь Дефо, я дошел до 1711 года: в ту пору Дефо в очередной раз потащили в суд и обвинили в государственной измене за сочинение, которое он даже еще не успел опубликовать. Рукописью его на суде потрясал Бенсон! Это был, как видно, прожженный, профессиональный, платный сутяга, и это он стряпал дело против Матвеева, а несколько лет спустя, оставшись совершенно безнаказанным, давал показания против Дефо. И Дефо это каким-то образом узнал. И Дефо ему отомстил, не забыв обиды более десяти лет спустя.

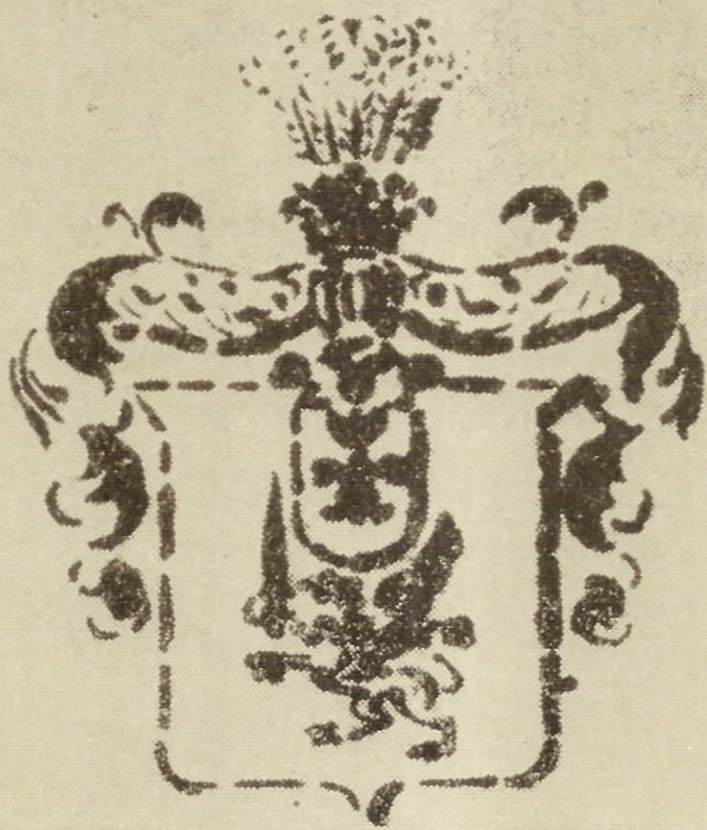
Тут уж нарушая правила «беспристрастия», Дефо открыто сочувствует русскому послу, попавшему в такую историю, в которые он сам неоднократно попадал. Набрасывались и на него на улице или приходили к нему домой, хватали, тащили в суд, а там уже был готов кто-нибудь вроде Бенсона подтвердить под присягой, что своими глазами видел и своими ушами слышал все, что господину судье будет угодно. И эти люди, у которых не то что голос, но каждый волос пропитан был ложью, упрекали его, патриота, в измене!

Уж он им отомстил! Уж он воспроизвел всю эту грязную историю, с документами, с крючкотворством, с красноречивыми уверениями, заведомо фальшивыми, и уклончивыми объяснениями, ничего не объяснявшими.

Как Дефо получил документы из архива министра иностранных дел? Я уже говорил: он имел доступ в наивысшие политические сферы, хотя его пускали туда через заднюю и даже потайную дверь. Почему не опасался он преследований из тех же сфер? Во-первых, может быть, опасался, но ему это было, как говорится, не впервой, а во-вторых, имели значение опять же особенности английской политики: она подчас разыгрывалась в намеренно обнажаемых противоречиях и обличениях. Иными словами, Дефо делал это, скорее всего, по заданию, но при этом не забыл и себя самого, своих интересов и обид.

И вот держишь в руках эту книгу, карманного формата, но потолще, чем «Приключения Робинзона Крузо», — и все та же видимость «случайно обнаруженной рукописи», вроде бы записки какого-то офицера, но надо быть настороже: это — Дефо.

M. Chadyes.

Вячеслав Огрызко

ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ

О судьбе библиотеки выдающегося русского мыслителя и публициста Петра Яковлевича Чаадаева научная общественность России впервые узнала из «Отчета Московского Публичного и Румянцевского музея за 1866 год». В кратком сообщении говорилось: «Третье по важности место в числе прошлогодних наших приобретений занимает пожертвованное М. И. Жихаревым собрание из 3000 томов и брошюр, 36 атласов, карт и планов, 25 разных портретов и 6 бюстов. Большую часть этого собрания составляет замечательная в своем роде библиотека покойного П. Я. Чаадаева, заключающая в себе, кроме многих повременных изданий, довольно большой и оригинальный выбор книг по части философии, истории, богословских и политических сведений и, наконец, по части беллетристики. Долгом своим считаем присвокупить, что собрание это находилось за последние годы в Тамбовском имении М. И. Жихарева и перевезено им оттуда за свой собственный счет, что при крайне ограниченных средствах Музея обязывает нас тем большею благодарностью к щедрому приносителю».

Экслибрис П.Я.Чаадаева

М. И. Жихарев — это племянник и биограф Чаадаева. Он хорошо понимал значение чаадаевского наследия, верил, что со временем это значение будет постоянно возрастать.

Автор знаменитых «Философических писем», Чаадаев выступал против духовного застоя в жизни общества, с резкой критикой самодержавия и крепостничества. В нем жила «сладкая вера в будущее счастье человечества». Верой в историческую будущность России пронизана и известная его статья «Апология сумасшедшего». Отнюдь не сочувствуя идеям социализма, Чаадаев смело предсказывал ему победу. В одной из записей, сделанных для себя, он утверждал: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники». Философско-исторические мысли Чаадаева, во многом проникнутые религиозным началом, явились мощным стимулом развития русской философии.

Незадолго до смерти Чаадаев оставил завещание. Он просил бумаги его, «запечатав, отослать Михаилу Ив. Жихареву». Ему же Чаадаев завещал книги, картины, бюсты и шкатулки.

После смерти Чаадаева Жихарев поставил себе целью сохранить для потомков по возможности все предметы, вещи и бумаги, связанные с именем автора «Философических писем». Библиотеку дяди он решил на первое время перевезти в свое имение. Это собрание существенно помогло ему в работе над жизнеописанием Чаадаева.

Биографию выдающегося русского мыслителя Жихарев закончил в 1865 году. Рукопись тогда же была отправлена брату Чаадаева — Михаилу Яковлевичу (через шесть лет ее опу-

ликовал журнал «Вестник Европы»). Продав почти год и так и не получив никакого ответа, Жихарев решил послать новое письмо, в котором ставил Михаила Яковлевича в известность о том, как собирается распорядиться книгами своего дяди.

4 ноября 1866 года он писал ему: «Вам известно, что у меня осталась библиотека покойного Петра Яковлевича, но чего Вы не знаете, это того, что я ее совсем не для того взял, чтобы ею воспользоваться, а с той целью, чтобы ее сохранить. Ныне эта цель приводится к исполнению. В полном своем составе, приумноженная еще двумя значительными собраниями книг с портретами, картинами и бюстами, она передается мною Румянцевскому Публичному музею, находящемуся в Москве на Знаменке в доме бывш. Пашкова. Тысяча шестьсот сорок пять томов, много портретов, картин и все бюсты уже отданы, в середине зимы передам остальное, а к лету она уже будет поставлена, и на меду на вековечное или по крайней мере очень продолжительное время останется в Музее вырезанное имя Петра Яковлевича Чаадаева. Оба его портрета масляными красками, один в гусарском платье, другой писанный гораздо спустя здесь в Москве в 1842 году, также будут навсегда находиться в Музее и туда уже отданы».

Так библиотека, а точнее второе книжное собрание великого русского философа и писателя, оказалась в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Второе собрание — потому, что было еще первое, которое стало складываться в студенческие годы Чаадаева. Во многом не удовлетворенный уровнем преподавания в Московском университете, он рано устремился к самообразованию. В жизнеописании своего дяди Жихарев отмечал: «Только что вышедши из детского возраста он уже начал собирать книги и сделался известен всем московским букинистам, вошел в сношения с Дидотом [представителем старинной семьи французских печатников и книгопродавцев] в Париже».

За короткий срок Чаадаев собрал большую библиотеку, в которой имелось немало раритетов. Впрочем, обратимся к документальным свидетельствам. В 1813 году вышел «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, написанных на Словенском и Российском языках от начала заведения типографий до 1813 года» В. С. Сопикова. Среди сотен изданий называлась в этом «Опыте»^ и такая книга, как «Апостол, или Деяния и послания Апостольския, переведены с Латинского перевода, именуемаго Вулгата, Доктором Франциском Скориною из Полоцка, в Вильне, 1525». Сопроводительный комментарий утверждал, что в России эта книга известна только в двух экземплярах: один находится в библиотеке профессора Московского университета Ф. Г. Баузе, а другой — в библиотеке П. Я. Чаадаева.

После окончания университета Чаадаев поступил на военную службу. 1812 год он встречал уже в Петербурге подпрапорщиком Семеновского полка. В столице Чаадаев продолжал поиск книг по истории, философии, литературе. Не всегда это было легко сделать. Тщетно пытался найти Чаадаев в Петербурге, например, сочинения Канта, которые просил выслать ему в Москву университетский друг математик Д. А. Облеухов. Он писал Облеухову: «Удивительное дело — в Петербурге, где

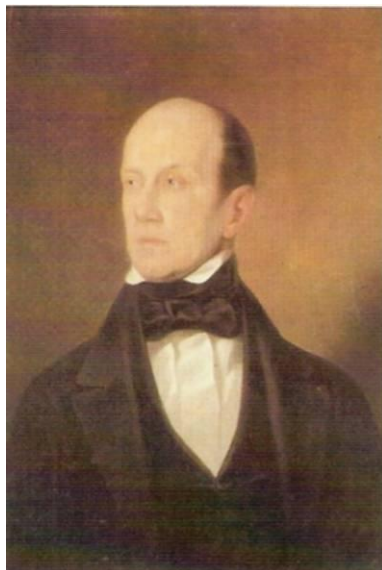
И. Ньютон. Philosophiae... Лондон, 1687 г.

В фондах Библиотеки много ценных личных коллекций писателей, ученых, общественных деятелей.

Книжное собрание видного русского государственного деятеля, издателя-мецената, собирателя книг и рукописей Николая Петровича Румянцева (1754—1826), послужившее основой для создания Библиотеки, насчитывало более 28 тыс. томов. В собрании Н. П. Румянцева преобладали книги на иностранных языках. В этой ценнейшей коллекции богато представлен исторический раздел, включивший 12 тыс. томов, в том числе 1600 книг по истории России.

столько людей думают, что понимают Канта, не мог я найти его главнейших сочинений». Впрочем, очень скоро Чаадаев стало не до Канта. Началась Отечественная война.

Воевал Чаадаев храбро. За мужество в Бородинском бою он был произведен из подпрапорщиков в прапорщики. Смелым офицером проявил себя Чаадаев и в заграничных походах русской армии. За героизм в Кульмской битве его наградили орденом Св. Анны 4-го класса, а за отличие в германской кампании 1813 года — Железным крестом.

Петр Яковлевич Чаадаев

Основу собрания видного историка Михаила Петровича Погодина (1800—1875) составляет коллекция исторических памятников. Собрание включает 2 тыс. томов. Сотрудники Библиотеки ведут его научное описание, планируется издание каталога.

К размышлениям о Канте, о современной философии и истории Чаадаев вернулся уже в заграничных походах. Это и понятно. Недавний выпускник Московского университета воочию соприкоснулся с достижениями западной культуры. Чаадаеву не терпелось полистать книги по истории Запада. Известны его обращения к университетскому товарищу Д. А. Облеухову с просьбами о присылке книг. Жаль только, что времени для чтения в заграничных походах находилось так мало.

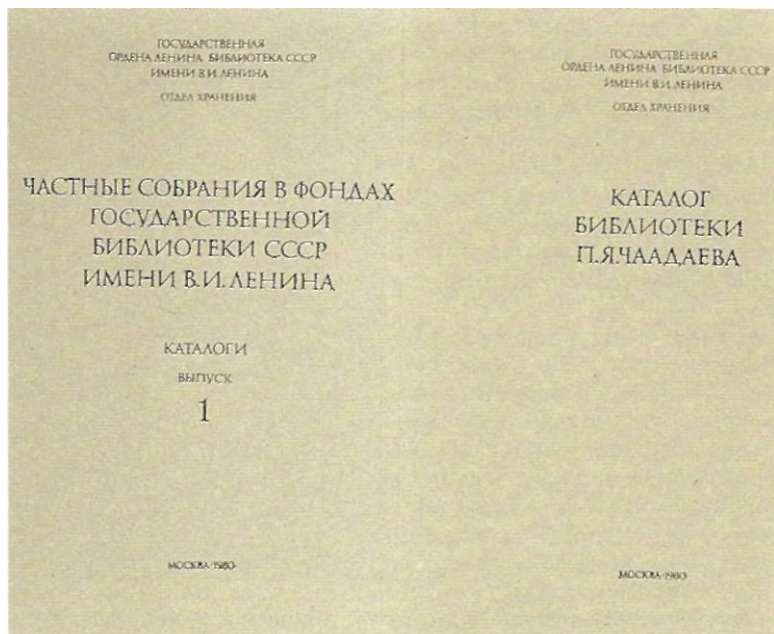
Только после возвращения в Россию у Чаадаева появляется возможность основательно заняться философией, историей, литературой. В 1816 году он в доме писателя и историка Николая Михайловича Карамзина познакомился с Пушкиным, тогда еще лицеистом. Очень скоро их отношения приобрели дружеский характер.

Говоря о влиянии Чаадаева на поэта, Я. И. Сабуров отмечал: «Он заставлял его мыслить». А П. В. Анненков писал: «Чаадаев уже тогда читал в подлиннике Локка и мог указать Пушкину, воспитанному на сенсуалистах и Руссо, как извратили первые философскую систему английского мыслителя своим упрощением ее и как мало научного опыта и исследования лежит у второго в его теориях происхождения обществ и государств. Выводы и соображения, которые рождались из анализа этих предметов, конечно, должны были поразить Пушкина новостью и сделать в его глазах „мудрецом“ самого их проповедника».

Исследователи не исключают, что Пушкин в 1818—1820 годах часто пользовался библиотекой Чаадаева. По крайней мере, достоверно известно, что Чаадаев свое собрание, насчитывавшее к 1821 году 1026 названий, никогда под семью замками не держал. Еще в студенческие годы он охотно делился книгами из собственной коллекции с профессорами и студентами Московского университета. На рубеже 10—20-х годов среди читателей его библиотеки были будущие декабристы Иван Якушкин, Артамон и Никита Муравьевы, Василий и Лев

Каталог библиотеки
П.Я.Чаадаева. Москва,
1980 г. Титульный лист
книги

Библиотека Вукола Михайловича Уидольского (1815—1864), библиографа и исследователя книги, включает около 1500 экз. славянских и иностранных рукописей и почти 900 экз. книг кирилловской печати XV—XVIII вв. Его коллекцию кирилловских книг XVIII в. современники сравнивали с собранием Петербургской Публичной библиотеки по полноте и значимости.

Перовские. А незадолго до заграничного путешествия Чаадаев передал свое собрание декабристу Федору Шаховскому, который перевез все книги в нижегородское имение Ореховец. Увы, до нас та чаадаевская библиотека уже не дошла.

Основы второго книжного собрания выдающегося русского мыслителя были заложены в его заграничном путешествии 1823—1826 годов. В Европе он хотел поправить сильно пошатнувшееся здоровье. Поездка оказала сильное влияние на философские взгляды Чаадаева.

Путешествие началось летом 1823 года. Чаадаев отправился сначала из Кронштадта в Англию. Судно, на котором он плыл, пришвартовалось близ Ярмута. Здесь Чаадаев познакомился с неким мистером Александером и мисс Стенфорд. Они часто встречались. Беседы их чаще всего касались религии. Чаадаев обсуждал с новыми знакомыми проблемы унитаризма, особенности религиозных обычаев Англии. Александер и Стенфорд советовали русскому путешественнику, какие книги стоит ему прочесть по этим вопросам, а после расставания одно время посылали ему книги в Лондон. Исследователь чаадаевского творчества Б. Н. Тарасов сообщает: «Названия и темы книг, посылаемых ему [Чаадаеву] в Лондон новыми

знакомыми, и тех, что он сам приобретал, свидетельствуют о его стремлении преодолеть состояние духовной неопределенности и внутреннего кризиса, во власти которого он находился уже несколько лет и который еще в России пробудил в нем религиозные чувства. Авторы этих книг размышляли о знании, добродетели и счастье, о влиянии обычаев и особенностей жизни на душу человека, давали практические рекомендации по нравственному самосовершенствованию, излагали историю сект квакеров и методистов, рассуждали об истинной и искаженной религии, о ритуалах англиканской церкви, о преимуществах британского законодательства и т. п. Созерцание природных красот все чаще ставило перед русским путешественником вопрос об их творце, поэтому с большим интересом читал он книгу Палея „Натуральная теология, или Очевидность существования и атрибутов божества, взятых из природы“».

В декабре 1823 года Чаадаев перебрался в Париж. Здесь он увлекся естественными науками. Опираясь на библиографические справочники и каталоги, Чаадаев составил для себя списки необходимой литературы по математике, физике, астрономии, геологии и другим областям науки. Денег на книги он не жалел, хотя периодически испытывал за границей финансовые затруднения. Делясь французскими впечатлениями, Чаадаев 1 апреля 1824 года писал брату из Парижа: «Одних книг купил на 1500 франков...»

Покупки продолжались также в Швейцарии, Италии, Германии. Нередко Чаадаев прямо на книгах помечал дату и место их приобретения. Специалисты подсчитали, что наибольшее количество таких отметок приходится на сочинения, приобретенные в Дрездене. Там были куплены, например, «Критика практического разума» и «Критика чистого разума» Канта.

Чаадаев не стремился к обладанию раритетами. Он искал сочинения, которые могли расширить его познания о мире. Его совершенно не трогали роскошные переплеты, внешний вид книги. За время путешествия у него набралось тридцать книг в неважном состоянии, у некоторых изданий отсутствовали даже обложки. Отдав в Дрездене эти книги ремонтировать, Чаадаев сказал мастерам, что ему не нужно богатого оформления. Книги он попросил переплести аккуратно, без излишеств.

В заграничном путешествии у Чаадаева сложилась, по сути, целая библиотека. Но не так-то просто оказалось перевезти ее в Россию.

Летом 1826 года Чаадаев возвращался из Германии домой. 17 июля он достиг Брест-Литовска. Осталось пройти таможенные формальности. Но неожиданно поступил приказ великого князя Константина Павловича чаадаевский багаж тщательно осмотреть. Через четыре дня великий князь отправил императору «выписку из всех найденных при нем [Чаадаеве] бумаг с оригиналом вышеозначенного письма [имеется в виду письмо англичанина Кука, в котором излагалась цель поездки Чаадаева в Англию], масонский патент [в свое время Чаадаев состоял в масонской ложе] и каталог книг». Великий князь спрашивал, «как поступить с [отставным] ротмистром Чаадаевым, которого до высочайшего Вашего Императорского ве-

В коллекции известного украинского собирателя Ивана Яковлевича Лукашевича (1811—1860) — почти все основные старопечатные славянские издания, большая часть книг, напечатанных Иваном Федоровым.

личества разрешения приказал я из Бреста Литовского не выпущать и иметь за ним секретный полицейский надзор».

Со своей стороны, брестский городничий срочно направил рапорт гродненскому гражданскому губернатору М. Г. Бобятинскому, в котором сообщал о том, что у Чаадаева отобраны на границе различные бумаги. Советским историкам удалось в конце 50-х годов в фондах Гродненского филиала Центрального государственного исторического архива БССР обнаружить дело «Об установлении полицейского надзора за отставным ротмистром Чаадаевым Петром, возвращающимся из Дрездена в Москву». Среди других документов, как сообщалось в первом номере журнала «История СССР» за 1958 год, в этом деле хранилось донесение начальника гродненского округа губернатору, в котором сообщалось, что при таможенном просмотре бумаг и писем Чаадаева оказались запрещенные к ввозу в Россию книги на французском языке: «История французской революции» Минье и «Сочинения Бенжамена Константа». Автор журнальной публикации Б. Фих утверждал, что в Бресте у Чаадаева изъяли семьдесят одну книгу.

Еще раньше цензура не пропустила через границу семь книг, которые Чаадаев, уезжая из Парижа, поручал вместе с другими оставшимися в Париже своими вещами отправить через местного комиссионера в Москву. Об этом Чаадаеву сообщил его старый товарищ Н. Тургенев. По просьбе путешественника Тургенев, приехав по своим делам в Париж, разыскал комиссионера, занимающегося отправкой чаадаевских вещей. Тот рассказал об известии, полученном от лейпцигского комиссионера. В письме к Чаадаеву Тургенев 2 декабря 1825 года сообщал: «Лейпцигский комиссионер пишет, что цензура объявила запрещенными семь книг (Прадта, Вильсона и пр.) и что книги эти возвращены к комиссионеру Варшавскому. Варшавский пошлет их к Лейпцигскому; этот к Франкфуртскому, а Фр. хотел их прислать к здешнему, но здешний ему отвечал, что оставить книги там, где они находятся».

Я теперь пишу к Фр. комиссионеру, прося его сообщить Лейпцигскому, чтобы он эти книги послал к вам в Дрезден, адресуя на Басанжа. Он это, вероятно, исполнит. Но не худо бы и вам справиться о сем Лейпцигском комиссионере».

На запрос великого князя Константина Павловича, что делать с томившимся в Брест-Литовске Чаадаевым, ответ прислал начальник Главного штаба Дибич. 11 августа 1826 года он сообщал великому князю, что государь император «желает, чтобы... приказали допросить Чаадаева по содержанию отысканных у него бумаг и найденных у него книг». Дибич возвращал «выписку из найденных при Чаадаеве бумаг, подлинные письма, мasonicкий диплом и каталог книгам».

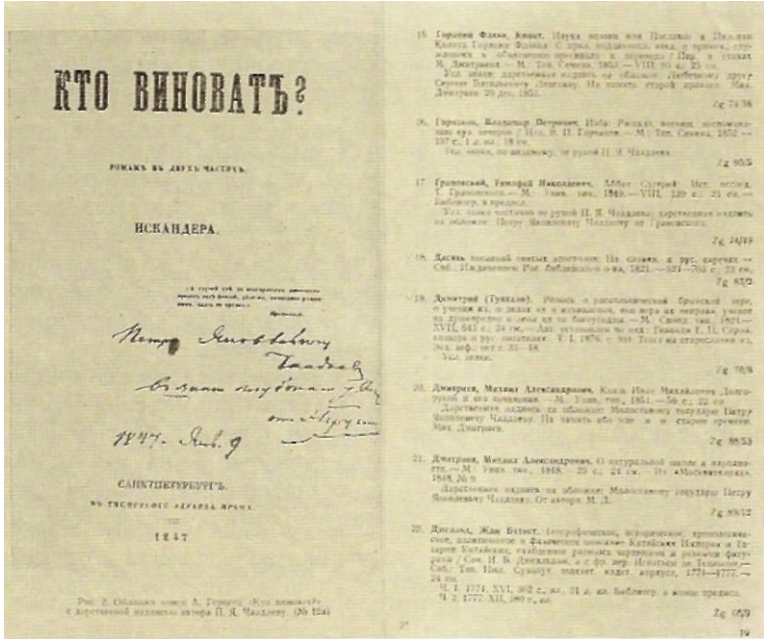
Допрос был поручен флота капитан-командору Колзакову. В 1935 году Д. Шаховской опубликовал протокол этого допроса, написанный собственноручно Чаадаевым. Судя по документу, путешественнику задавались вопросы, касающиеся в основном его отношений с декабристами. И только два вопроса имели отношение к книжной части чаадаевского багажа. Колзаков обратил внимание, в частности, на то, что большинство книг, которые вез с собою Чаадаев, касались религии. Он спросил, каковы причины такого интереса путешественника

Коллекция прогрессивного издателя Козьмы Терентьевича Солдатенкова (1818—1901) содержит 8 тыс. томов книг и 15 тыс. экз. журналов. Большой частью это подаренные издателю книги крупнейших деятелей науки, культуры и литературы с их автографами.

В собрании известного московского букиниста-антиквара Павла Петровича Шибанова (1864—1935) — более 200 экз. книг кирилловской печати XV—XVIII вв., много значительных работ по библиографии.

к религии. Петр Яковлевич ответил: «Из давнего времени, прежде выезда за границу, занимался я христианской литературою, не имея при том никакого другого вида как умножение познаний своих насчет религии и укрепления своего в вере христианской. В России имею значительное собрание книг по сей части; в бытность свою в Дрездене старался увеличить сколько мог оное собрание».

Второй вопрос касался запрещенных книг. Колзаков спросил: «Почему вы оные везли с собою, возвращаясь в Россию?»

А.Герцен. Кто виноват? Санкт-Петербург, 1847 г. Обложка книги с дарственной надписью автора П.Я.Чаадаеву (Каталог библиотеки П.Я.Чаадаева. Москва, 1980 г.)

Уникальное собрание «дониконовских» книг представляет собой библиотеку купца и собирателя Егора Егоровича Егорова (1862—1917). В ней более 500 экз. изданий XV—XVIII вв., среди них много иллюминированных книг.

Чаадаев отвечал: «Какие именно сочинения запрещено ввозить в Россию, мне не известно. Живши же в России часто выписывал книги из чужих краев и с дозволения цензуры, объявив, что для собственного употребления выписываю книги, обыкновенно получал все без изъятия, кроме тех, в которых содержались личные клеветы насчет царской фамилии. В сих же книгах, полагаю, ничего такого не находится, но так как всех их еще не прочел, то уверительно сказать не могу».

Неприятный инцидент на границе завершился подписанием Чаадаева о неучастии в любых тайных обществах. Первого сентября путешественнику наконец дозволили отправиться в Россию со всем его багажом.

Новая библиотека Чаадаева действительно имела прежде всего «рабочий» характер, соответствовала его интересам. В ней практически отсутствовала какая-либо развлекательная литература. Треть всех книг составляли издания по философии и религии.

Близкий в молодости к декабристам и резко критически настроенный по отношению к существующему в России порядку, Чаадаев, однако, всегда энергично отстранял мысль о необходимости какой-либо революции. Будущий издатель его сочине-

ний князь И. С. Гагарин, познакомившийся с автором «Философических писем» еще в 1835 году, считал, что Чаадаев все несчастья России видел в том, что его родина «оставалась в продолжении столь долгого промежутка времени чуждой интеллектуальной и моральной жизни Европы». На основе своих встреч и бесед с Чаадаевым Гагарин делал вывод: выдающийся русский философ был убежден в том, что «католическая церковь воспитала Европу, ведь именно она сформировала ее и дала ей это единство... Корень зла налицо, лекарство тоже легко отыскать; надо было войти в европейский концерт не одним внешним и поверхностным заимствованием результатов цивилизации, но возвращением к тому единству, самое высокое и самое ошутительное олицетворение которого есть папа». Вот чем объясняется интерес Чаадаева к литературе религиозного характера.

В какой-то мере сказались здесь и беседы Чаадаева в Германии с Шеллингом. Герцен считал, что «это знакомство, вероятно, много способствовало, чтобы навести его [Чаадаева] на мистическую философию. Она у него развилась в революционный католицизм, которому он остался верен на всю жизнь. В своем письме [Философическом] он половину бедствий России относит на счет греческой церкви, на счет ее отторжения от всеобъемлющего западного единства».

Треть книг в чаадаевской библиотеке составляли сочинения по истории и художественная литература. Эта часть собрания также служила прежде всего рабочим целям философа. По своему составу новая библиотека должна была стать для Чаадаева своеобразной базой для завершения образования. Основы знаний он получил во многом опираясь на первое собрание.

Особенность второй чаадаевской библиотеки — многоязычие. Любая книга Чаадаева интересовала прежде всего новизной материала, глубиной мышления ее автора. Чаадаев прекрасно владел основными европейскими языками, свободно читал по-латыни и по-гречески. Больше чем наполовину его библиотека состояла из книг на французском языке. На немецком языке был каждый пятый том, на русском — каждый восьмой, на английском — каждый семнадцатый. Хранились у Чаадаева также сочинения на итальянском, латинском, греческом и других языках.

Читал Чаадаев всегда наготове держа карандаш. Три четверти книг из его второго собрания и поныне хранят следы отношения их владельца к прочитанному. У Чаадаева существовала целая система помет.

Самым простейшим знаком ему служила, видимо, вертикальная черта, сделанная карандашом на полях справа или слева против текста. Эти черты мы встречаем, например, на полях книги Н. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки...», изданной в 1831 году.

Часто оставлял Чаадаев на полях книг и такие пометы, как крест, звезда, похожий на греческую омегу круг. Одна из исследователей, О.Г.Шереметева, полагала, что этими знаками Чаадаев отмечал в изданиях особо поразившие его места. Порою Чаадаев рисовал что-то вроде музыкального ключа. Но смысл этой отметки не ясен.

А.Чехонте. Сказки Мельпомены Москва, 1884 г. (Из собрания Н.П.Смирнова-Сокольского)

Отличительная черта коллекции книг XVIII в., собранных литературоведом Василием Алексеевичем Десницким (1878—1958), — насыщенность редкими изданиями. В составе его библиотеки и более 1500 ценных русских книг XIX—XX вв. Коллекция систематически пополнялась в течение 60 лет.

Немногие личные собрания удостоены такой чести, как библиотека историка книги, эстрадного актера и библиофила Николая Павловича Смирнова-Сокольского (1898—1962). Ей отведена отдельная комната, воссоздающая обстановку домашнего собрания. Библиотека эта во многом уникальна. Здесь представлены все сколько-нибудь важные издания из области русской

Всего Шереметева насчитала на книгах, составлявших вторую библиотеку автора «Философических писем», свыше двадцати пяти видов условных знаков. Она отмечала, что в книгах из чаадаевского собрания «отдельные абзацы заключаются в простые или фигурные скобки. В местах, по-видимому, наиболее нужных, страницы перегибаются пополам, отчеркиваются или перечеркиваются. Отметки такого рода сопровождаются несколькими словами, большей частью на французском языке. Значки эти очень характерны, по ним можно сразу среди тысячи книг отыскать книгу Чаадаева, они имеют, по-видимому, каждый свое особое значение, которое, к сожалению, до сих пор не удалось разгадать и выявление которого могло бы сделаться предметом дальнейшего изучения».

По этим знакам сегодня можно не только выявить систему чтения Чаадаева, но и в какой-то мере проследить процессы углубления им своих познаний. Нередко по ходу чтения он делал черным карандашом прямо на страницах книг разного рода записи. Часто это рассуждения по поводу прочитанного. Так, на форзаце «Критики практического разума» Канта Чаадаев, используя евангельские слова об Иоанне Крестителе как предтече Христа, написал по-немецки: «Он не был светом, но свидетельствовал о свете». А над названием «Критики чистого разума» Канта Чаадаев отметил: «Апологет Адамова разума».

Судя же по записям, сделанным в книгах по точным наукам, философа интересовал главным образом вопрос движения. На книге Био «Очерки элементарной физики», изданной в Париже в 1824 году, Чаадаев написал: «...всякое движение бывает вызвано — движение интеллектуальное, как и материальное. В этом смысле и мысль передается. Ясность не что иное, как развитие впервые вызванного богом движения в неподвижном разуме. Поэтому мыслящие индивидуумы неизбежно должны быть приспособлены для восприятия сообщаемого движения, т.е. они должны быть эластичны и сжимаемы — одни тела больше, другие меньше».

Но это могли быть и записи личного характера, заметки, имеющие биографическое значение, наброски к письмам. Например, книга «Подражание Иисусу Христу» неожиданно вызвала в заграничном путешествии тоску по родным местам и воспоминания о брате. В самой книге Чаадаев тогда подчеркнул такие слова: «Мы крайне чувствительны к страданиям, причиняемым другими, и не замечаем, как другие страдают от нас». Видимо, он отнес эти слова к себе, посчитав себя виноватым перед братом (на полях Чаадаев приписал: «Брат, бедный брат, 1825»).

Чтение часто подталкивало Чаадаева к различного рода сопоставлениям, вызывало самые неожиданные ассоциации. Двухтомник г-жи де Сталь «О Германии», например, подтолкнул его к размышлениям о том, как приходят в нашу жизнь открытия. На полях второго тома он записал: «Нельзя сделать открытия не предполагая заранее. Затем оно доказывается и подтверждается наблюдением, опытом или рассуждением, но всегда необходимо предположение. Открытия, сделанные случайно, не принадлежат ни философии, ни даже человеческому уму, животные их тоже, без сочинения, делают, пусть же люди

литературы, журналистики, библиографии, театра. Собрание примечательно прежде всего первыми и прижизненными изданиями произведений русских классиков XVIII—XX вв. (многие с автографами), русской «потаенной» литературы, книг, уничтожавшихся царской цензурой. Коллекция насчитывает свыше 19 тыс. изданий.

довольствуются этим предчувствием, пусть выражают его, ведь это божественная, пророческая способность человека».

Изучая «Историю Франции» Жана Сисмонди, он вдруг заинтересовался Польшей. В пятый том между 112—113 страницами Чаадаев вклеил небольшое сочинение на четырех листах почтовой бумаги, озаглавленное «Несколько слов о польском вопросе».

Самое большое количество пометок и надписей было сделано Чаадаевым на книгах в 1826—1829 годы. Исследователи утверждают, что от этих записей берут свои истоки знаменитые «Философические письма». Во всяком случае, на полях многих книг можно обнаружить целые наброски Чаадаева к главному труду его жизни. Так, О.Г.Шереметева некоторые тезисы к первому письму нашла в пометах к книге г-жи де Сталь «О Германии». Надпись находится на белом листе бумаги позади текста и на внутренней стороне переплета первого тома. Фрагментами вариантов «Философических писем», как установила Шереметева, являются и надписи на втором и шестом томах «Истории» Тита Ливия. Отдельные положения писем были обнаружены исследователями и на полях сочинений немецкого философа Якоби, французского писателя Вильмена, других авторов. Так, поперек форзаца книги Якоби «Об учении Спинозы» Чаадаев написал: «...много говорят об истине, но знают ли, что это слово едва встречается у древних. Древние мудрецы умели говорить только о мудрости. Это же слово относится к фразеологии писателя». Эту мысль Чаадаев потом развил в своих известных письмах.

Сегодня по сохранившимся маргиналиям во многом можно восстановить процесс создания «Философических писем».

Чаадаев работал над ними в 1828—1831 годах. В восьми письмах (на французском языке) Чаадаев смело для своего времени поставил самый большой для общества вопрос — вопрос о судьбе Родины. Он попытался дать сравнительную характеристику России и Европы, изложить свои взгляды на историю, которая является, как он полагал, «ключом к пониманию народов». Ему казалось, что развитие России прекратилось, что русская общественная жизнь давно закоснела. «Философические письма» звучали как предупреждение: оставаться в рамках настоящего — быть без будущего. Предупреждение, которое вызывало мысли о необходимости революционных перемен. Но весь ход размышлений Чаадаева был пронизан религиозным началом.

Эпистолярную форму философского трактата Чаадаев избрал под влиянием послания одной своей знакомой, Е.Д.Пановой.

Однажды Панова высказала желание «поучаться в деле религии». Но ей показалось, что Чаадаев увидел в этом фальшь, посчитал, что она притворяется, чтобы заслужить его дружбу. Панова послала Чаадаеву письмо, в котором уверяла его, что это не так: «Я видела, как всецело вы поглощены религиозными идеями, и мое восхищение, мое глубокое уважение к вашему характеру внушили мне потребность заняться теми же мыслями, как и вы; я со всем жаром, со всем энтузиазмом, свойственным моему характеру, отдалась этим столь новым для меня чувствам».

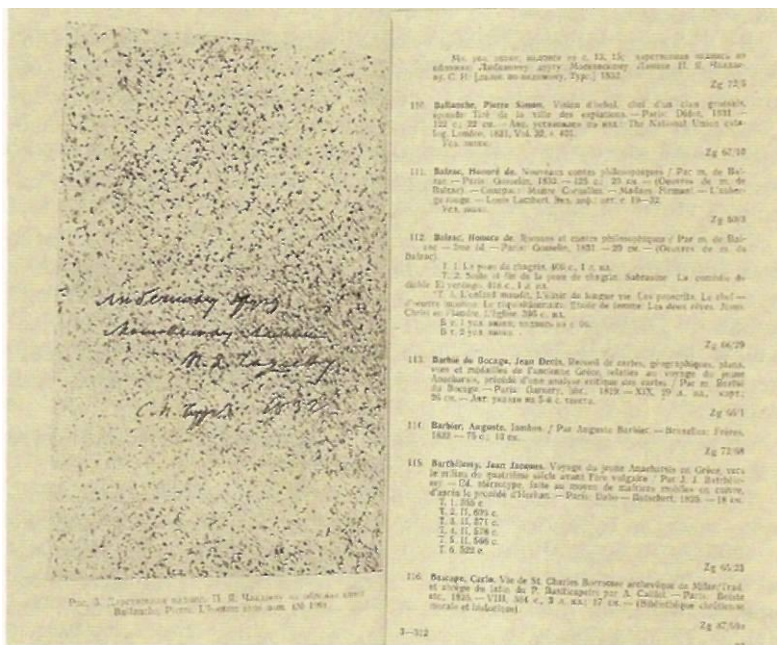

А.Тарасенков. Русские поэты XX века. 1900—1955 гг. Москва, 1966 г.

Ценнейшая коллекция русской поэзии XX в., собранная известным советским критиком и литературоведом Анатолием Кузьмичем Тарасенковым (1909—1956), включает большей частью издания советского времени. Вместе с тем она содержит много изданий русских поэтов начала века. Около тысячи книг — с дарственными надписями.

Чаадаеву письмо понравилось своим чистосердечием и искренностью. Оно вызвало у него немало размышлений о религии, науке, философии, истории, социологии, о самой жизни. Он взялся сочинять ответ, который так и не был отправлен Пановой. Но этот ответ стал началом его знаменитых «Философических писем».

Не просто складывалась издательская судьба этих писем. Долгое время Чаадаев нигде не мог их опубликовать. Часть писем он отдал своим друзьям, в том числе А.С.Пушкину и

Библиотека русской поэзии И.Н.Розанова Москва, 1975 г.

А.И.Тургеневу, надеясь, что, возможно, им удастся найти издателя.

В этот период Чаадаев предполагал применить свои знания на дипломатической службе. 1 июня 1833 года он написал начальнику III Отделения А.Х.Бенкендорфу: «...в настоящую минуту я вижу, что это было бы той службой, на которой я мог бы лучше всего использовать плоды моих научных занятий и труда всей моей жизни».

Всерьез готовясь к дипломатической должности, Чаадаев изучал специальную литературу. Большое внимание он уделял Германии. В письме к Бенкендорфу Чаадаев писал «о необходимости пристально следить за движением умов в Германии». На полях книги Мартенса «Дипломатический путеводитель», изданной в Лейпциге в 1832 году, он записал несколько фраз, до конца понятных только ему: «Мне кажется, что опасность действительно существует. И главным образом потому, что правительство станет на сторону народа... Боде может быть в Вюртенберге, нужно, прежде всего, сблизиться с Баварией... Миссия во все правительства Германии.— Система миссий.— Вспомните императора Александра.— Система жестоких репрессий будет иметь нежелательные результаты».

Каталог библиотеки П.Я.Чаадаева. Москва, 1980 г. Страницы книги

Существенную помощь оказывал Чаадаеву в те годы старый университетский товарищ А.И.Тургенев. Попытавшись проследить их отношения, один из самых серьезных современных исследователей чаадаевского наследия Б.Н.Тарасов выяснил, что «Тургенев делал для „московского философа“, как он называл Чаадаева, разнообразные выписки из нашумевших на Западе книг и статей, присылал и привозил ему из-за границы новейшие сочинения по различным отраслям знания, знакомил европейские салоны с его философическими письмами».

Но с государственной службой у Чаадаева так ничего и не получилось.

В 1836 году ему удалось опубликовать в журнале «Телескоп» первое философическое письмо. По словам А.И.Герцена, оно «потрясло всю мыслящую Россию». Герцен считал, что «после „Горе от ума“ не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление. Между ними — десятилетнее молчание, 14 декабря, виселица, ка-торга».

Сразу после публикации письма в «Телескопе» у Чаадаева был произведен обыск. Весь философский трактат оказался в руках III Отделения. Только в 1862 году князь И.С.Гагарин издал в Париже «Избранные сочинения и письма Чаадаева», в которые вошли три философических письма, переправленные автором за границу задолго до «телескопской» истории.

Остальные пять писем были обнаружены и опубликованы уже в советское время Д.И.Шаховским.

Современники Чаадаева находили в «Философических письмах» немало близких им идей. Пушкин, прочитав в «Телескопе» первое письмо, высоко оценил критику Чаадаевым современной действительности. В своем отзыве, оставшемся неопубликованным, он писал: «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, что равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко».

Но Пушкин был согласен далеко не со всеми положениями «Философических писем». Он справедливо возмущался бездоказательным выводом Чаадаева об исторической ничтожности России. Полемизируя с Чаадаевым, Пушкин писал: «Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полужабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?»

Собрание Михаила Ивановича Чуванова отражает пятидесятилетний период истории русской книги, точнее — книги прежде всего московской. Главная ценность этого собрания — рукописные кириллические книги (свыше 500), представляющие практически все жанры древнерусской литературы. На книгах старопечатной коллекции Чуванова сохранилось почти 300 записей. Ученые пришли к выводу, что свыше 280 помет были сделаны в XVI—XVIII вв.

Уникальна и та часть библиотеки Чуванова, которая содержит автографы, машинопись, переписку и документы, отражающие становление издательского дела в Москве после Великой Октябрьской социалистической революции.

С гордостью поэт утверждал, что ни за что на свете он «не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»

Взрыв негодования вызвала «телескопская» публикация у царского правительства. Журнал был закрыт. Было официально объявлено, что Чаадаев постигло расстройство ума. Чаадаев решил ответить на это «Апологией сумасшедшего», которая так и не была им завершена. Он собирался уточнить свои новые взгляды на высокое предназначение России. Разъясняя в «Апологии сумасшедшего» своеобразие своего патриотизма, Чаадаев писал: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее».

В записях по нравственным, философским, историческим, литературным и политическим вопросам, которые Чаадаев вел долгие годы, он однажды заметил: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать». Чаадаев признавался: «Слава богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных».

Чаадаев по-своему любил Россию. Это отразилось на его отношениях со славянофилами и западниками. Первые не раз справедливо критиковали Чаадаева за оценки прошлого России. Но Чаадаева связывало с ними, как считает Б.Н.Тарасов, прежде всего признание религиозного начала как определяющего фактора мировой истории. А с западниками Чаадаева сближали надежды на созидательную роль европейской цивилизации в будущем России и всего человечества.

Царское правительство полагало, что объявление о расстройстве ума Чаадаева оттолкнет от него всех знакомых, изолирует мыслителя от общества. Но вот что свидетельствует один из его первых биографов М. И. Жихарев: «Поведение личных друзей Чаадаева, т.е. почти всего мыслящего и просвещенного меньшинства московского народонаселения и даже всех его знакомых, исполненное самого редкого утонченного благородства, было выше всякой похвалы. Чаадаев в несчастье сделался предметом общей заботливости и общего внимания. Все, наперерыв, старались ему обнаружить знаки своего участия и своего уважения, и это не в одной Москве только. Замечательно, что наиболее с ним несогласные, самые с ним в мнениях противоположные, были в то же время и наиболее к нему симпатичными и предупредительными».

«Философические письма» создали Чаадаеву авторитет выдающегося мыслителя. Г.В.Плеханов верно заметил, что одним «Философическим письмом» Чаадаев «сделал для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженьями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России „по данным земской статистики“ или бойкий социолог фельетонной „школы“».

Благодаря хлопотам друзей весной 1837 года Чаадаева освободили от медицинского надзора, но с условием «не смей ничего писать». Не смей писать означало не смей работать, не смей думать. Но это было исключено. Чаадаев понимал, что это условие не даст ему возможности публиковаться, но оно

Инвентарь инкунабул коллекции А.Маркушевича Москва, 1979 г.

Предметом особой гордости Библиотеки является коллекция инкунабул и собрание славянских старопечатных книг, переданные ей в наше время — в конце 70-х гг. известным советским математиком и книговедом, вице-президентом Академии педагогических наук СССР Алексеем Ивановичем Маркушевичем (1908—1979).

не могло заставить прекратить работу его ума. Он продолжал следить за развитием общественной мысли, много читал. В московских гостиных Чаадаев включился в споры на исторические, литературные и религиозные темы. Самые известные люди России посылали ему свои сочинения.

В чаадаевской библиотеке сохранилось двадцать пять книг с дарственными надписями видных ученых и писателей — Т.Н.Грановского, С.П.Шевырева, М.Н.Каткова, М.А.Дмитриева, А.Ф.Вельтмана и др.

Особые отношения связывали Чаадаева с Герценом. Они познакомились в 1834 году. Но первая встреча не оставила большого впечатления. В «Былом и думах» Герцен позднее писал: «Я мало помню об этой первой встрече, мне было не до него; он был как всегда холоден, серьезен, умен и зол».

Перелом в их отношениях наступил после публикации в «Телескопе» первого «Философического письма» и возвращения Герцена из ссылки. «Возвратившись в Москву,— читаем в «Былом и думах»,— я сблизился с ним, и с тех пор до отъезда мы были с ним в самых лучших отношениях». Не случайно Герцен впоследствии передал ему через знакомых две свои книги — разные варианты романа «Кто виноват?» 1845 и 1847 годов издания. На первой книге он написал: «Петру Яковлевичу Чаадаеву от глубокоуважающего А.Герцена». А на второй книге надпись гласит: «Петру Яковлевичу Чаадаеву в знак глубокого уважения от А.Герцена. 1847, янв.».

С книгами Чаадаев не расставался до последних дней жизни. Его интересовали новые имена в литературе. Одним из первых он оценил дарование И.С.Тургенева, который подарил ему рукопись своей комедии «Нахлебник». Сильное впечатление произвели на Чаадаева «Записки охотника» Тургенева. В этих рассказах Тургенева он обнаружил созвучные ему идеи, восприняв их как проповедь освобождения крестьян. П.В.Анненков в своих воспоминаниях о молодости Тургенева сообщал, что «Записки охотника» Чаадаев обсуждал вместе с Е.П.Ростопчиной. Он писал: «Графиня Ростопчина (урожденная Сушкова), получив книгу, заметила перед Чаадаевым: „Voilà un livre incendiaire“. „Потрудитесь перевести фразу по-русски,— отвечал Чаадаев,— так как мы говорим о русской книге“». В переводе фразы Ростопчиной означала, что «Записки охотника» — «зажигающая книга».

Занимала Чаадаева в последние годы также мемуарная литература. Уже тяжело больной, он весной 1856 года писал княгине Н.Д.Шаховской: «Пришлите мне, пожалуйста, дорогая кузина, второй том мемуаров кн. Дашковой, который М.Н.Щерб. должна была передать вам. Я чувствую себя плохо и мне нечего читать». Жить ему оставалось несколько дней.

Передавая в 1866 году чаадаевское собрание Московскому Публичному и Румянцевскому музею, М.И.Жихарев верил, что оно даст зримое представление не только о круге читательских интересов его владельца, но и о многих сторонах его мировоззрения и в определенной мере поможет проследить эволюцию взглядов автора «Философических писем».

К сожалению, долгое время никто не брался за научное описание и фундаментальное исследование книжной коллекции Чаадаева. Да и за сохранностью книг не всегда в библиотеке

Собрание инженера и книголюба Александра Павловича Гранкова (ум. 1979 г.) содержит около 270 книг XVIII в. В их числе издания с владельческими или дарственными записями писателей и ученых. Наибольшую ценность среди изданий XIX в. представляют книги из личных библиотек декабристов К. Ф. Рылева, М. С. Лунина, А. А. Бестужева.

После Великой Октябрьской социалистической революции Библиотеке было предоставлено преимущественное право на получение изданий национализированных библиотек и других книжных собраний, которые значительно обогатили ее фонд. Более 1000 книг кирилловской печати в фонде Библиотеки имеют экз-либрисы Троице-Сергиевой лавры. Это книги московской печати XVI—XVIII вв., украинские книги XVII—XVIII вв.

Собрание печатных книг и рукописей из библиотеки Оптиной пустыни (более 400 экз.) включает книги московской и украинской печати (более половины — киевские издания XVIII в.), а также петербургские издания XVIII в.

следили. В 1930 году один из первых исследователей биографии выдающегося мыслителя Д.И.Шаховской заметил замену в чаадаевском собрании первого тома «Новой истории» Гизо. В собрании оказалась книга Гизо без чаадаевских пометок, а том с маргиналиями исчез. Шаховской стал настаивать на сверке книжной коллекции Чаадаева, хранившейся тогда на открытых полках в одной из галерей. В 1932 году исследователи взялись за описание коллекции. Был составлен предварительный карточный каталог. Собрание Чаадаева было

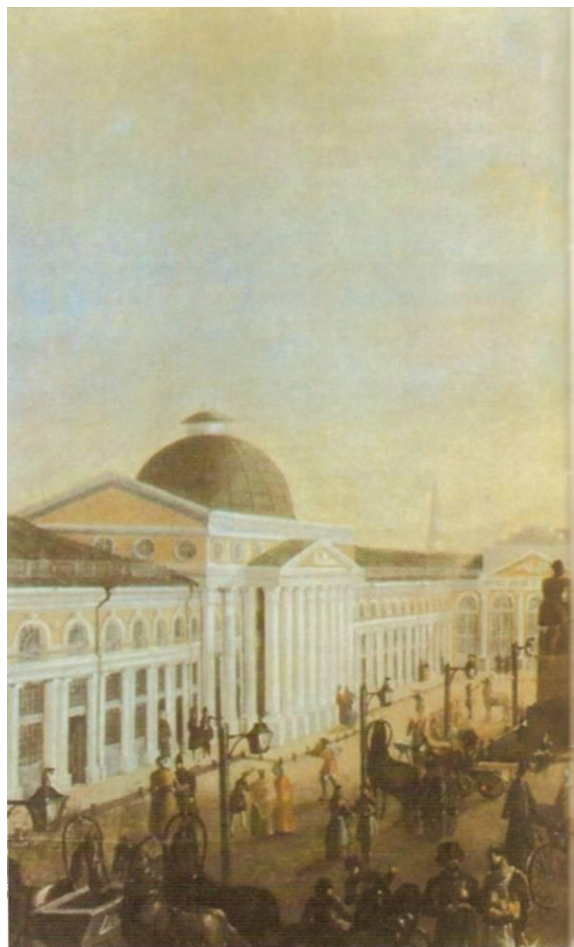
Большое количество книг (около 2000) поступило из библиотек Московской духовной академии, Вифанской духовной семинарии, Рогожской старообрядческой общины, Московской Епархиальной библиотеки, Ниловой пустыни, Московской синодальной типографии.

Будочник

размещено в отдельных шкафах, получило собственный шифр.

С того времени началось серьезное научное исследование библиотеки автора «Философических писем». Ученые попытались расшифровать все надписи и отметки, сделанные на книгах чаадаевского собрания. Издан каталог библиотеки. Но о полном изучении книг, принадлежавших Чаадаеву, о чем мечтал Жихарев, говорить пока рано.

Москва. Вторая половина XIX в. Вид Красной площади
Преображенские пруды
Застава на Московской дороге

СЛОВАРЬ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
XI-XVII вв.

Павел Бондаровский

ЖИВ ЛЕВША!..

Не всякая уникальная книга — шедевр.

И наоборот: шедевру вовсе не обязательно быть уникальным. Есть в этом даже известная прелесть — когда непревзойденное творение рук человеческих хоть и существует в нескольких одинаковых экземплярах, а каждому нет цены. Шедевр — доказательство высочайшего мастерства его создателя, доказательств же не бывает лишних, все — впрок. Особенно, если дело касается книги — предмета чрезвычайно «общительного».

У нашей книги страницы (точнее — странички) совсем-совсем крохотные — всего 29X 22 миллиметра, а формат текста — 21X 14. Вы уже догадались: книга эта — миниатюрная, книжка-колибри, как их еще называют. Не самая маленькая (есть в Библиотеке им. В.И. Ленина и значительно меньшие), не уникальная, но все-таки — самая-самая...

Год ее рождения — 1855-й. Бурный год для России. Скончался палач декабристов, «крестный отец» охранки, «жандарм Европы» — Николай I. Польша роковая для тысяч и тысяч русских солдат Крымская война. Новый монарх, Александр II, не скупится на обещания — и реформ, и свобод, и чего бы то ни было, — уж слишком взрывоопасна в стране ситуация. Не трон, бочка с порохом — такое ему от отца наследство.

Удивительно ли, что не встретила в те горячие дни новорожденная «жемчужина русского полиграфического искусства» (так позднее, спустя век, назовут эту книжечку) подобающего приема. А ведь книга — поистине мировой рекордсмен, достижение, которое еще ох как нескоро удастся превзойти.

Извлечем ее из черного кожаного футляра и полюбуемся сперва на переплет, где значится: «Басни И. Крылова». Это пока не наборный текст — тут постарался на славу умелец-гравер. Гравер же выполнил и фронтиспис — литографированный портрет в профиль Ивана Андреевича Крылова, взятый в овальную рамку-медальон. Невиданно миниатюрная книжная графика.

Сколько дней создавались эти странички размером с почтовую марку — нам неизвестно. Знаем только, что и для гравиров, и для наборщиков заказаны были специальные очки-бинокли. Не поскупился издатель ни на оснастку, ни на оплату и мастеров привлек лучших из лучших. Слишком много значила для него эта книжечка — можно сказать, символический итог жизни.

...К тому времени он был уже стар. Шутка ли: еще несколько месяцев — и, будь любезен, рассылай приглашения на юбилей. Серьезная дата — семьдесят пять... Мало кто из ровесников дожил. Иных чествовали уж после смерти, иных

Миниатюрная книга. Басни И. Крылова. Санкт-Петербург, 1855 г.

же и вовсе забыли... Ну, а его — Якова Яковлевича Рейхеля — долго ли помнить будут? И если все-таки будут, то в связи с чем — с нумизматикой, где он бесспорный авторитет, знаток, даже автор трудов о средневековых монетах; или — в связи с основным делом жизни? Есть разница.

Человек он в Санкт-Петербурге не из последних, на должность сам государь-император определял, сам же один только вправо и на покой отправить. Прежний на возраст не посмотрел, не отправил, да и нынешний — вряд ли посмотрит. Уж слишком ответственное у него, управляющего, хозяйство — Экспедиция заготовления государственных бумаг. Ассигнации, векселя, разного рода акты, бланки, почтовые марки... Вот книжки стали печатать — загляденье, не книжки!

Перед воротами да при каждом здании — караульные. А в зданиях, на одном бескрайнем дворе, — и бумагоделательная фабрика, и граверная, и печатня, и словолитня... Производство такого размаха и в Европе-то не в два счета сыщешь, в России же — точно нет подобного. Разве что лес на бумагу не сами рубят.

Техника — совершеннее быть не может. Как что новенькое в типографском деле появится, так по высочайшему повелению первой очередью ему, управляющему, в хозяйство: мол, так и так, извольте, владейте, преуспевайте на благо... И преуспевал, преуспел.

Вот и книжку задумал такую, каких никто и нигде до него не мог сделать. Прямо так и распорядился: «Отпечатать для любителей библиографических редкостей несколько книг басен Крылова в 256-ю долю листа, чтобы выказать степень совершенства, до какой доведено... книгопечатное искусство».

Легко сказать — в 256-ю долю листа! Возьмите в руки газету формата «Правды», разверните (это и будет примерно лист) и представьте ее уменьшенной в 256 раз... Впечатляет, не правда ли?

Идея выпустить книгу с таким размером страницы настолько захватила Я.Я. Рейхеля, что он решил воплотить ее в жизнь несмотря ни на какие трудности. А трудности предстояли немалые.

Миниатюрные книги в те годы в России уже не были чем-то из ряда вон выходящим. Публика, а отчасти и типографские рабочие, к ним даже попривыкли. Те же басни И.А. Крылова в 1833 году вообще вышли целым собранием — в восьми мини-книжках. В фондах Отдела редких книг Библиотеки им. В.И. Ленина хранятся экземпляры изданных в 1830-е годы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, «Душеньки» И.Ф. Богдановича и многих других мини-книг. Есть здесь и самая первая отечественная миниатюрная книжка — «Краткое изображение Российской истории» А.Л. Шлецера, — увидевшая свет в типографии известного московского издателя-мецената П.П. Бекетова еще в 1805 году. Однако форматы названных книг по сравнению с задуманным были просто «гигантскими» — в 24-ю, 32-ю, самое лучшее — в 64-ю долю листа. А требовалось-то — еще вчетверо меньше!

Шрифт — вот что явилось проблемой номер один. Самый мельчайший из применявшихся ранее выглядел бы громоздко на столь крохотной странице, испортил бы книгу. Да и много

Какие книги принято считать миниатюрными? В разных странах мира это определяется по разным признакам. По мнению авторов польской «Энциклопедии знаний о книге», предельный размер полосы набора мини-изданий не должен превышать 54X. 34,5 мм. Известный английский коллекционер Перси Эдвин Спильман собирал книжки-малютки, высота которых не превышала 3 дюйма (76 мм). В Венгрии условный формат миниатюрных книг — до 7(2)X 70 мм, в ГДР — до 75X 75 мм. В СССР в качестве предельного для миниатюрных изданий принят размер страниц 100X Ю0 мм.

Из хранящихся в Библиотеке книг самая маленькая — выпущенная в 1964 г. издательством «Вальтманн унд Фитцнер» в Мюнхене «Олимпийская клятва» на семи языках. Ее размер — 6X 6 мм. Текст отпечатан с гравированных клише.

Когда говорят о размерах книг, обычно имеют в виду их высоту и ширину. Но есть в фондах Библиотеки книга, формат которой вполне обычен, и тем не менее она тоже в своем роде «рекордсмен». Это са-

ли текста в нее вошло бы? Решение: граверам и словолитчикам Экспедиции изготовить собственный, оригинальный шрифт небывалого для российских типографий кегля (размера) — 3 пункта (около 1,13 мм)...

Знал ли Я.Я. Рейхель, что в далекой Италии уже создан шрифт еще более мелкий? Скорее всего, нет. Ведь тем шрифтом еще ничто не было набрано. Кегль его — менее 2-х пунктов (около 0,74 мм). Матрицы изготовил в 1834 году гравер Антонио Фарина, сам же шрифт в 1850 году отлил в Милане Джакомо Гноччи. И тот и другой трудились на свой страх и риск — шрифт им никто не заказывал, и прошло два с лишним десятилетия, прежде чем братья Салмин из Падуи решили использовать его в своей типографии «Алла Минерва» для набора «Божественной комедии» Данте.

Но и здесь не все прошло гладко. Наборщики наотрез отказывались портить зрение «мушиным глазом», как они окрестили новый шрифт. Только один отважился — Джузеппе Джече. Он и набрал всю книгу. Оттиснутую печатником Луиджи Бальдано и откорректированную профессором Луиджи Бусато миниатюрную «Божественную комедию» выпустил в свет 9 июня 1878 года миланский издатель Ульрик Хоепли. Размеры страницы здесь — 50X32 миллиметра, а формат полосу набора — 37X 20. В Библиотеке им. В.И. Ленина хранится два экземпляра этой одной из редчайших мини-книг прошлого века. Правда, читать ее почти невозможно, даже если вооружиться сильным увеличительным стеклом: быстро устают глаза. Что же касается шрифта, то и он сегодня не самый мелкий. В 1959 году швейцарским полиграфистам удалось отлить шрифт кеглем менее одного пункта (около 0,376 мм) и набрать им текст листовки форматом 17,7X 17,7 мм со стихотворением, посвященным изобретателю книгопечатания в Европе — Иоганну Гутенбергу.

Однако вернемся на северо-западную окраину Санкт-Петербурга, на берег Фонтанки, где расположилась Экспедиция заготовления государственных бумаг. Там Яков Яковлевич Рейхель самолично оценивает работу гравера и словолитчика. Теперь можно быть уверенным: даже знай он о существовании «мушиного глаза», ни за что не воспользовался бы им. Не безделушку, пусть ювелирную, решил он создать, а такую книжку, чтобы при всех небывало малых размерах — с почтовую марку — ее все же можно было читать.

На славу удались литеры, сверкают будто точеными гранями. Не из серебра, из чистого золота стоило их отлить — заслужили... А впрочем, серебро даже лучше: белесый, алмазный у него блеск. Ножки у литер настолько тонки, что, кажется, пропускают свет, преломляют, раскладывают его на все цвета радуги... «Бриллиант, иначе не скажешь... Diamant!..»

Под таким, по-немецки, названием — «Диамант» — и вошел этот шрифт в историю; и здесь следует подчеркнуть: именно этот, данный, единственный и неповторимый. Позднее, годы спустя, шрифты 3-пунктового кегля стали именовать по-русски «бриллиантами»; «диамантами» же назвали шрифты размером 4 пункта (около 1,5 мм). Причем последний, второй «диамант» оказался более жизнеспособным: он и сегодня часто встречается в энциклопедиях, словарях, тогда как «тез-

мая толстая книга Библиотеки — «Энциклопедический словарь английского языка», изданный в 1914 г. в Нью-Йорке. Издание насчитывает 8600 страниц и, несмотря на то, что отпечатано на тончайшей бумаге, имеет толщину почти в четверть метра. Вес книги — около восьми килограммов.

Существует довольно распространенное, но все же ошибочное мнение, будто первые миниатюрные издания обязаны своим появлением прихоти французской королевы Марии-Антуанетты, пожелавшей иметь такие книги, которые можно было бы брать с собой на прогулку или на бал, спрятав в перчатку. Тогда, в конце XVIII в. и возникла при парижском дворе мода носить при себе крохотные книжечки, свободно уместившиеся, скажем, в жилетном кармане. История, однако, опровергает эту версию происхождения мини-книг. Точнее — ее опровергают сами миниатюрные книжки-инкунабулы, дошедшие до нас из глубины веков.

Самая старая из хранящихся в фондах Библиотеки мини-книг — молитвенник «Officium Beatae Virginiae Mariae», отпечатанный в Антверпене еще в 1487 г. Г е-

ку» его — «бриллиант» — практически перестали использовать.

...Гудит, присвистывает за окнами шквалистый северный ветер, гонит вверх по Фонтанке студеную балтийскую воду. Угомонится на миг-другой, послушает ночь и опять: вззоет в щелях да по дымоходам, задребезжит стеклами.

Мешает ветер наборщику. Хоть и опытен, хоть и зорек, а все ж дрогнет иной раз рука. Уши бы чем заткнуть, но нельзя — не услышать тогда, что товарищ диктует: «„Буки”»,

Басни И.Крылова. Санкт-Петербург, 1855 г. Фронтиспис и титульный лист книги

рардом Леу. Размеры книжки — 70X 48 мм. В 1976 г. известный советский библиофил А. И. Маркушевич подарил Библиотеке собрание инкунабул, и в их числе — редчайший миниатюрный молитвенник «*Psalterium Virginis Matris Mariae*». В книге не указаны ни год издания, ни фамилия типографа, ни место печатания. Исследованиями историков, однако, установлено, что книжка выпущена около 1488 г. в нидерландском городе Цволле типографом Петерсом Ос ван Бреда. Заключенный в переплет из черного марокена и превосходно сохранившийся молитвенник имеет размер страницы 98У. 65 мм, а формат полосы набора — 68X 41 мм. Настоящее произведение искусства — воспроизведенный красками от руки миниатюрный (/3X // мм) геральдический экслибрис, помещенный в книгу. От руки же выполнены здесь инициалы и рубрикация.

Начало массовому выпуску малоформатных и мини-изданий положили нидерландские типографы из рода Эльзевиров — Лодо-

„аз”, „слово”, „наш”, „иже”... Бас-ни...» Наборщик и сам грамотный, в иное время обошелся бы и без помощника, сейчас, однако, не обойтись. Очки-бинокли, что начальство придумало,— это, конечно, хорошо; только все одно — боязно головой лишний раз шевельнуть, того и гляди фокус собьешь, а его поди-ка потом поймай снова. И так «на выдохе» работает: выдохнет — и набирает, пока в висках молотками не застучит, потом осторожно вдохнет, снова выдохнет и опять не дыша набирает. Иначе как на выдохе литеру к литере и не приладишь — почище будет, чем в муху с полсотни шагов из пистолета попасть,— да еще при свечах. Днем, конечно, светлее, это верно, но — и шуму больше, и народу кругом. «Диамант» же — тишину любит, полный покой, только ночью и дается в руки, только ночью и подчиняется...

Ложится литера к литере, строка к строке — красиво! Любит наборщик Крылова, читал, а спроси его, что сейчас набирает, какую басню,— может, и не скажет. «Буки», «аз», «слово», «наш», «иже»... Некогда из букв слова складывать, не дай бог воротиться глазами к началу строки — тут же фокус собьешь!..

Об итальянском наборщике, что работал с «мушиным глазом», позднее упорно рассказывали, будто он, набрав «Божественную комедию», ослеп. Причем слух этот распространен настолько, что проник и в газеты и даже в серьезные исторические труды. Луиджи Салмин, один из владельцев типографии в Падуе, вынужден был в 1912 году через английскую «Тайме» заявить по этому поводу официальный протест. Публикация мало кого убедила: настолько невероятным, сверхчеловеческим казалось то, что сумел сделать Джузеппе Джече. Как же были поражены специалисты, библиофилы и библиоманы, когда в 1914 году на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге получили возможность сравнить это итальянское издание с русскими «Баснями

И. Крылова». Да, «Диамант» крупнее «мушиного глаза», однако формат страницы и набора у «Басен» — чуть ли не вдвое меньше. К тому же русский наборщик уместил на одной странице двадцать строк текста, тогда как у итальянского на большей площади и при явном превосходстве шрифта в емкости и кегле — всего семнадцать. Пришлось, видимо, специально делать большие пробелы между строчками, чтоб хотя бы сквозь сильную лупу можно было разобрать печатанное. У «Басен И. Крылова» на этот счет проб-

Басни И. Крылова. Санкт-Петербург, 1855 г.
Страницы книги

лем не существовало: добился своего Я.Я. Рейхель — и размером с почтовую марку, и читать при желании можно...

Одно грустно: если создатели итальянского шедевра книгопечатания и сегодня известны нам все поименно, то о гравере, словолитчике, наборщике и печатнике, участвовавших в работе над шедевром российским, можно только гадать. Не сохранились или не найдены пока о них достоверные сведения. Впрочем, до недавнего времени у специалистов не было единого мнения и о точной дате выхода книжки в свет. Назывались и 1859-й, и 1856 годы, и лишь недавно удалось установить: «Басни И. Крылова» изданы в 1855-м. Дело в том, что ни год, ни название типографии, где печаталась книжка, в ней не указаны.

Хорошо или плохо, если книга размером с почтовую марку, а то и вообще с рисовое зернышко? И зачем такие печатают? Если бы на эти вопросы существовал однозначный ответ, не было бы, наверное, на земле многотысячной армии коллекционеров, предпочитающих книжки-малютки любым другим. Что нравится всем подряд, обычно не собирают. С другой стороны — то, что никому не нужно, не выставляют в музеях, не хранят за семью печатями, в сейфах, как самые ценные ценности.

Наши «Басни И. Крылова» удостоились именно такой чести. В хранилище Отдела редких книг Библиотеки им. В.И. Ленина три экземпляра этого издания покоятся именно в сейфе, открываемом раз в неделю, не чаще. Четвертый экземпляр — неподалеку, в Музее книги, выставлен для всеобщего обозрения, но — под прочным стеклом и охраной милиционера. Почти как бриллиантовое кольцо в каком-нибудь ювелирном салоне... Сравнение не случайное, не поверхностное: миниатюрная книга — произведение поистине ювелирного искусства, создаваемое, однако, обычными наборщиками, печатниками,

вейк1 (ок. 1540—1617), Матиас (1564—1640), Бонавентура (1583—1652), Абрахам (1592—1652) и другие. Изданные ими книги вошли в историю под общим названием «эльзевиров». В Библиотеке хранятся выпущенные представителями этого известнейшего издательского дома «Афоризмы» Гиппократом (1628) размером 92X44 мм, сочинение Александра Ирвина «О королевском праве» (1627, 92X56 мм), «Описание Африки» Иоанна Льва Африканского (1632, 102X55 мм), «Сатирикон» Петрония (1676—1677, 88X48 мм). Авантитул последнего издания выполнен в технике офорта.

Особое место в коллекции мини-книг Библиотеки занимают миниатюрные издания времен Великой Отечественной войны. Это сборник частушек «В бой за Родину» (1942), выпущенный в Архангельске, книга Б. Горбатова «О жизни и смерти» (1941), напечатанная в Ворошиловске, сатирические стихи Г. Крейтана «Будет Гитлеру крышка» (1942), изданные тбилисской газетой «Заря Востока», и др.

граверами и т. д. Точнее — самыми лучшими, самыми виртуозными из обычных.

...И все же — зачем? Ведь книги печатают для того, чтобы их читали. Миниатюрные же издания — чем дальше, тем становятся меньше и для чтения неудобнее. Но вспомним: «...чтобы выказать степень совершенства, до какой доведено... книгопечатное искусство».

Крохотная — втрое меньше стандартного спичечного коробка — книжечка басен Крылова, изданная в середине прошлого века, продемонстрировала на долгие годы вперед высшую степень этого самого совершенства, высшую и для России, и для Европы. Поскольку, в отличие от многочисленных своих соперниц, она была набрана и отпечатана в типографии по той же технологии, что и любая обычная книга. Лишь более века спустя, с внедрением фотонабора, стали появляться у нее достойные конкуренты. Рождались они, однако, в специальных условиях. И только совсем недавно, в 1985 году, издательство «Книга» выпустило в свет микро-книжку, установившую новый «абсолютный рекорд», — также в условиях обычного полиграфического производства.

Красноречивое и, вполне можно сказать, заслуженное у книжки название — «Чудо из чудес». Она по праву заняла место в ряду сокровищ Библиотеки им. В.И. Ленина — как самая маленькая советская книга. Размеры ее — 6X9 миллиметров. В ней собраны высказывания А.С. Пушкина и М. Горького о книге и чтении, причем напечатаны они на русском, английском, французском, немецком и испанском языках. Есть здесь и сверхминиатюрные портреты авторов.

У этого микроиздания тоже своя история, пусть лишенная таинственности и белых пятен, но не менее примечательная, чем история «Басен Крылова». Задумано оно было незадолго до очередной Московской международной книжной выставки-ярмарки как экспериментальное — для проверки возможностей выпуска микро-книг на обычном типографском оборудовании. Не сразу решили в издательстве, где именно печатать книжку. Выбор остановили на Подольской фабрике офсетной печати — предприятии современном, но... никогда прежде продукции подобных размеров не выпускавшем. Многого тогда пришлось начинать буквально с нуля — подбирать наиболее пригодный шрифт, чтобы и при большом уменьшении не сливались буквы, и опробовать множество сортов бумаги, переплетных материалов, клея, разрабатывать принципиально новый способ фальцовки листа — ведь книжку-то предстояло печатать почти вшестеро меньшего формата, чем «Басни И. Крылова», и при этом необходимо было соблюсти требование: оборудование должно быть стандартным, обычным для любой современной типографии.

Тираж невелик, всего 200 экземпляров, но и задача на этот раз стояла главным образом научно-техническая: на практике подтвердить возможности и перспективы технологии микропечати. Иными словами, целью было не установление сиюминутного рекорда, а прокладывание дороги в завтрашний день полиграфии. И здесь, как оказалось, несмотря на все совершенство сегодняшней техники, тоже не обойтись без «лучших из обычных», без мастеров-виртуозов.

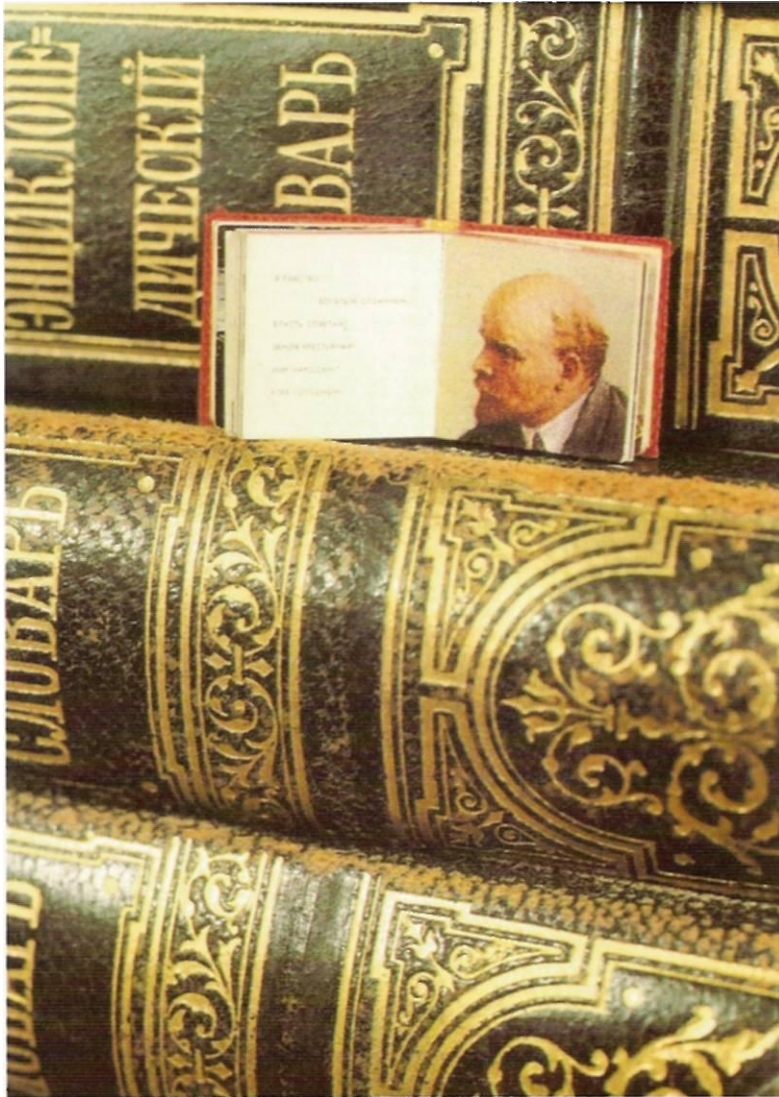

Миниатюрная книга Г.Крейтан. Будет Гитлеру крышка
Тбилиси, 1942 г.

Есть среди миниатюрных книжных сокровищ Библиотеки издание, ценное уже самим фактом своего выхода в свет. Это — «Конституция РСФСР», выпущенная в 1921 г. в городе Кинешме местной типографией. Напечатана она на простой оберточной бумаге. В ней нет рисунков, нет каких-либо украшений и на обложке. Тем не менее, эта книжечка размером 50X 35 мм ознаменовала собой начало новой эпохи в русском миниатюрном книгопечатании — советской — как первое послереволюционное мини-издание.

В данном случае их имена известны: ретушеры Александр Кошелев и Дмитрий Кремезный, печатник Нина Штыкова, переплетчик Мария Деева. В книге нет их имен, но «Чудо из чудес» — это в полном смысле слова их авторское произведение, произведение искусства, корни которого — в глубинных традициях русских умельцев.

...Признайтесь, читая этот очерк о реальных книгах и реальных людях, не раз вспоминали вы героя литературного — легендарного Левшу. Ведь, казалось бы, совершил он ник-

Миниатюрная книга
Конституция РСФСР
Кинешма, 1921 г.

Большинство мини-изданий, связанных с именем Владимира Ильича Ленина, — его труды и книги о нем — вышли к 100-летию со дня рождения вождя. В этом ряду особенно выделяется книга, несколько лет являвшаяся самой маленькой советской книгой, — ее формат 6X16 мм. Это отрывок из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», иллюстрированный одиннадцатью репродукциями портретов вождя.

Миниатюрная книга
В.Маяковский. В.И.Ленин
Москва, 1970 г.

чемное дело — блоху подковал, — но прославил тем самым Отечество и народ свой, богатый талантами непревзойденными, способный и в малом подняться до великого. И не только в легендах такое умение — в жизни. И не только в прошлом — в настоящем и будущем. Жив Левша!..

JONSTON J. HISTORIA CIVILIS ... AB ORBE
CONDITO AD ANNUM 1642. — Amsterdami (Am-
sterdam) apud Ludovic. Elsevirum, 1642. — [8] л.,
209, [1] с. [2] л.

«История» Я. Ионстова, напечатанная в
Амстердаме в 1641 г. в типографии Эльзе-
вира. Формат — 24.

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН)
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕ-
РАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ —
Москва, 1937. — 111 с.

Первая советская миниатюрная книга
(размер 5 см).

КРЫЛОВ И. А. БАСНИ ИВАНА КРЫЛО-
ВА. — Спб.: Тип. Экспедиция изготовления гос. бу-
маг, 1855. — 86 с., 1 л. портр.

Самая маленькая книга, напечатанная
в России в XIX в. (размер 2,7 см). Выпол-
нена набором, шрифтом «едианта».

ЧУДО ИЗ ЧУДО. — М.: Книга, 1965. —
20 л.: 6 x 9 см и 4,5 x 3,2 см.

MICKIEWICZ A. POEZYE ADAMA MICKIEWICZA. Wyd. Jubileuszowe. — Warszawa: Nakład W. Szulca, 1908. — 319 s., papier.

Миниатюрное издание «Поэзии» Адама Мицкевича, напечатанное в Варшаве в 1908 г. (размер 3 см). Несфальшиванный экземпляр.

DER OLYMPISCHE EID. IN 7 SPRACHEN. — München: Waltmann und Pfitzner, 1904. — 7 s.

«Олимпийская клятва» на семи языках, издана в Мюнхене в 1904 г. — одна из самых маленьких книг мира (размер 6 × 6 мм). Текст напечатан с гравированного клише.

Елизавета Левашова

СЛЕД В ВООБРАЖЕНИИ

Сокровище как нечто редкое, превосходное; шедевр как высшее достижение мастерства... Чем дальше отстоит от наших дней произведение высокого искусства, тем отчетливее сознаем мы его бесспорность. Века или хотя бы десятилетия жизни творения — нормальная мера его оценки. Несколькими годами — срок слишком малый, чтобы обозначить такими эпитетами книгу. Как произведение искусства она должна пройти свой путь, выдержать и критику оппонентов, и безоглядную приязнь сторонников. Тогда ее место будет устойчиво ближе к одной или другой из полярных оценок.

Книг у нас выходит много, среди них есть без преувеличения прекрасные, каждая — в своем роде. Только на всесоюзных конкурсах искусства книги ежегодно вручается более ста дипломов. Немного арифметики, и станет ясно, что за десять лет больше тысячи изданий получили награды. О каком из них рассказать, чем руководствоваться?

Время все расставит по своим местам. И все же среди обилия книг высоких достоинств эта — «...в окрестностях Москвы», с подзаголовком-уточнением «Из истории усадебной культуры XVII—XIX веков» — как в год ее выхода в свет (1979), так и теперь, по прошествии лет, стоит отдельно, особняком. И не только потому, что ее содержание целиком посвящено драгоценным раритетам — произведениям зодчества, изобразительного искусства, литературы, — пришедшим из далеких времен, иногда чудом сохранившимся. Но еще и потому — а сейчас об этом можно говорить определенно, — что это уникальное издание и само стало событием, сконцентрированным воплощением дизайнерской мысли талантливого художника, своеобразным памятником сокровищам отечественной культуры. И как образец книжного искусства заняло достойное место в Музее книги Библиотеки им. В. И. Ленина.

Книга удивительна как торжественное, монументальное по форме произведение — собрание материальных документов истории российской культуры, свидетельств самых различных: виденных и невиданных, показанных в музеях и хранящихся в запасниках, знакомых и, по преимуществу, специально найденных и отобранных именно для этой книги. Мы видим шедевры зодчества и живописи, старинные прекрасно воспроизведенные гравюры и садово-парковую скульптуру, планы, рисунки, проекты, созданные величайшими архитекторами прошлого, фрагменты ковров и вышивку бисером на сюжеты из жизни усадеб, особо популярные в свое время эмблемы и символы, известные лишь немногим произведения литературы — прозу и стихи — и многое, многое другое. Для этого издания был отобран, кажется, весь, какой только

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII — XIX вв. Москва, 1979 г.
Переплет

О Отечество мое! в чем отказала тебе природа?
Андрей Раевский. Прогулки в окрестностях Москвы

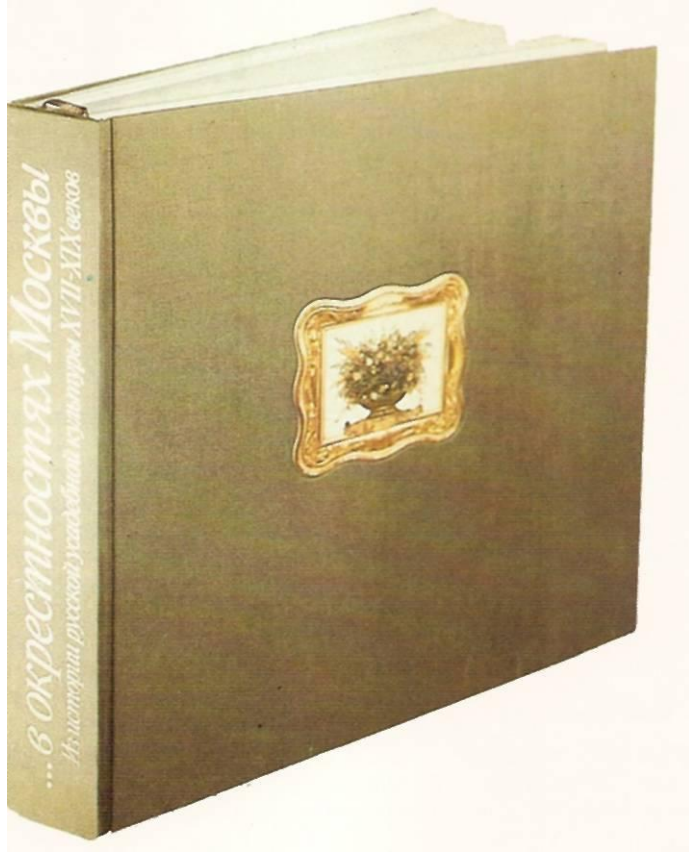
возможно, материал — словесный и изобразительный, — который группируется вокруг единого стержня, обозначенного составителями как некая «идеальная, никем еще не написанная история усадебной культуры», понимаемой ими в рамках заданной темы широко и исторически верно.

Составители не старались решить глобальную задачу: воссоздать полную историю усадебной культуры в России. Даже применительно к Москве и Подмосковию они обозначили свой труд как очерки, заметки на полях этой истории (весьма

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.

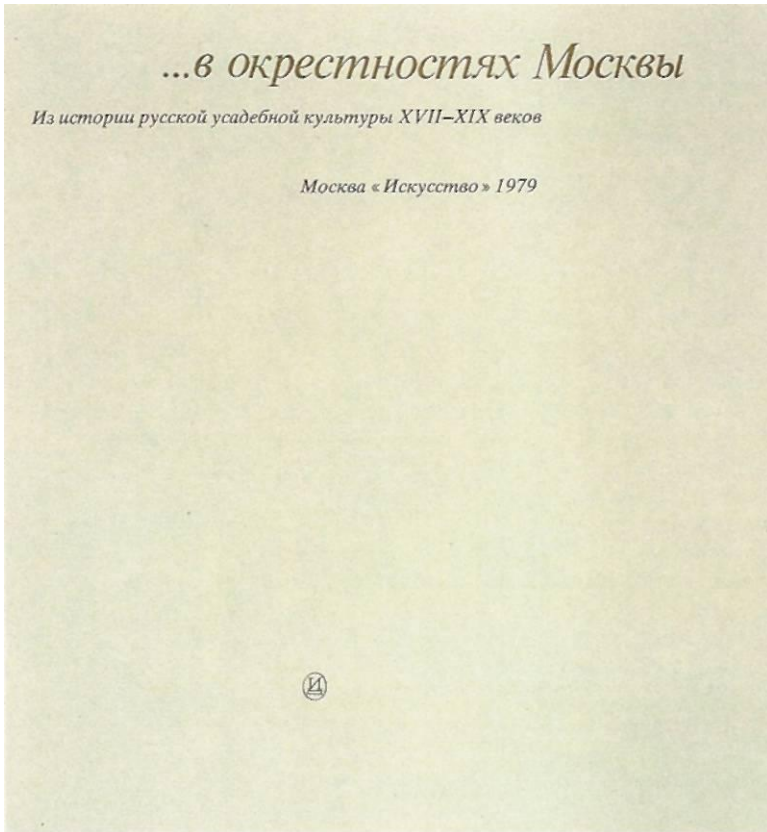
Среди лучших по оформлению книг, вышедших в стране за последние годы и отмеченных дипломами всесоюзных конкурсов искусства книги, есть такие, которые имеют непосредственное отношение к самому процессу развития книжного искусства.

Музей книги Библиотеки комплектует издания, которые не просто отражают уровень отечественного книгоиздания, но концентрируют некоторые тенденции в оформлении и иллюстрировании, дающие отсыл в историю развития книги или воплощающие поиск облика книги завтрашнего дня.

скромная самооценка, если иметь в виду только объем научных изысканий В. Турчина и В. Шередеги, профессионально и одновременно популярно рассказавших истории усадеб). Однако они отчетливо сознавали главное: «Разные по масштабу, назначению и стилю усадьбы являлись частью социального и духовного бытия больших и сложных эпох. Среди творцов подмосковных ансамблей были и талантливые крепостные мастера, и безвестные зодчие, и великие русские архитекторы. Они вдохнули в произведения усадебной архитектуры частицу своей души, и соприкосновение с ней никогда не перестанет быть волнующим. Без представления об особой атмосфере подмосковной усадьбы трудно понять специфические стороны таланта целой плеяды деятелей русской культуры, искусства и литературы».

Осознание единства и неразрывности прошлого и будущего, необходимости сохранения культурного наследия стало главным в работе всех причастных к этому изданию: авторов текста и комментариев В. Турчина, В. Шередеги, К. Богемской; автора аннотаций — кратких «историй жизни» почти пятидесяти усадеб — В. Шаковой; авторов интереснейших публикаций, создателей обширного справочного аппарата. Безусловно, велика роль фотографов, мастеров высочайшего класса — Э. Стейнерта, выполнившего всю цветную съемку,

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.
Титульный лист книги

Естествен наш интерес к прошлому, духовной жизни предшествующих поколений. Среди многих факсимильно воспроизведенных книг прошлого есть поистине уникальные — это «Изборник Святослава» 1073 года (М.: Книга, 1983) и «Сказание о Борисе и Глебе» (М.: Книга, 1985).

Когда рукописная книга, чаще всего существовавшая в единственном экземпляре, хранящаяся за семью замками, выходит впервые достаточно большим тиражом и позволяет, наконец, всем желающим прочесть произведения авторов, живших более девяти столетий назад, это уже событие — и литературной, и культурной жизни. Если же книга издана факсимильно, точно воспроизводит оригинал в том виде, в каком он дошел до нас (исключая новое внешнее оформление), — событие двойное.

и А. Дорофеева, великолепно донесшего до нас все нюансы в монохромной фотографии.

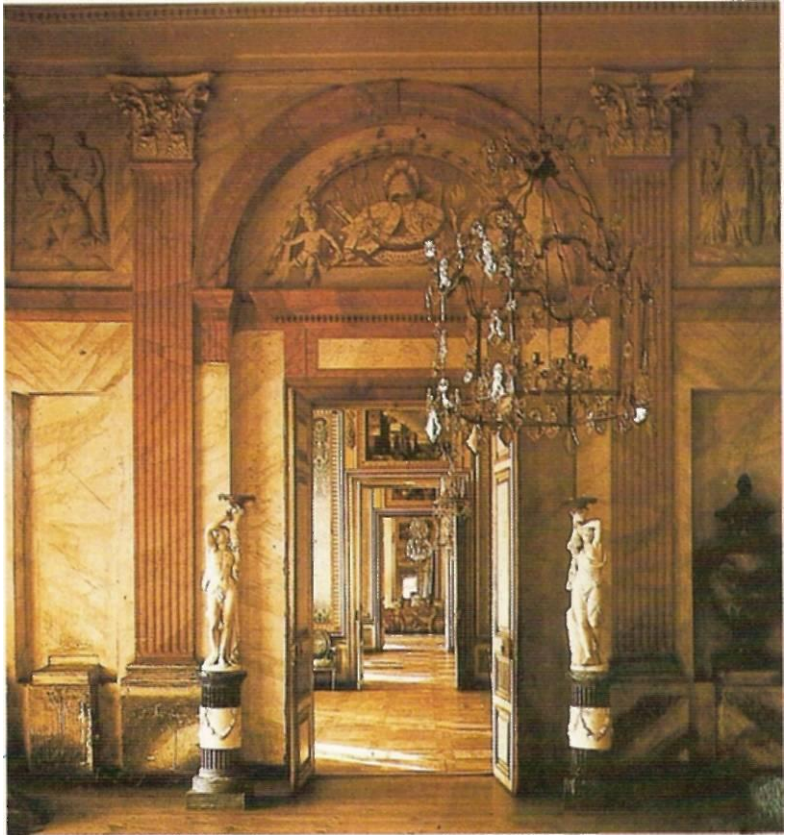
И все же книга состоялась как явление, как уникальное произведение прежде всего благодаря Михаилу Аниксту, художнику яркой индивидуальности, разносторонних знаний, объединившему творческие усилия всего коллектива энтузиастов.

Правда, идея издания принадлежит другому известному художнику, Максиму Жукову. В 1969 году, после выхода на экраны картины А. Михалкова-Кончаловского «Дворянское гнездо» по повести И.С. Тургенева, он как-то сказал друзьям-коллегам, что хорошо бы сделать нечто подобное работе художников фильма М. Ромадина, Н. Двигубского и С. Боима, но в книжном варианте.

В те, шестидесятые годы мы не так остро ощущали, как быстро исчезают веками накопленные образцы культуры прошлого. Немногие дворцово-парковые ансамбли Москвы и Подмосковья отмечены нашим бережным отношением к ним. Разве что Архангельское, Абрамцево, Коломенское, Кусково, Останкино — всемирно известные музеи, — да еще несколько, большинству знакомые лишь по названиям. Остальные же в лучшем случае «приспособлены» под санатории, пионерские лагеря и другие общественные учреждения, для которых

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.
Страница книги

В этих книгах, по словам О.Г. Верейского, художник выступает в роли «хранителя, призванного сберечь и передать новым читателям лучшие художественные решения со всеми их нюансами». Каждое из этих изданий — это комплекс, включающий «переизданное» рукописное произведение и том научных исследований, необходимый и специалистам, и читателям, желающим понять истоки нашей духовной культуры.

сохранение памятника в его первоизданном виде — отнюдь не главная задача. В худшем случае — читаем: «Сохранился альбом литографий с видами...», «Сохранились акварели художника П.А. Герасимова», «В настоящее время от былого ансамбля полностью сохранились лишь боковые флигеля... каменные обелиски, колокольня и церковь», «От прежнего парка сохранились лишь отдельные деревья...»

Старая архитектура, дворцово-парковые ансамбли сметались с лица московской и подмосковной земли. Исчезали прекрасные произведения зодчества, садово-паркового искусства. Уходило все это: «Здесь возникло первое русское ботаническое общество», «Здесь бывали П.А. Вяземский и В.Л. Пушкин, а позднее — Л.Н. Толстой», «Сюда приезжали А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь и другие...»

Новые поколения, современные Геростраты — бесчисленные, а потому безымянные, — увлеченные ломкой, вычеркивали из будущего следы духовной жизни прошлых поколений, обрубали корни, разбазаривали живое и, казалось бы, вечное. Огромному городу требовались большие пространства для нового строительства — и это было их серьезным аргументом. Происходил «естественный отбор», жесткий и часто жестокий, при котором В. Баженов и М. Казаков, А. Воронихин и Ф. Кампорези, К. Бланк и М. Быковский, И. Ситников и И. Мичурин, многие безвестные талантливые архитекторы должны были отступить, уйти или сильно потесниться под натиском авторов однотипных сооружений из стекла и бетона.

Ощущение, что они — весь коллектив авторов, создателей книги — последние, кто видит многое из пока еще существующего, придавало особый нюанс работе. Они как бы воплощали идею Н.Ф. Федорова, мыслителя-утописта, в течение четверти века работавшего библиотекарем Румянцевской библиотеки: «рассеянное собрать, разложенное воскресить», но в своем варианте.

Первоначально задуманная как книга-реставрация шедевров нашей культуры, обращенная в основном к любителям русской старины, она приобрела звучание более широкое, оказалась важной в социальном плане, стала одним из первых упоминаний о границе, через которую переходить нельзя, преступно. Об этом в книге нет ни единого слова, ни намек, но мысль такая возникает непроизвольно как следствие двух ее свойств, опять-таки неразделимо связанных с личностью художника. Ее воздействие на читателя зависит от подбора документального материала и от его художественной интерпретации, идет от тщательно разработанного сценария — богатого, насыщенного, — и от «режиссерской» подачи.

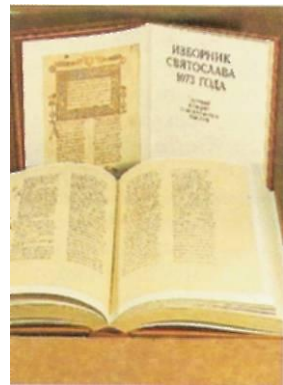
И если в воплощении авторской концепции издания поиск, выбор всего материала — и текстового, и изобразительного — шел на основе паритета между двумя составителями, В. Турчиным и М. Аниксета, то сценарий и его художественная реализация, режиссерская работа находились целиком во власти художника. Именно его активная воля, иногда близкая к диктату, его талант чувствуются в ней больше всего, прежде всего и во всем. Отсюда ее эмоциональный заряд, экстраординарность формы.

В этом же причины исключительности издания, которая сначала принесла ему диплом на Всесоюзном конкурсе «Искусство книги», а затем — золотую медаль в Лейпциге на конкурсе «Красивейшая книга мира», диплом на конкурсе «Красивейшая книга Австрии» и т. д. Но в этом же кроются причины всех споров по его поводу, не утихающих по сей день. Однако исключительность и не есть синоним бесспорности.

Наверное, ни одна книга в течение многих лет не вызвала столько принципиальных разговоров о существовании работы художника в издании, о правомерности применения тех или иных дизайнерских приемов. Она позволила еще раз уточнить, что есть «истинная книжность», что должна представлять из себя научная, научно-популярная книга, альбом. Дискуссии были полезны с точки зрения как теории, так и практики. И в этом я

В.Аронов. Эльзевиры
Москва, 1975 г.

Изборник Святослава
Москва, 1983 г.

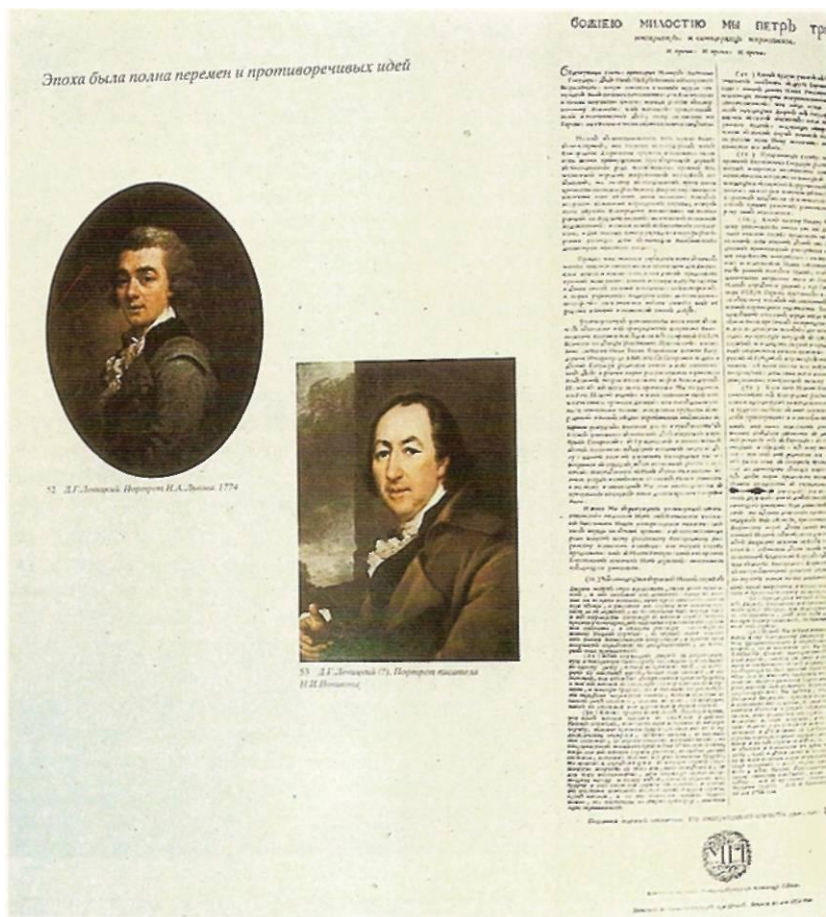

также вижу одно из достоинств книги «...в окрестностях Москвы».

Однако же споры спорами, а книга, хочется повторить, — одна из первых на тему чуткого отношения к памятникам русской старины — так и осталась стоять особняком, обращенная к нашему чувству прекрасного, парадоксальная в своем величии, неизъяснимо привлекательная, с богатой россыпью дизайнерских решений и диктаторской требовательностью в отношении к себе самой — Книге.

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.
Страницы книги

Издание «Наши, списанные с натуры русскими», вышедшее 150 лет назад, открыло эпоху полиграфической в русской книге. Обилие разного рода иллюстраций, заставок, концовок, шмуцтитуров, буквиц — всего изобразительного материала, композиционно и по смыслу связанного с текстом, объясняет нам, почему А.П. Башуцкий назвал книгу роскошным русским изданием (М.: Книга, 1986). Сегодня это факсимильное издание не только факт из истории русской литературы и книгоиздательского дела, но и определенная школа для художников. Естественно, что принципы оформительской работы по иллюстрированию литературного произведения в последующие годы развивались, приобретали новые черты. Но основа была заложена и наглядно представлена в издании А.П. Башуцкого.

Непросто пользоваться этим драгоценным изданием, этим квадратным фолиантом (70ХЮ0/6): слишком он не соотносится с привычными малогабаритными квартирами, стандартными полками и шкафами. И это обстоятельство вызывало, пожалуй, наибольшие претензии в его адрес. Объем книги — свыше ста условных печатных листов, причем бумага тяжелая — верже для форзаца и всего текста и мелованная для альбомной части издания. А отсюда — вес всего комплекса, состоящего из трех предметов: футляра, основной книги-альбома и тетради переводов текста и подписей на английском, французском и немецком языках; и вес этот не меньше пяти килограммов. При таком объеме, формате и весе

и пользоваться изданием непросто. Оно требует свободного стола, чтобы расположиться комфортно, с трудом вынуть из монументального, украшенного гравюрами футляра столь же монументальную книгу, открыть переплет с изящной наклейкой и начать неспешно перелистывать. Весь этот процесс, почти ритуал, подводит к мысли, чтоходишь в здание современное, но предназначенное для демонстрации предметов старины, и парадокс в том и состоит, что в зданиеходишь без ощущения диссонанса между формой и ее наполнением.

Статьи Н.Г. Охотина «А.Л. Башуцкий и его книга» и Г.Ю. Стернина «У истоков новой книжной графики» не менее увлекательны, чем очерки о социальных типах (Водовоз, Барышня, Армейский офицер и т. д.), списанных с натуры.

№ 11. Башуцкий. Портрет Екатерины Васильевны в платье желтого цвета. 1775

№ 12. Штернина в клетке. 1775

На этом фоне мыслится об-
разы и строение человека. В том
же соображении, но в другом
Формы каждой, крылатые, и в
иные, вливаясь, и вступая, и в
иные, и вступая, и вступая, и
иные, и вступая, и вступая, и
иные, и вступая, и вступая, и
иные, и вступая, и вступая, и
иные, и вступая, и вступая, и

Конечно, художник создал форму, удобную прежде всего для решения своих дизайнерских задач, для воплощения собственной художественной концепции. Но также и форму, позволяющую торжественно и возвышенно преподнести каждый экспонат, показать его ценность — будь то проект Ф. Кампорези или фотография беседки В. Баженова, фрагмент каменной резьбы Я. Бухвостова или лист из альбома русского рисовальщика и гравера М. Махаева, натюрморт Г. Теплова или титульный лист книги С. Ушакова «О плодородии озимого хлеба и о дерновой кровле». В сознании читателя с необходимостью возникает мысль, что каждый предмет драгоценен сам по себе, но особая его ценность — в неразрывной связи

со всем остальным, существующим в книге, в истории культуры, в нашем сегодняшнем и завтрашнем дне.

И тогда неудобства забываются. Форма становится убедительной для читателя.

А поскольку Аникст — это всегда и высокий профессионализм, и, как правило, неожиданность, то уже самое начало книги, первые звуки торжественной увертюры удивляют отступлением от общепринятого. Не имеет смысла воспринимать каждый прием как открытие, сделанное только

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.
Страницы книги

В таком виде литературы, как общественно-политическая, проблема иллюстрирования всегда стояла достаточно остро: как иллюстрировать такие книги, какие произведения брать в качестве изобразительных эквивалентов текста, сколько их должно быть...

В чрезвычайно сложной по структуре книге «Москва. Иллюстрированная история» (том I) (М.: Прогресс, 1986), охватывающей огромный период в истории столицы и насыщенной столь же обширным материалом, иллюстрации равноценны тексту по объему и значению в решении практически всех задач издания. В одних случаях иллюстрация поясняет текст, дает необходимую зрительную информацию, в других — текст (например, цитаты из «Летописного свода», «Слова о полку Игореве» и другие) становится иллюстрацией. Фотографии, специально заказанные художникам, удостоверяют, знакомят, напоминают. Они дают читателю и возможность остановиться и передохнуть

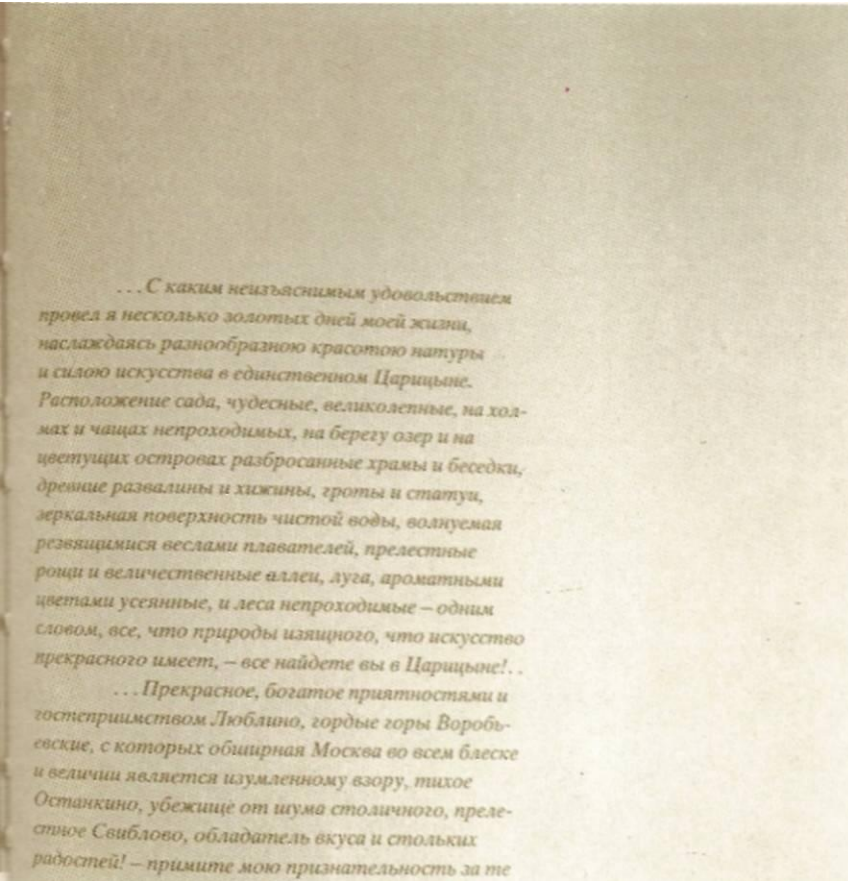

этим художником и именно в этой книге, хотя их и очень много.

Здесь важна их концентрация и взаимодействие, их сплав в осуществлении идеи.

Книгу предваряют три строчки из пространного эпитафия — поэтического воспоминания Андрея Раевского о прогулках в окрестностях Москвы. Эпитафия продолжается и за титульным листом, к нему подключаются две части гравюры Кадолля с изображением панорамы Москвы с Воробьевых гор. Нам сразу предлагают прочесть и увидеть то, что вроде бы давно хорошо знакомо. Но, естественно, видим-то мы сейчас иное, эмоционально воспринимаем не так, как Раевский: «гордые горы Воробьевские, с которых обширная

Москва во всем блеске и величии является изумленному взору, тихое Останкино, убежище от шума столичного, прелестное Свиблово, обладатель вкуса и стольких радостей...» Впрочем, не буду пересказывать дальше, закончу той высокой нотой, что венчает эпитафию: «О Отечество мое! в чем отказала тебе природа?» С этого и начинается наше путешествие по книге-музею с хорошо разработанным маршрутом-сценарием — путешествие неспешное, вызывающее раздумья, чувство сопричастности к прекрасному. Читателя как будто

от обилия фактического материала, созерцая прекрасное, потому что такие иллюстрации — как правило, шедевры отечественного искусства. Структурная сложность, логические ходы, предложенные художниками, ритмические построения выделяют это издание среди других общественно-политических книг на подобную тему, делают его почти научно-художественной энциклопедией Москвы.

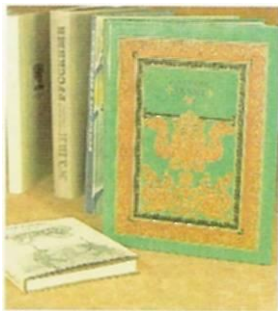
берут за руку и ведут, не по книге — по эпохам, по историческим периодам.

Структура книги ясна и логична, внешне даже проста: текстовая часть с монохромными изображениями, за ней следом — альбомная — с цветными. Пять глав — пять «альбомов», плюс библиографические списки, публикации и прочее.

Естественно, чем дальше отстоит от нас определенный этап развития культуры, допустим, XVII век — зарождение усадеб, тем меньше объем главы и количество иллюстраций. Годы расцвета усадебной культуры оставили нам большее количество памятников архитектуры, живописи, скульптуры, менялся стиль ансамблей, вкусы, направления (что было отражением

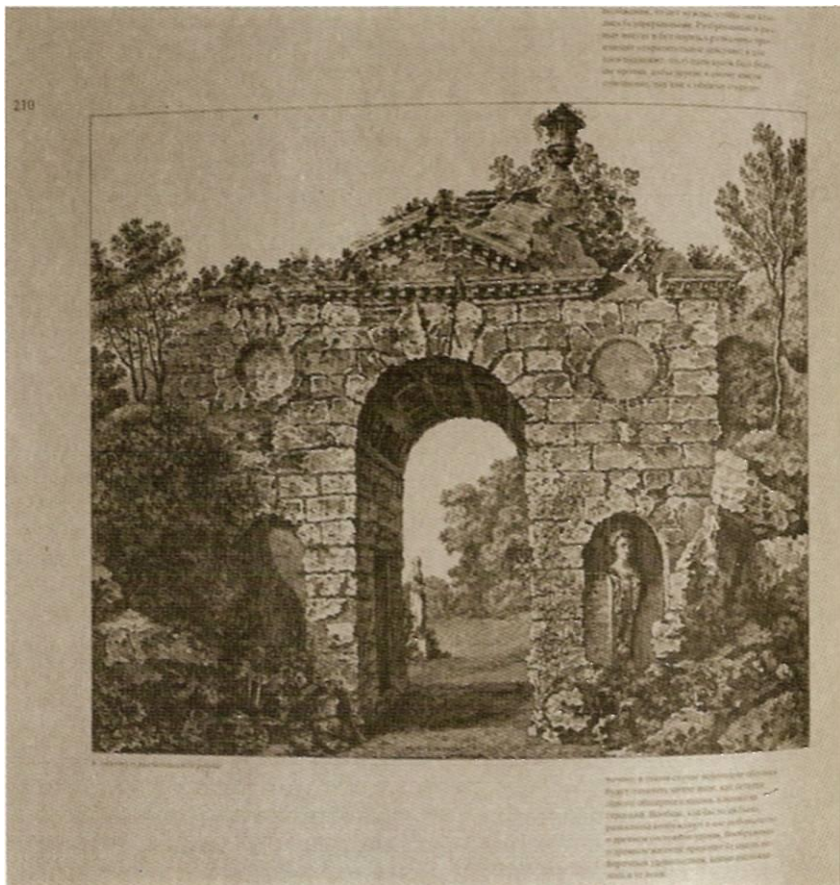
общей истории искусства в России) — и в книге этому периоду отведено больше места, и альбом шире, богаче разнообразным материалом. Мы подходим к тому времени, когда «усадьба изжила себя, в ее развитии не появляется ничего нового» — и в структуре книги, объеме материала видим тому подтверждение.

И все же это простое и ясное построение само по себе ничего не говорит о книге. Приходится снова вернуться к тому, как же все это преподносит нам художник, какими

П.Бажов. Сказы
Свердловск, 1978 г.

На Урале, вероятно, нет графика, который не рисовал бы «Сказы» П. Бажова, не имел бы собственного представления об их изобразительной интерпретации. Над сборником под таким названием, вышедшим в 1979 г. в Свердловске, работали восемь иллюстраторов и объединивший разные творческие индивидуальности оформитель Тамара Волович. Здесь рядом эмоциональные иллюстрации Г. Мосина, полные мягкого юмора и удивительной доброты — Г. Кетова, подчеркнута декоративные — В. Воловича, зачастую грустные полотна О. Коровина, выполненные в цвете зелени, дерева, неба — Л. Полетовой, почти станковые композиции В. Васильева, яркая и легкая графика Г. Метелева с рамкой-символом, гравюры С. Киприна. Для изда-

средствами пользуется. Оказывается, и объем материала может стать основой декоративного приема, для этого нужно только посмотреть на обрез книги. По толщине контрастных полос — тонированной бежевой для текста и белой для альбомных частей — видно, насколько средняя, доминирующая часть книги обширнее. Можно говорить о гармонии цвета в переплете, каптале, бумаге, о градациях цвета от темно-коричневого к белому; можно — о том, что облегчается и упрощается поиск нужной главы. Изящество каждой страницы, где красивый шрифтовой блок — часть изысканной композиции, множество разнообразных приемов, каждый в отдельности и все вместе, обращены к читателю, вызывают его ответное чувство гармонии, оставляют след в воображении.

Может быть, покажется странным, но созерцание «чистой красоты» будит и тревогу: столь многое уже утрачено из нашего национального достояния, отказываясь от него, где, когда мы остановимся?

Вот еще, казалось бы, чисто дизайнерский прием: декоративная увертюра перед каждой главой. На фотографии изображен всегда лишь фрагмент крупного произведения. Сама картина, ковер или каменное кружево крепостного архитектора XVII в. Якова Бухвостова — соответствует времени, о ко-

Архангельское и Останкино

Для публикации примера уюта виллы резиденции помещика от Москвы

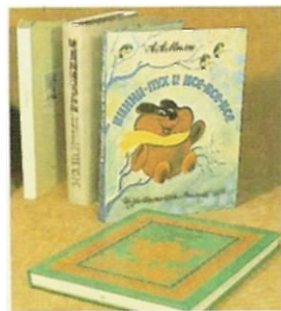
Остановимся на двух примерах усадебного строительства. При всей оригинальности замысла и воплощения можно увидеть в них черты, описанные нами в предшествующих разделах главы, но получившие, быть может, только наилучшую стилистическую редакцию.

Подмосковные усадьбы Архангельское и Останкино строились сравнительно долго. В их создании принимали участие многие архитекторы, скульпторы и художники, руководство работами перекладывало часто от одного к другому, проекты изменялись и дополнялись уже в процессе строительства. Коллективное, совместное творчество различных мастеров не только не препятствовало возникновению здесь произведений высокого художественного качества, но, напротив, само, словно естественным образом, породило его.

Блестящее художественное единство Архангельского и Останкина, где труд зарубежного иностранца, творчество талантливого крепостного мастера, воля владельца, домасел петербургских знаменитостей сплывались в одном стремлении создать вечную, нетленную кра-

тором пойдет речь в главе. Фрагментарность же — как напоминание, что и от усадебной культуры уцелели лишь разрозненные остатки, части некогда единого целого. Опять мы видим переход от внешне простого — к внутренне глубокому, сложному. Снова отсыл к чувству читателя.

На усиление этого чувства гармонии и утраты направлена вся тщательно разработанная система не часто применяемых художниками параллелей, ассоциаций, иногда заманчивых ловушек сродни тем, что были в ходу у искусных садовников, лирических отступлений и многого другого, что особенно отличает центральную часть книги. В главе четвертой «Годы расцвета подмосковной усадьбы (1770—1812 гг.)» макет несколько видоизменяется. Широкие поля, обрамляв-

А.Милн. Винни-Пух и все-все-все...
Москва, 1986 г.

тельства — эксперимент. Для читателя — возможность сопоставить прочтение Бажова разными художниками со своими собственными представлениями.

Есть книги — их иногда называют семейными, — которые задуманы и сделаны так, чтобы они

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.
Страницы книги

были одинаково интересны и детям, и взрослым. Вот так, видимо, произошло и с повестью-сказкой А. Милна «Винни-Пух и все-все-все» (М.: Дет. лит., 1986), иллюстрированной Б. Диодоровым. Художник изобразил не действующих лиц и отдельные ситуации, возникающие в книге Милна, а само детство,

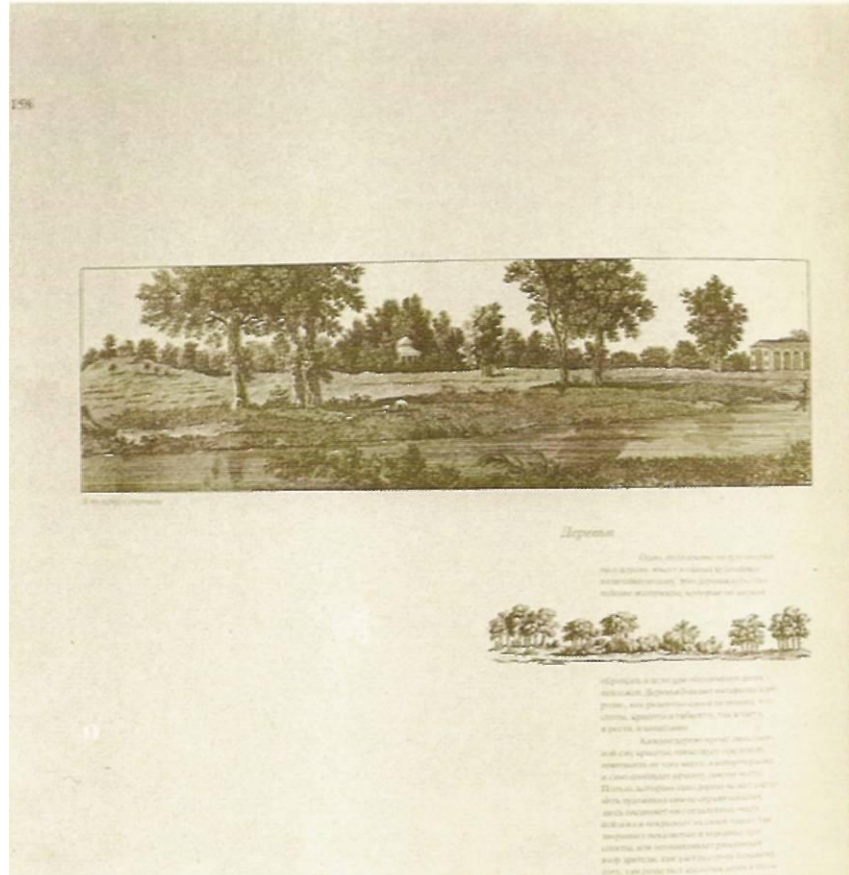
шие шрифтовой блок в предыдущих главах, уходят. Но «воздух» остается, несмотря на то, что пространство многих страниц, разворотов уплотняется, появляются сложные построения, композиционные связи. Основной текст сдвигается в край страницы, к обрезу. А на высвободившемся пространстве листа располагается как бы еще одна книга, иллюстрированный «Садовый словарь». Для большинства читателей — это занимательное чтение; для специалистов, художников и искусствоведов — еще и оформительский прием; а для тех, кто

когда переход из фантазии в обычную жизнь был легок и незаметен. Фантазируя вместе с Милном (и Заходером, конечно), Диодоров придумывает целую изобразительную систему, ведет собственный рассказ, в котором важно все: от обязательно новой композиции в начале главы до руковорных кричалок и шумелок медвежонка, от титульного разворота, по которому чередой проходят главные действующие лица, до последнего рисунка — уходящего Винни-Пуха. Кристофер Робин уходит из Зачарованного места — детства. Борис Диодоров о нем напоминает, чтобы в мыслях своих мы туда хоть ненадолго заглянули.

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX вв. Москва, 1979 г.
Страницы книги

В представлении многих читателей рукописная книга связана с временами далекими, более пяти веков отделяют нас от начала книгопечатания.

Но рукописная книга существует и сегодня, как бы на новом витке истории книги, с использованием возможностей современной полиграфии, когда соз-

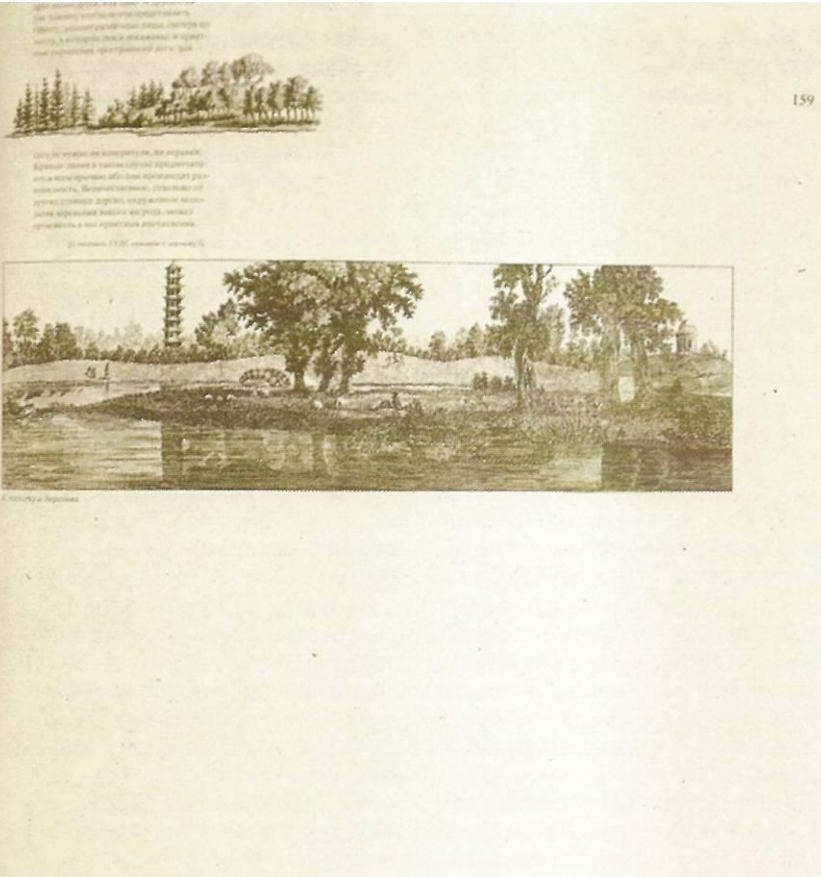

занимается подобной «садовой» работой в наши дни, — может быть, и практическое руководство (впрочем, практическое применение — это из области фантастики).

В сущности «Садовый словарь» — еще одно комплексное исследование составителей, оригинальное произведение, возникшее на основе разрозненных, иногда неожиданных, литературных источников XVIII—XIX веков. В известной степени он является обширной многокомпонентной иллюстрацией к основному тексту. Но удельный вес его — по смыслу, по содержанию, собственной композиции — таков, что его можно определить литературоведческим термином «роман в романе».

Сначала его текст идет параллельно основному тексту главы. Но уже здесь графическим изображениям становится

тесно, они иногда занимают страницу — когда велики по размеру, важны по смыслу или талантливо как произведения искусства. Иногда выстраиваются в логические цепочки, таблицы, декоративные и познавательные, увлекательные. У этого произведения — «словаря» — свой сюжет, кульминация, атрибутика... И все во взаимодействии с основным, авторским текстом В. Турчина и В. Шередеги. Поэтому и принцип «романа в романе» здесь действует несколько иначе. Например, изображения садовых скульптур становятся на

место авторского текста. Получается, что пояснительные рисунки несут основную смысловую, эмоциональную, эстетическую нагрузку. Они всегда складываются в увлекательный связный рассказ преимущественно изобразительными средствами. Здесь текст «Садового словаря» — на вторых ролях.

Сложные смысловые и композиционные построения следуют одно за другим, чередуются со «спокойными» страницами авторского текста, затем — снова всплеск ассоциаций. А в целом — воплощение представлений художника о смысле, сути, возможностях дизайна в книге.

Многозначность параллелей и ассоциаций характерна и для альбомной части центральной главы. Вот лишь один разворот.

данные художником страницы, целиком рукотворный оригинал выходит тиражом в десятки тысяч экземпляров. Для В. Вагина такой вид художественного творчества стал постоянным. «Подпоручик Кижж» — одна из его последних по времени создания работ (М.: Худож. лит., 1985). Вагин как бы встает на место литературного героя, берет его гусиное перо, вживается в образ и вместе с ним сочиняет, пишет, ни на минуту, однако, не оставляя своей позиции современного художника, обладающего к тому же обостренным чувством юмора.

В книге много острых, насмешливых, иногда злых, часто забавных рисунков; композиция отдельных страниц, разворотов парадоксальна и вызывающа. Художник изощряется в компоновке текста, рисунков, вынося отдельно прямую речь персонажей и подчеркивая ее применением второго цвета, заменяя порой слово изображением. Мы же получаем в результате книгу, которая задумана и выполнена одним человеком — художником, использующим рукописный шрифт как дополнительное средство создания духа времени и образа персонажа.

Ключ к нему — в короткой фразе-эпиграфе (да, и у разворота есть свой эпиграф-символ): «Эпоха была полна перемен и противоречивых идей». И подтверждение: портрет русского архитектора, графика, поэта, музыканта Н.А. Львова (нам позже покажут и его проект дома Воронцова); портрет просветителя, писателя, книгоиздателя Н.И. Новикова; типографский оттиск «Указа о вольности дворянства»; медальон с изображением пейзажа и масонского обелиска XIX века. Тут же — парадный портрет Екатерины II в виде законодательницы в храме богини правосудия, а рядом — гравюра Гиллерса «Е. И. Пугачев в клетке» (см. с. 208—209).

Ю.Тынянов. Подпоручик Киж. Москва, 1985 г.

В группе массовых книг общественно-политической тематики вышла книга не просто иллюстрированная, но вся сплошь состоящая из рисованных иллюстраций. Это — «Русская революция 1917 года: как это было» (М.: Прогресс, 1986). Большинству читателей этот графически-повествовательный жанр, в котором серия рисунков с краткими текстами образует связный рассказ, известен под названием «комикс». Но серьезная, даже строгая тема истории — и комикс? Такого на конкурсах, да и вообще *6 издательской практике не было, и книга, естественно, вызвала споры о правомерности такого художественного приема. Тем не менее высокий диплом она получила, поскольку

то когда открываешь и эти, и другие страницы, то прежде видишь, потом — размышляешь. Сначала все-таки изумляет искусство дизайна, только затем вникаешь в смысл сложных построений. Но к существу Аникст приводит обязательно.

Для многих читателей, и профессионалов книжного искусства, и неспециалистов, главное достоинство издания — в его изобразительной части: в комплексе заставок и концовок, в монохромных и цветных иллюстрациях, миниатюрных и не уместившихся на одной странице, почему и потребовалась фальцовка. Особое обаяние вызывает натурная съемка, цветные фотографии существующих сооружений в их естественной среде, в природе, многочисленных так называемых «малых форм» — беседок, а также интерьеров тех дворцов, которые стали теперь музеями.

Из всех изобразительных искусств цветная видовая фотография, пожалуй, наиболее демократична: она не требует от зрителя специальной подготовки, обращена к его предыдущему опыту, понятна любому человеку. Помимо того, что натурные фотографии в книге технически совершенны, они и эмоционально находятся в контексте со всем остальным; будучи сделаны в наши дни, реставрируют дух, вкус к прекрасному, свойственный образованным людям прошлого. Они стилистически выдержаны в духе того времени. Эти великолепные фотографии, выполненные Э. Стейнертом по эскизам Аникста, дают эмоциональный отсыл в историю искусства. Каждая из них — поистине живописное произведение, но также и элемент системы пластических средств.

Пейзажные съемки вызывают в воображении картины Клода Лоррена, его «идеальные» пейзажи, с тем же стремлением к тончайшей разработке световоздушной среды, с его эффектами рассеянного света, его мечтательно-элегическим настроением. Почти вся съемка проводилась ранним утром, когда только еще начинало светать, природа замерла и оказалась как бы вне времени. Например, беседка Баженова в Быкове или беседка в парке Братцева. И та, и другая фотографии — законченная совершенная живопись.

Интерьеры предлагают вспомнить другого художника XVII века — Вермеера. Свет и воздух, поэтизация жизни людей, населявших эти богато убранные комнаты, поэтизация единства человека с окружающей средой, природой. Оттенки, блики, рефлексы — все изысканно, утонченно, гармонично. Все обращено к чувствам.

И все точно рассчитано — до миллиметра и секунды, — обдуманно, нарисовано еще до съемки. В процессе необыч-

ной реставрации духа культуры прошлого даже технические средства выбирались особые. «Материалом» реставрационной работы становились ракурс, время дня, освещение, погода...

А многое приходилось организовывать специально. Ведь если в природе этим утром нет тумана — его нужно «сделать», — хотя бы с помощью дымовой шашки, взятой на киностудии. Если темноват интерьер — используется пятнадцатиминутная выдержка. Каждый раз — терпение, ожидание, ухищрение. Мы же получаем точный посыл во французскую или голландскую живопись XVII века.

Нередко реальная реставрация, которой подвергались некоторые архитектурные памятники, механическое восстановление утраченных деталей вовсе не подходило, не соответствовало решению задачи теми деликатными средствами, что задумал художник. Virtuозность фотографа только проявляла позднейшую грубую лепнину, поэтому приходилось отказываться от многих прекрасных кадров. Оставалась только та благородная старина, которая единственно могла вызвать ответное чувство у читателя, причем искушенного и подготовленного, создать ощущение времени, когда здесь жили, строили, сажали деревья, встречали гостей, смотрели игру на театре. И собирали уникальные произведения искусства — из-за чего каждая усадьба стала своеобразным музеем, отличным от других мерой пристрастий, вкусом хозяев, уровнем их культуры, отражающим уровень культуры современной им России. Музейные качества каждой усадьбы заложены в прошлых веках. Ее современная жизнь бесспорна как часть нашего общего прошлого, нашей сегодняшней жизни.

По замыслу художника видовая фотография стала носителем мироощущения, настроения. Ибо — возвращаясь к эпиграфу книги, словам Раевского: «...в чувствах, в способности восхищаться изящным заключена тайна счастья нашего!»

И ради того, чтобы мы получили такую возможность восхищаться, чтобы сумели хоть ненадолго остановиться и оглянуться, была проделана колоссальная работа. В том числе и во время натуральных съемок. Сколько раз Аникст со Стейнертом выезжали в бывшие дворянские гнезда, сейчас и не сосчитать. Только в Братцеве снимали шесть раз: то погода испортилась, то зимнее настроение не подходит, летом тоже не получилось... Тот поэтический осенний снимок, что вошел в книгу, — где солнце прорывается через колонны беседки — и был шестым. И от скольких прекрасных фотографий пришлось отказаться из-за того, что были в них едва уловимые приметы сегодняшнего динамичного промышленного дня.

Читателю не важно, сколько времени два одержимых человека ловили мгновение на берегу пруда в селе Уборы, как рассчитывали гиперболу (сложную кривую, по которой должен перемещаться фотоаппарат), чтобы залы анфилады в Кусково были зрительно на одном уровне. Как сделали сияющим танцзал и «осветили» темную опочивальню. Как смог А. Дорофеев сохранить каждую тончайшую линию в старинных гравюрах. Читателю, обыкновенному любителю русской старины, в принципе не важны рассуждения о типе, виде издания... Человек получил Книгу.

и собственно рассказчик, и художник-рассказчик, поставленные в необычные условия эксперимента, со своей задачей справились. Популярный жанр, привычный для зарубежного читателя (а книга, выпущенная на английском языке, именно для него и предназначена), успешно осваивается в нашей стране, в теме нетрадиционной. Какой будет судьба книжек-картинок на сложную тему — сейчас сказать трудно, однако уже первый опыт такого издания позволяет предположить его продолжение.

Заканчивается это ностальгическое издание грустной нотой: размытыми в пространстве времени фигурами на полотне И.Н. Крамского «Осмотр старого дома», элегическими стихами Андрея Белого — «...дворянских фамилий облупленный герб», еще одним символом, последней печалью книги — картиной В. Борисова-Мусатова «Призраки». На фоне потекшей, заброшенной усадьбы — две женщины. Одна бесшумно уходит за раму картины, другая на мгновение остановилась, чтобы обернуться. Последний взгляд, прощальный вздох...

...в окрестностях Москвы
Из истории русской усадеб-
ной культуры XVII—
XIX вв. Москва, 1979 г.
Лист из альбома
М.Махаева с видом
усадьбы Кусково

Но расстаемся мы не с этими призрачными фигурами — мы прощаемся с шедеврами искусства трех столетий.

История зарождения, расцвета и угасания усадеб от начала XVII до конца XIX веков уместилась в тексте, в изображениях, но не завершилась с последней страницей книги. Она, эта книга, как бы обращена к нам, сегодня живущим, как бы спроецирована в будущее.

Мы теперь пристальнее смотрим на окружающее. Всплеск интереса к старине, многочисленные статьи и дискуссии породили надежду, что удастся отстоять уцелевшие островки материальной культуры прошлого, частью которой были усадьбы — «приюты искусств». Большой разговор только начат. Знаю, что в замыслах Михаила Аникста сделать еще одну книгу, рассказать о дворцово-парковых ансамблях не только Москвы и Подмосковья, но и всей России. Материал для такой книги в нашей жизни пока еще есть. Как мы все, сегодня живущие, распорядимся им?

Музей книги ГБЛ. Стенд «Из истории техники иллюстрирования»

Роль художника в работе над книгой постоянно возрастает. Художник выступает и как автор шрифта, и как создатель макета, и как оформитель. В каждом случае от его умения и способностей зависит качество книги.

Музей книги ГБЛ. Стенд
«От свитка к кодексу»

Музей книги ГБЛ. Стенд «Из истории техники иллюстрирования». Стенд «Премированные издания»

В Музее книги ГБЛ можно познакомиться не только с редчайшими или уникальными изданиями. Здесь можно увидеть и лучшие из современных. Можно проследить путь, который прошла книга, и оценить все возрастающее ее значение не только в духовной жизни человечества, но и как предмета материальной культуры.

Издательство «Книжная палата» выражает благодарность сотрудникам Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина Л.И.Бердникову, А.А.Гусевой, Т.А.Долгодровой, Е.В.Кваше, Э.К.Мамедовой, П.В. Николаеву, З.А.Покровской, Н.Б.Тихомирову, Н.И.Черкашиной, Л.И.Юнивергу, Е.И.Яцунок, которые оказали помощь в подготовке издания как его консультанты и рецензенты.

При подготовке материала, кратко характеризующего редкие и ценные издания, хранящиеся в фондах Библиотеки, были частично использованы материалы каталога «Книжные сокровища Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» (вып. 1—4. М., 1979—1980), подготовленного сотрудниками Библиотеки.

*Научно-популярное
издание*

Олег Григорьевич Ласу некий
Эдуард Григорьевич Бабаев
Дмитрий Михайлович Урнов и др.

КНИЖНЫЕ СОКРОВИЩА МИРА

[Вып.] I

Заведующая редакцией
Н. А. Захарова

Редактор
Е. А. Масалитина

Художественный редактор
И. К. Борисова

Технический редактор
А. Ф. Берникова

Корректор
Л. Ю. Столярова

ИБ № 26

Слано в набор 3.11.88. Подписано к печати 15.11.89. А 01644. Формат 70X 100'/>ь. Бум. мелованная 115 г. Гарнитура Тип Тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2. Усл. кр.-отг. 111,4. Уч.-изд. л. 20,81. Тираж 40 000 (1 — 10000) экз. Изд. № 4615. Заказ № 4263. Цена 5 р.

Издательство «Книжная палата», 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473 Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Во втором выпуске нового издания «Книжные сокровища мира» будут раскрыты фонды Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в наиболее ценных изданиях и коллекциях. Это раритеты, имеющие мировую историко-культурную значимость, истинные «сокровища мира». Читатель узнает о наиболее редких изданиях Библии, о судьбе поэтического наследия Р.М.Рильке, об изданиях Э.Т.А.Гофмана, иллюстрированных им самим, о таинственных сестрах Бронте, о «романе века» — «Улиссе» Д. Джойса, истории создания «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф.Рабле, Дж.Казанове и его влиянии на литературу и сознание XX в., о мифологической прозе Л.Мештерхази.